

145

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

145

АНТИЧНЫЕ ПАМЯТНИКИ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

145

АНТИЧНЫЕ ПАМЯТНИКИ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1976

СТАТЬИ

А. П. ЧУБОВА, Б. Н. ФЕДОРОВ

ВОПРОСЫ РЕКОНСТРУКЦИИ
ЖИВОПИСНЫХ НАДГРОБИЙ ХЕРСОНЕСА

В 1960—1961 гг. в Херсонесе под руководством С. Ф. Стржелецкого была исследована крепостная башня XVII, так называемая башня Зенона. Результаты раскопок изложены в специальном выпуске «Сообщений Херсонесского музея»¹.

В «ядро» башни первого строительного периода были положены надгробия конца IV—начала III в. до н. э., исполненные из сарматского известняка. Наряду с целыми и фрагментированными узкими высокими стенами с рельефом и росписью были найдены части монументальных расписных надгробий и многочисленные архитектурные фрагменты (всего 345 экз.). Из живописных фрагментов С. Ф. Стржелецкий подробно описал следующие: 1) обломок с головой юноши (опубликован в цвете); 2) архитектурный фрагмент с живописным фризом животных². Кратко он отметил еще несколько живописных фрагментов: на одном, состоящем из двух кусков, по его мнению, изображена голова; на другом (из четырех кусков) — «довольно четко просматриваются детали крупного сооружения, возможно, архитектурного пейзажа заднего плана картины»; на третьем — видна нижняя часть композиции «с изображением ноги коня в натуральную величину: сохранились копыто и нижняя половина бабки»³.

В 1972 г. мы вместе с научным сотрудником Херсонесского музея О. Б. Киселевой исследовали фрагменты плит с живописью. Изучение их показало, что можно раскрыть сюжеты еще двух фрагментов и уточнить содержание двух, упомянутых С. Ф. Стржелецким.

На фрагменте, не указанном в статье С. Ф. Стржелецкого (Херсонесский музей, полевая опись, № 205, размеры 51×45,5×14,5 см), определено изображение левой половины женской головы с плащом, спускающимся на плечо. Сохранились темные пышные волосы, следы надбровной дуги. Женщина изображена в натуральную величину сидящей в кресле; спинка которого видна за плечами. Нами предложена реконструкция лица и плеч (рис. 1, 1). Складки на белом плаще обозначены легкими темными штрихами. Как аналогию можно назвать сидящую в кресле женщину в росписи Казанлыкского склепа⁴.

¹ СХМ, IV, 1969.² С. Ф. Стржелецкий. Живопись и полихромные росписи монументальных надгробных сооружений IV—III вв. до н. э. — СХМ, IV, 1969, стр. 80 и сл.³ С. Ф. Стржелецкий. Указ. соч., стр. 86.⁴ А. Васильев. Античная гробница в Казанлыке. София, 1958, стр. 8—10.

Редакционная коллегия:

Н. Н. Воронин, О. С. Гадзяцкая (ответственный секретарь), Н. Н. Гурина,
И. Т. Кругликова (ответственный редактор),
К. Х. Кушнарера, А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мулчаев,
П. А. Раппопорт (зам. ответственного редактора),
В. В. Седов (зам. ответственного редактора),
Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон

Античные памятники Северного Причерноморья

КСИА, вып. 145

Утверждено к печати

Ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии АН СССР

Редактор Н. И. Сергиевская

Художественный редактор Н. Н. Власик, Технический редактор Л. Н. Золотухина

Корректоры М. В. Бортькова, Л. И. Харитонова

Сдано в набор 3/III 1976 г. Подписано к печати 23/VI 1976 г. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типографская
№ 2. Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 2700. Т-09553. Тип. зах 1044. Цена 68 коп.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, В. О. 9-линия, дом 12

© Издательство «Наука», 1976 г.

10602-176 88-76
042 (02)-76

85 678

На другом фрагменте, представляющем левый край распиленной плиты (№ 219, размеры 51×42 см), очень ясно видны верхняя часть ножки кресла с волютами и часть складок одежды сидящей справа фигуры. Ткань написана пурпуром, с глубокими зеленоватыми тенями. Такие же ножки у кресла на каменном троне из Эретрии⁵ и на краснофигурной амфоре из Британского музея⁶.

Третий исследованный нами фрагмент (№ 78, размеры 65×67×20 см), понятый С. Ф. Стржелецким как изображение ноги коня, представляет совсем другой сюжет. Это ножка дифроса — обычного греческого табурета. Именно на таких табуретах восседают Афина и Гефест на фризе Парфенона. Дифросы часто изображаются на надгробных аттических стелах IV в. до н. э.⁷ Эллинистическая деревянная ножка дифроса, подобной формы из Египта хранится в музее Метрополитен⁸.

Поскольку изображение ножки табурета не вызывает сомнения, большие живописные плоскости (пурпурные, розовые) могут быть поняты только как складки ткани хитона или плаща, обрисовывающие колени и голени сидящего, изображенные именно так и на фигуре Гефеста на фризе Парфенона и на многих аттических стелах.

На четвертом живописном фрагменте (№ 340^a, 340^b, 341^a, 341^b; склеен и распилен; размеры 69×70×16,7—18 см) можно увидеть больше, чем указал С. Ф. Стржелецкий. Изображение представляет собой интерьер просторной комнаты (рис. 1, 2). На переднем плане справа изображен навес, имеющий на потолке прямоугольные кесоны, которые показаны идущими на зрителя от задней стенки. Эта стенка примыкает вверху к узкой потолочной балке, тянущейся по направлению к пилону, ограждающему композицию слева. В балку вбит большой гвоздь, и к нему с помощью шнура прикреплена пурпурная шторка. За ней, в проеме между пилоном и стенкой навеса, в перспективном изображении видна уходящая в глубину комнаты стена. Эта композиция является ярчайшим, наиболее ранним примером так называемого архитектурно-перспективного, декоративного стиля. В этом ее особая художественно-историческая ценность.

Все описанные фрагменты энкаустической живописи, равно как и широко известная теперь голова юноши, представляют собой типично греческие произведения высокого мастерства. Эти росписи — единственные по качеству для городов Северного Причерноморья конца IV—III в. до н. э. — открывают еще одну значительную страницу в культурной жизни Херсонеса и позволяют говорить о замечательных живописных мастерских в этом городе.

Большое художественно-историческое значение имеют архитектурные фрагменты, обнаруженные при раскопках башни Зенона. Один из них под наименованием «фриз с росписью и живописью» был описан и репродуцирован С. Ф. Стржелецким⁹. Издатель справедливо предположил, что этот каменный «блок представляет собой только фрагмент, по-видимому, монументального надгробия». В той же башне были обнаружены угловые блоки (некоторые длиной до 105 см), позволившие завершить фризобразную композицию и определить объем всего надгробия.

Изучение всех найденных в Херсонесе идентичных блоков (всего их 37) и в частности исследование стыковки камней, а также размещения пилонов позволяют утверждать, что рассматриваемый памятник представлял собой в плане П-образное сооружение (рис. 2). Лицевой фасад его составляла сторона, имеющая фриз, ограниченный с торцов выступающими вперед своеобразными пилястрами-лапами. На одном из них (№ 736)

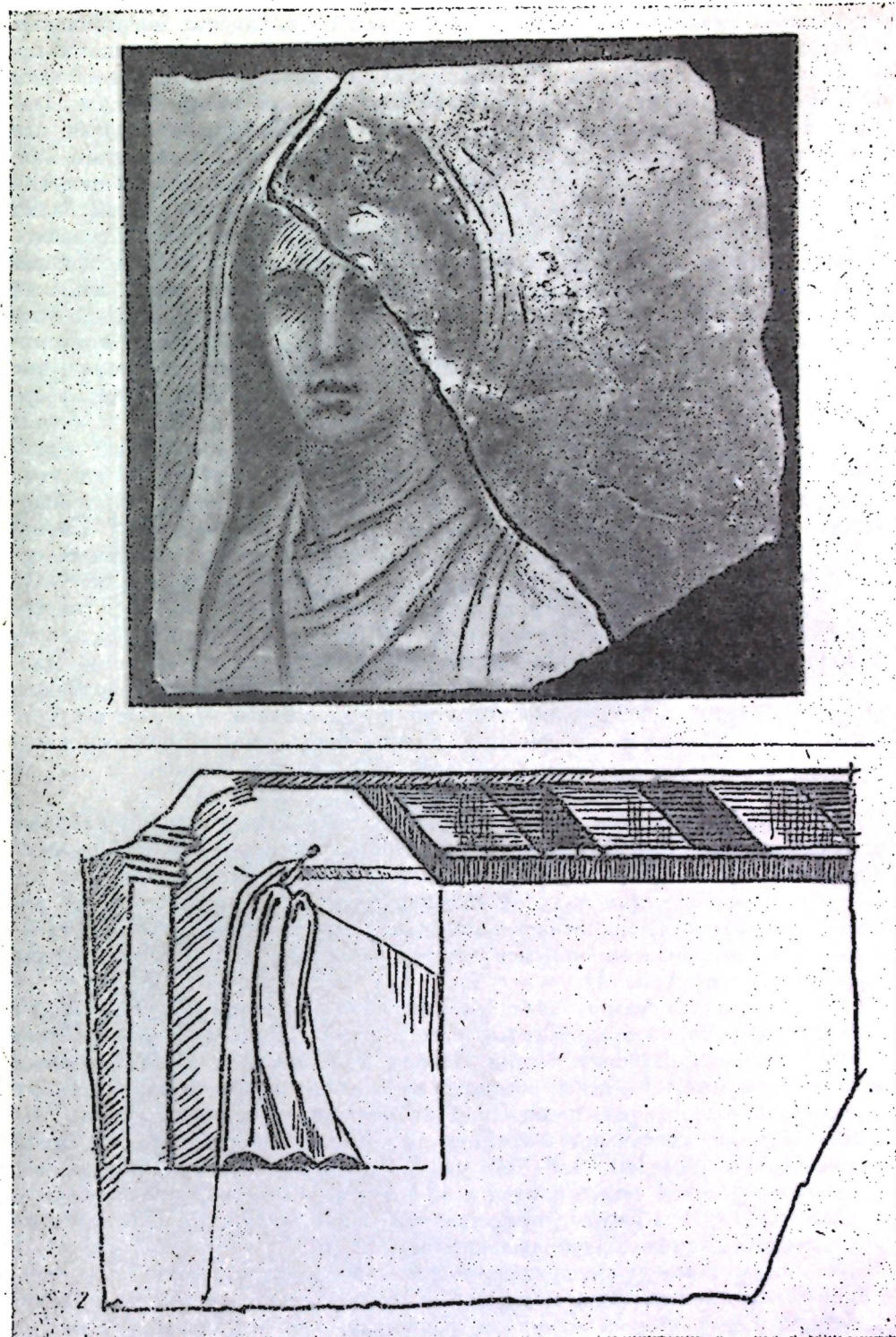

Рис. 1. Надгробия

1 — фрагмент живописного надгробия из башни XVII (инв. № 205) и реконструкция изображения женской головы; 2 — фрагмент надгробия с изображением интерьера комнаты

⁵ С. М. А. Richter. Ancient Furniture. Oxford, 1956, стр. 53.

⁶ Там же, стр. 36.

⁷ См., например: А. Conze. Die attischen Grabreliefs. Berlin, 1892—1913, табл. XLIV.

⁸ С. М. А. Richter. Указ. соч., стр. 94.

⁹ С. Ф. Стржелецкий. Указ. соч., стр. 80—85, рис. 40, 41.

изображена сирена, которую часто помещали на эллинских погребальных памятниках. Можно без труда заметить, что сборка блоков напоминает балочную часть ионического антаблемента облегченного типа, известного по портику карнатид афинского Эрехтейона или по храму Афины Паллады в Приене. Довольно ясно ощущается трехчастность архитрава, где средняя фасция более широкая и в нее врезана лента с живописным изображением зверей, т. е. зооморфный фриз, характерный для ионической архитектуры. Естественно, что часть, лежащая выше архитравной балки в стоечно-балочной системе конструкций, всегда должна соответствовать второстепенным балкам, находящимся на архитраве и расположенным перпендикулярно ему. Вот почему завершающая фризовый блок широкая полка расписана дентикулами, как бы имитируя эти балки. Следует упомянуть, что дентикулы изображены перспективно, с расчетом на восприятие с позиции стоящего человека. Балочная часть нашего памятника, как и всякого архитектурного сооружения, естественно, должна была завершаться карнизом. Карнизные ионические блоки обнаружены в башне Зенона: найдено 50 фрагментов, из которых 24 имели роспись, по характеру близкую к росписи верхних обломков фризовых камней. Высота этих карнизов была одинакова. Как пишет С. Ф. Стржелецкий, они принадлежали надгробию, которое по высоте не превышало 2,5—2,6 м¹⁰. Совмещение сборки блоков с карнизными характерно для архитектурных сооружений Греции конца V—IV в. до н. э. В качестве примера может служить тот же портик Эрехтейона, где карнизная часть, как и в нашем памятнике, составляет 1/4 часть всего антаблемента. Следовательно, напрашивается вывод, что наша полная сборка, состоящая из фризового, угловых и карнизных блоков, должна была завершать небольшое сооружение стоечно-балочной конструкции. Логично предположить, что его несущая часть была выложена из тесаных блоков такого же сарматского известняка; такие блоки в изобилии найдены в ядре башни Зенона.

Какова же была несущая часть надгробия?

Ее определяют сами камни сборки блоков. Под угловыми камнями естественно ожидать стены, ограничивавшие сооружение. Под лицевой фризовой частью для ее укрепления также должны были возвести стену, которую справа и слева под уже упоминавшимся пилястрами-лапами антаблемента могли фланкировать анты или лопатки. Таким образом, главный фасад надгробного монумента представляется нам как сооружение порталного типа (рис. 2).

Однако уместен вопрос: была ли эта плита под порталом гладкой или несла какие-либо изобразительные или эпиграфические элементы? Ответ дают опять-таки раскопки башни Зенона, где вместе с архитектурными фрагментами были найдены рассмотренные выше куски монументальных живописных композиций, написанных на больших каменных плитах. Толщина этих плит составляет в среднем 15—20 см; ширина и высота предположительно 160—170×120—140 см. Если учесть, что толщина фризовых блоков портала также близка к 15—20 см, то уместно предположить, что фасадная стенка портала представляла собой плиту с живописной композицией, традиционно изображавшей покойного.

Аналогии такому размещению живописных картин в аттических надгробиях порталного типа известны. К ним следует отнести, например, памятник Гераклитов в афинском Керамике, где в надгробии Агатона Агатоклея в неглубоком нише размещалась живописная плита с изображением стоящей фигуры¹¹, причем по габаритам живописная плита идентична херсонесским. Своеобразие предложенной нами реконструкции монументального ионического надгробия заключается в том, что оно двухфасадно: кроме главного порталного фасада с живописью имеется еще

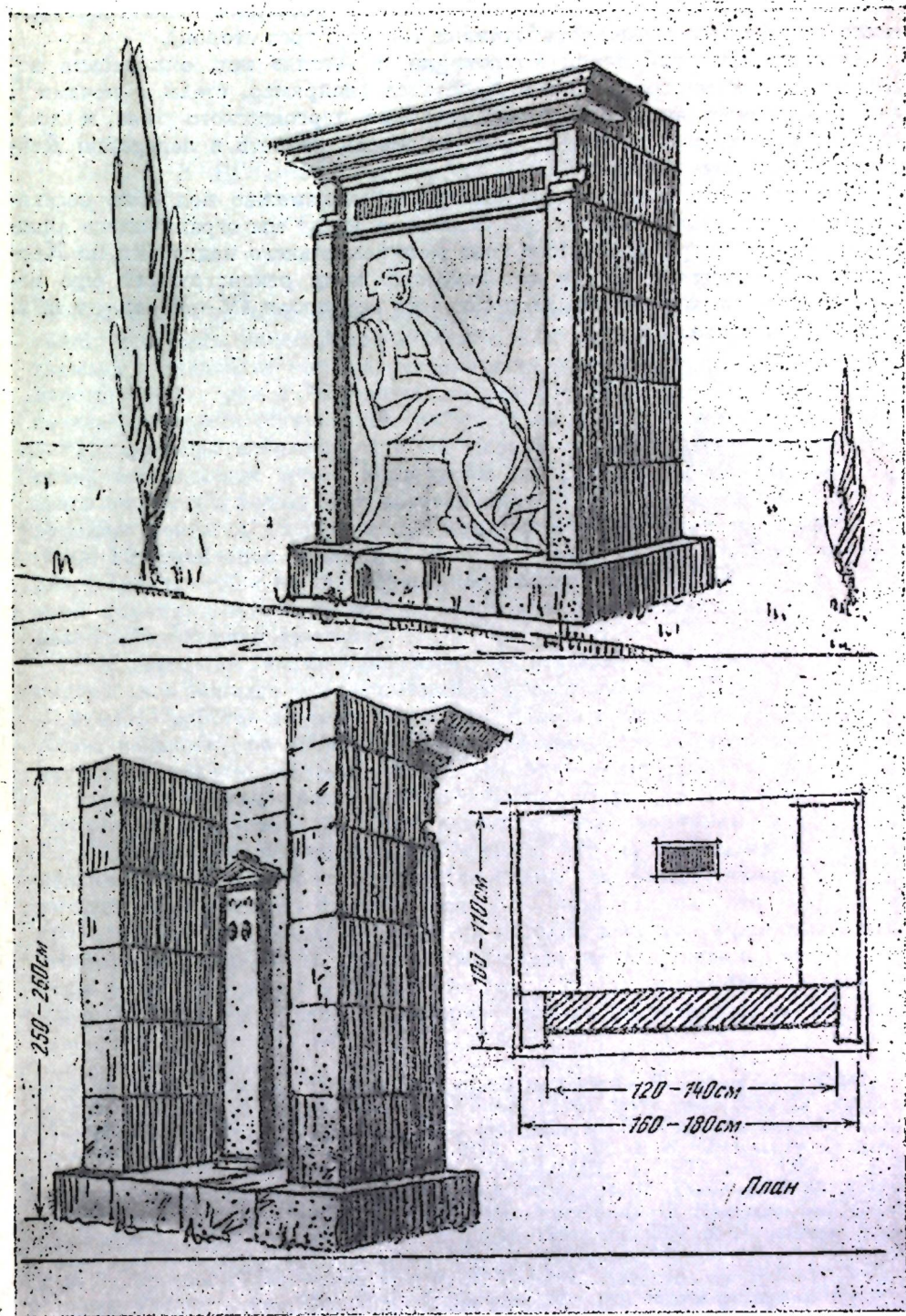

Рис. 2. Реконструкция херсонесского надгробия IV—III вв. до н. э. (по материалам раскопок башни XVII)

¹⁰ С. Ф. Стржелецкий. Указ. соч., стр. 78 сл.
¹¹ А. Conze. Указ. соч., табл. CCXCVII.

задний фасад (диктуемый, как мы отмечали выше, самой конструктивной основой сооружения), представляющий собой открытый наиск. В этом наиске могла помещаться стела с именем погребенного (тем более что часто встречаются стелы, обработанные только с трех сторон).

Прямых аналогий такой композиции в Аттике нет, она весьма необычна, как и многое другое в Херсонесе (например, стелы с мечами¹², так называемые антропоморфные изваяния херсонесского типа и др.). Однако похожую постановку стелы мы можем увидеть в надгробии Дексилея в афинском Керамике.

К сожалению, в небольшом сообщении невозможно подробно рассказать о реконструкции многих памятников, поэтому мы ограничились лишь коротким рассмотрением одного типа монументального надгробия из Херсонеса — ионического. Среди составленных нами реконструкций еще нескольких типов памятников Херсонесского некрополя IV—III вв. до н. э. есть и дорические.

В. И. КАДЕЕВ

К ВОПРОСУ О «ЦАРСТВОВАНИИ» ДЕВЫ
В ХЕРСОНЕСЕ

Обычно в исторической литературе «царствование» Девы связывается с установлением новой херсонесской эры в 25/4 г. до н. э.¹ и некоторыми исследователями рассматривается как результат реформы государственного строя в Херсонесе². Однако источники, которыми мы располагаем, свидетельствуют против таких выводов. Именно они заставили А. Н. Зографа возражать против мнения об одновременности введения новой херсонесской эры и «царствования» Девы³. До сих пор не разрешены вопросы о характере «царствования» Девы и о том, какими мотивами руководствовались херсонеситы, наделяя богиню Деву функциями эпонима. Неправильное понимание характера «царствования» Девы и стремление связать его с установлением херсонесской эры в 25/4 г. до н. э. привели к сомнительной датировке некоторых херсонесских монет, что вызвало справедливую критику⁴.

Все сказанное выше показывает настоятельную необходимость пересмотра сложившихся представлений о «царствовании» Девы в Херсонесе. В данной работе делается попытка показать характер «царствования» Девы, выяснить, по каким причинам эпонимную должность занимало божество, отыскать аналогии этому явлению в других античных центрах.

На наш взгляд, представление о богине Деве как о «вечной царице» Херсонеса неправильно. Оно возникло под влиянием исследования А. Л. Бертье-Делагарда, который считал, что на всех монетах выделенной им второй группы «свободы» (середина I в. до н. э.—конец II в. н. э.) имеется монограмма богини Девы⁵. Опираясь на это наблюдение А. Л. Бертье-Делагарда⁶, а также на находки декретов, принятых в «царствование» Девы, В. В. Латышев высказал предположение, что херсонеситы в римскую эпоху в результате реформы государственного строя сделали богиню Деву «вечной царицей», причем не номинально, а с изве-

¹ А. Л. Бертье-Делагард. Значение монограмм на монетах Херсонеса. — ЗНРАО, I, 1, 1906, стр. 63; В. В. Латышев. ПОНТИКА, СПб., 1909, стр. 325; E. H. Minns. Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, стр. 542; И. И. Толстой. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918, стр. 110; А. В. Орешников. Этюды по нумизматике Черноморского побережья. — ИРАИМК, II, 1922, стр. 120; Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 74 сл.; А. И. Тюменев. В. В. Латышев и история Херсонеса. — СА, XXVIII, 1958, стр. 23; П. О. Карышковский. Об эре Херсонеса Таврического. — КСОГУ и ОАМ, 1961, стр. 109; В. А. Анохин. Монетное дело Херсонеса I—III вв. н. э. — НЭ, IV, 1963, стр. 13.

² В. В. Латышев. ПОНТИКА, стр. 321; И. И. Толстой. Указ. соч., стр. 108; А. В. Орешников. Этюды... стр. 120; В. Ф. Гайдукевич. История античных городов Северного Причерноморья. — АГСП, стр. 92.

³ А. Н. Зограф. Античные монеты. — МИА, № 16, 1951, стр. 154.

⁴ К. В. Голенко. Состав денежного обращения Херсонеса в I в. до н. э. — ВДИ, 1964, № 4, стр. 66, 67, 71 сл.

⁵ А. Л. Бертье-Делагард. Указ. соч., стр. 51 сл.

⁶ Уже А. В. Орешников опроверг это утверждение А. Л. Бертье-Делагарда, указывая, что далеко не все монеты этой группы имели монограммы Девы. См.: А. В. Орешников. Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Пелемона II. — НС, II, 1913, стр. 20.

¹² Л. Г. Колесникова. Стелы с изображением оружия. — СХМ, II, 1961, стр. 13 сл.; Она же. Воиские надгробия. — СХМ, IV, 1969, стр. 44 сл.

стными функциями и атрибутами власти⁷. У греков было принято обоготворять политические понятия, и, следовательно, считал В. В. Латышев, вполне естественно, что херсонеситы в богине Деве воплотили идею верховной власти. В. В. Латышев первым назвал херсонесскую Деву «вечной царицей»⁸. В источниках же Дева «вечной царицей» нигде не называется. Предположение о связи между провозглашением Девы царицей и новым летосчислением в Херсонесе В. В. Латышев делал в очень осторожной форме, приводя и факты, свидетельствующие против него.

Положения В. В. Латышева принял и развил А. В. Орешников, который указывал, что наделение божеств магистратурами имело место не только в Херсонесе, но и в Византии⁹. Казалось бы, должен следовать вывод, что «царствование» Девы служит примером замещения божеством эпонимной магистратуры, как это было в Византии и других греческих городах, однако А. В. Орешников полностью согласился с В. В. Латышевым. Больше того, отметив, что наделение божеств магистратскими должностями в Херсонесе и Византии — явление по существу сходное, он показал «их внешнее различие: херсонесцы избрали Деву вечной (курсив наш. — В. К.) царицей, византийцы же своих богов избирали на городские должности на известный срок»¹⁰. Здесь предположение В. В. Латышева о «вечной царице» Деве принимается в качестве постулата и служит аргументом для доказательства существования различий между херсонесской Девой и божествами Византии, замещавшими эпонимные магистратуры. А. В. Орешников также проявлял осторожность в своих выводах. Он указывал, что решение вопроса о «царствовании» Девы — задача будущих исследований.

Позднее эта осторожность в выводах, проявленная первыми исследователями, была отброшена, вероятно, под влиянием их научного авторитета, а высказанные ими предположения превратились в аксиомы. Во многих работах «царствование» Девы стали связывать с введением новой эры в Херсонесе и рассматривать как результат государственной реформы.

Между тем богиня Дева была провозглашена царицей не раз и навсегда. Как в первые века нашей эры, так и в более раннее время Деву неоднократно провозглашали царицей, но не «вечной», а вместо или в качестве царя-эпонима. Должность царя-эпонима продолжала существовать¹¹, и Дева только замещала эту вакантную должность. Поэтому вряд ли можно говорить о реформе государственного строя в Херсонесе только на том основании, что вместо царей-эпонимов упоминается царствующая Дева.

В период независимости Херсонеса высшим эпонимным магистратом был царь (βασιλεύς). Эта должность была заимствована из метрополии. Она была хорошо известна в Мегарах, Халкедоне¹², Геракле¹³, Каллатисе, Селимбри¹⁴ и в свое время, как об этом свидетельствует титул, считалась высшей магистратурой. Однако херсонесские цари-эпонимы уже не обла-

дали высшей властью, как, впрочем, «цари», «монархи» и другие эпонимные магистраты того времени многих греческих государств¹⁵. Они выполняли религиозные функции¹⁶, их именем обозначался год, датировались документы и монеты¹⁷. О религиозных функциях херсонесских царей-эпонимов свидетельствует их тесная связь с культом Девы; некоторые из них одновременно со своими обязанностями исполняли также функции жрецов Девы¹⁸ или становились жрецами Девы позднее, по истечении полномочий царя-эпонима¹⁹.

В настоящее время известны восемь надписей с упоминанием царей-эпонимов²⁰. Датироваться эти надписи временем с IV по II в. до н. э. (поход Диофанта). К более позднему времени (17—14 гг. до н. э.) относится лишь одна надпись — декрет в честь посла боспорской царицы Динамии²¹. Однако из-за плохой сохранности надписи возникают затруднения в определении высшей эпонимной магистратуры. В этой надписи сохранилась только часть слова βασιλεύς..., и поэтому В. В. Латышев в своем комментарии к надписи совершенно справедливо указывал, что здесь могут быть два варианта прочтения: то ли «βασιλεύς[οντος τοῦ θεῖνος]», как в ранних надписях, т. е. имея в виду смертного царя-эпонима, то ли «βασιλεύς[οβας Παρθένου]», как в надписях римского времени²². Нам представляется, что нельзя отвергать первый вариант восстановления надписи, как это делают некоторые исследователи²³, поскольку, судя по нумизматическим данным, цари-эпонимы существовали в Херсонесе и в I в. до н. э., о чем свидетельствуют их имена на некоторых монетах²⁴. Этот вариант восстановления надписи позволяет предположить, что цари-эпонимы были в Херсонесе и после 25/4 г. до н. э., т. е. после введения новой херсонесской эры.

Обычно цари-эпонимы выполняли обязанности высших магистратов, руководили официальными жертвоприношениями, культовыми празднествами и процессиями. Это требовало значительных расходов, которые они полностью или частично оплачивали из своих средств. Во многих греческих государствах эпонимный магистрат за предоставление ему этой должности вносил определенную сумму денег²⁵. Нередко он устраивал на свой счет щедрые угощения для граждан, брал на себя расходы по обеспечению всем необходимым городских бань в течение всего срока своего пребывания в должности, а в дни празднеств нанимал певцов, мимов, музыкантов и т. п.²⁶ Исполнение обязанностей эпонима было связано с огромными расходами, и эту должность могли занимать только богатейшие граждане²⁷. Должность царя-эпонима, хотя и считалась почетной, никакой фактической власти ее обладателю не давала, тем более в период зависимости Херсонеса от Митридата VI и Боспора, а потом и от Рима.

¹⁵ А. Никитский. Дельфийские эпиграфические этюды, I—V. Одесса, 1894—1895, стр. 273—274; D. Magie. Roman Rule in Asiae Minor to the End of the Third Century after Christ, I. Princeton, 1950, стр. 58.

¹⁶ Д. Корольков. Указ. соч., стр. 63 сл.

¹⁷ А. В. Орешников. Этюды..., стр. 113 сл.

¹⁸ IOSPE, I², № 414, 415.

¹⁹ Там же, № 410.

²⁰ Там же, № 352—354, 402, 403B, 410, 414, 415.

²¹ Там же, № 354.

²² Там же, стр. 309 сл.

²³ В. А. Анохин. Монетное дело Херсонеса..., стр. 16, примеч. 50.

²⁴ Например, известные херсонесские монеты с изображением Девы, поражающей оленя (на аверсе), и бодящегося быка на оборотной стороне и с именем Аполлониды (Ἀπολλωνίδας), которые чеканились в 40-х годах I в. до н. э. См.: А. В. Орешников. Этюды..., стр. 116 сл.; А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 153, табл. XXXVII, 1, 2; К. В. Голенко. К датировке некоторых монет Херсонеса. — НЭ, III, 1962, стр. 49 сл.

²⁵ Эта сумма была даром обладателя должности полису в обмен на честь, которой он удостаивался. См.: D. Magie. Указ. соч., стр. 650.

²⁶ А. Н. М. Jones. Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940, стр. 234—235.

²⁷ D. Magie. Указ. соч., стр. 59, примеч. 52.

⁷ В. В. Латышев. ПОНТИКА, стр. 321.

⁸ Однако такое понимание характера «царствования» Девы противоречило сущности полномочий царя-эпонима, должность которого занимала Дева, а также херсонесской конституции с ее ежегодно переизбираемыми магистратами.

⁹ А. В. Орешников. Монеты Херсонеса Таврического..., стр. 12 сл.

¹⁰ Там же, стр. 14.

¹¹ Должность не была отменена: на монетах вместо имени смертного эпонима стали ставить монограмму царицы Девы, т. е. знак преемницы царя-эпонима.

¹² Д. Корольков. Несколько неизвестных мегарских надписей. — ЖМНП, 1883, сентябрь, стр. 62 сл.; IG, VII, № 1—14; SIG, № 3794; Ch. Michel. Recueil d'inscriptions Grecques. Bruxelles, 1900, № 166, 167, 1227; В. В. Латышев. Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического. — ЖМНП, 1884, июнь, стр. 56; К. Hanell. Megarische Studien. Lund, 1934, стр. 145, 147 сл.

¹³ IGRP, III, № 81; L. Robert. Hellenica, II. Paris, 1946, стр. 63.

¹⁴ L. Robert. Указ. соч., стр. 51 сл., 63.

Во время экономических затруднений, нередких в греческих полисах, очень трудно было найти граждан, бравших на себя расходы по отправлению должности царя-эпонима и других эпонимных магистратур. В таких случаях в греческих полисах прибегали к средству, которое выражалось в том, что затраты, связанные с отправлением эпонимных магистратур, оплачивались из казны храмов, а обладателем эпонимной должности становилось соответствующее божество²⁸. Такая практика существовала, как отмечал еще А. В. Орешников, в Византии²⁹. Известна она в малоазийских городах Кизике, Колофоне, Милете, Магнезии, Пергаме, Приене, на островах Косе, Самофракии и др.³⁰ Однако для нас особое значение приобретает тот факт, что эта практика существовала в родственном Херсонесу городе Каллатисе. Здесь должность царя-эпонима замещали Аполлон Дорожный ('Απόλλων Ἄγυός) и Добрый Демон ('Αγαθός Δαίμων)³¹.

В большинстве случаев божество исполняло функции эпонимного магистрата в течение года, но нередко и в течение нескольких лет, особенно в периоды серьезных финансовых затруднений, войн. Так, в Милете Аполлон был эпонимным стефанофором семь раз на протяжении военных лет между 276—260 гг. до н. э., четыре раза подряд в 229—226 гг. до н. э. и восемь раз в 196—184 гг. до н. э.³² Неоднократно занимали эпонимные магистратуры Деметра, Дионис и Ника в Византии³³, Аполлон в Нотии³⁴. Таким образом, «царствующая» богиня Дева в Херсонесе — явление не уникальное, а обычное для греческого государства, испытывающего экономические затруднения. Хорошо известно о больших экономических затруднениях Херсонеса в конце II—I в. до н. э., во время войны со скифами, и о зависимости его от Митридата VI, а затем от Боспора³⁵. В первые века нашей эры город переживал экономический подъем³⁶, но финансовые затруднения продолжались и в это время, так как Херсонесу приходилось отражать нападения скифов, нести расходы по содержанию римского гарнизона и в связи с волнениями бедноты и попытками государственных переворотов³⁷. В таких условиях и начались эпизодические провозглашения «царицей» богини Девы³⁸, которые в дальнейшем могли превратиться в хронические, однако «вечной царицей» Дева не была. Против этого свидетельствует не только тот факт, что декреты с указанием «царствующей» Девы появляются во II в. н. э., т. е. почти через 150 лет после введения новой херсонесской эры, но и данные нумизматики.

Монограмму Девы имели херсонесские монеты задолго до 25/4 г. до н. э. Кроме того, из 300 с лишним монет так называемого периода царствования Девы, опубликованных в каталоге В. А. Анохина, монограмма Девы P встречена только на 91 монете, пять монет имели полную надпись ΠΑΡΘΕΝΟΣ. Таким образом, в «царствование» Девы менее 1/3 монет херсонесской чеканки имели соответствующую монограмму

²⁸ А. Н. М. Jones. Указ соч., стр. 167; D. Magic. Указ соч., стр. 59, 649.

²⁹ А. В. Орешников. Монеты Херсонеса Таврического..., стр. 13 сл.

³⁰ Наиболее полную сводку — 20 городов, где эпонимные должности замещались божествами, — приводит Л. Робер (L. Robert. Указ соч., стр. 51 сл.).

³¹ L. Robert. Указ соч., стр. 51—53.

³² D. Magic. Указ соч., стр. 839 сл.

³³ I. N. ΣΒΟΡΩΝΟΣ. ΝΟΜΙΣΜΑΤΙΚΑ ΑΝΑΛΕΚΤΑ, 'Ερτημερίς' Ἀρχαιολογική Αθήνα, 1889, табл. 110; А. В. Орешников. Монеты Херсонеса Таврического..., стр. 13.

³⁴ D. Magic. Указ соч., стр. 836, примеч. 21.

³⁵ Г. Д. Белов. Херсонес Таврический, стр. 90 сл.

³⁶ См.: В. И. Кадеев. Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV веках н. э. Харьков, 1970.

³⁷ О финансовых затруднениях прямо говорится в найденной нами надписи II в. н. э. (Б. Н. Граков, Ю. Г. Виноградов. Новые надписи из Херсонеса Таврического. — ВДИ, 1970, № 3, стр. 127 сл.) и в других эпиграфических документах (например, IOSPE, I², № 355).

³⁸ На это указывают херсонесские монеты с монограммой Девы, которые появляются в первой половине I в. до н. э. См.: А. Н. Зограф. Указ соч., табл. XXXVI, 19; XXXVII, 1.

Годы чеканки монет в Херсонесе	Монеты с именем Девы	Годы чеканки монет в Херсонесе	Монеты с именем Девы
90—80 гг. до н. э.		63—68 гг. н. э.	
90—60 »	+	69—79 »	+
47—44 »	+	80 »	+
44—30 »	+	81 »	
		82 »	
Введение новой эры в Херсонесе в 25/4 г. до н. э.		85 »	+
		87 »	
		96 »	
После 18 г. до н. э.		104 »	+
Конец I в. до н. э.			
Первая четверть I в. н. э.		107 »	+
47 г. н. э.	+	132—138 »	+
49 »	+	134 »	
50 »	+	138—145 »	+
51 »		145 »	+
52 »		145—150 »	+
53 »			
54 »			

или надпись³⁹. В этот период известны датированные по херсонесской эре монеты, но с изображением не Девы, а божества Херсона.

В. А. Анохин, характеризуя монеты типа Зевс-Дева, чеканенные, по его мнению, около 24 г. до н. э., считает их первым выпуском монет периода «царствования Девы». Он отмечает, что небольшое количество вариантов, отсутствие каких-либо существенных изменений в стиле, а также сравнительная редкость монет этой группы говорят о малой продолжительности их выпуска, ограниченного, вероятно, несколькими годами (курсив наш. — В. К.)⁴⁰. Все это показывает, что нельзя считать Деву «вечной царицей»: она лишь провозглашалась царем-эпонимом вместо магистрата из херсонесских граждан. Причина этому не столько символическая, как это казалось М. И. Ростовцеву⁴¹ и А. Н. Зографу⁴², сколько материальная. Не «заступничество» или «образ воинственной защитницы» защищали город от врагов, а казна ее храма, где, по-видимому, накоплено было немало сокровищ, поскольку это был самый значительный храм города. В его пронаосе выставлялись почетные декреты⁴³. Жречество храма Девы устраивало государственные празднества Парфении⁴⁴, жрецы этого храма иногда совмещали свои функции с обязанностями царя-эпонима.

Итак, должность высшего эпонимного магистрата в Херсонесе с I в. до н. э. до середины II в. н. э. периодически исполняла богиня Дева. Однако это не было результатом реформы государственного строя в 25/4 г. до н. э., а вызвано было сначала финансово-экономическими затруднениями, а позднее, вероятно, и политическим кризисом, связанным с римским владычеством. В это время, видимо, трудно было найти охотников нести громадные расходы, а взамен получать только почет. Богатые херсонеситы предпочитали исполнять жреческие функции, связанные с культом Девы, что давало им и почет, и возможность распоряжаться казной храма Девы. Это и привело в конечном итоге к отмиранию должности царя-эпонима. Но исполнение ее богиней Девой свидетельствует о существовании этой должности вплоть до середины II в. н. э.

³⁹ Нам неизвестны монеты с монограммами Девы, чеканенные между 25 г. до н. э. и 47 г. н. э., а также между 51 и 69 гг., 81 и 82 гг., с 86 по 103 г., 134 г. н. э., хотя херсонесские монеты этого времени найдены. См.: В. А. Анохин. Монетное дело Херсонеса..., стр. 54 сл.

⁴⁰ В. А. Анохин. Монетное дело Херсонеса..., стр. 15.

⁴¹ М. Ростовцев. Цезарь и Херсонес. — ИАК, 63, 1917, стр. 19.

⁴² А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 150, 151.

⁴³ IOSPE, I², № 344, 353.

⁴⁴ Там же, № 352.

Е. Н. ЖЕРЕБЦОВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ К АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ХЕРСОНЕСА
IV—I ВВ. ДО Н. Э.

Изучение аграрной истории Херсонеса IV—I вв. до н. э., в основном на материале Гераклейского полуострова, было подытожено в монографии С. Ф. Стржелецкого¹. В последние годы были продолжены разведки и обмеры клеров, что позволило выявить ряд новых особенностей размежевания земли на Гераклейском полуострове.

По направлению длинных осей клеры подразделяются на две основные группы: северо-восточную и юго-западную, в соответствии с двумя направлениями ложбин стока в двух бассейнах плато Гераклейского полуострова — в современную Северную бухту севастопольского порта и в открытое море. Длинные оси клеров почти всюду практически параллельны тальвегам балок. Этим достигались наилучшие условия для террасирования склонов при сохранении неизменной ортогональности внутреннего размежевания клеров, примеров нарушения которой в IV—II вв. до н. э. не выявлено.

Выделяются, кроме того, небольшая группа клеров, расположенных на главном водоразделе полуострова, и несколько прибрежных групп, размежевание которых согласовано с конфигурацией береговой линии, весьма близкой к современной.

С. Ф. Стржелецкий считал, вслед за М. И. Ростовцевым, размежевание Маячного полуострова своего рода реликтом «древнейшей клерухии Херсонеса». Возникновение всех остальных клеров ближайшей округи Херсонеса он относил к рубежу IV—III вв. до н. э.² Это предположение основано, как мы покажем ниже, на некритическом использовании материалов Н. М. Печенкина.

Нашими разведками установлено, что Маячный полуостров размежеван на 20—22 клера обычной величины (около 25 га), в принципе не отличающихся от клеров остальной части округи Херсонеса. Некоторое их своеобразие легко объясняется расположением на одном из прибрежных мысов, размежеванием в соответствии с изгибами берега между бухтами. Доказательством может служить, в частности, то обстоятельство, что на каждом клере Маячного полуострова расположены остатки лишь одной усадьбы. Это проверено нами на всех клерах южной части Маячного полуострова, доступных для изучения. На схематическом плане Н. М. Печенкина, использованном многими авторами, на этих клерах обозначено по 8—10 древних строений, которые сейчас не прослеживаются.

Вызывает сомнение датировка усадеб Маячного полуострова более ранним временем, чем усадеб остальных клеров округи Херсонеса. Срав-

¹ С. Ф. Стржелецкий. Клery Херсонеса Таврического. — Херсонесский сборник, VI. Симферополь, 1961. Наиболее кратко концепция С. Ф. Стржелецкого изложена в его статье «Пять клеров Херсонеса Таврического» (СА, 1957, № 3, стр. 31).

² М. И. Ростовцев. К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи. — Сборник статей в честь П. С. Уваровой. М., 1916, стр. 8; С. Ф. Стржелецкий. Пять клеров Херсонеса Таврического, стр. 31. С. Ф. Стржелецкий молчаливо предполагает, что каким-то непостижимым образом эта якобы первоначальная система землепользования без изменений просуществовала на Маячном полуострове почти тысячелетие наряду с иной системой в остальной части Гераклейского полуострова.

нительное обилие чернолаковой посуды в этих усадьбах, возможно, объясняется специальным отбором археологического материала Н. М. Печенкиным. Датировка возникновения этих усадеб по самым ранним чернолаковым фрагментам методически несостоятельна³.

Есть основания полагать, что ландшафт Гераклейского полуострова к началу размежевания существенно не отличался от современного. Об этом свидетельствуют ясные признаки весьма раннего сведения леса и последовавшей затем эрозии почв на водоразделах, произошедшей задолго до размежевания клеров, что собственно и потребовало столь дорогостоящих мелиоративных работ на виноградниках пригородных земель Херсонеса.

Материал, полученный нами при исследовании грандиозных мелиоративных сооружений на клерах, убеждает в том, что единственным назначением параллельных плантажных стен на виноградниках была необходимость сосредоточить снятый элювий в междурядьях. Вывоз огромного количества камня и щебня, сам по себе требовавший очень больших затрат, был вообще нецелесообразен, так как при этом значительно (на 1/3) уменьшилась бы мощность искусственного почвенного слоя на плантаже. Поэтому даже на прибрежных клерах, где снятый элювий сравнительно легко было сбросить с обрыва в море, неизменно устраивали полосчатые виноградники с плантажными стенами (их правильнее было бы называть межплантажными).

Повсюду на пологих склонах балок можно наблюдать, как по мере увеличения мощности почвы виноградники с плантажными стенами, занимающими треть площади участка, т. е. устроенными через одно междурядье (так как на каждой плантажной полосе сажали два ряда лоз)⁴, сменяются участками, где таких стен на единицу площади было в два раза меньше. Такие участки были неоднократно описаны С. Ф. Стржелецким как сады.

Между тем характер и планировка таких стен показывают, что на этих участках тоже были виноградники. Однако благодаря тому, что они были устроены на местности с более мощным почвенным покровом, меньшее количество снятого камня и щебня позволило строить эти стены-коллекторы не через одно, а через три междурядья и более. На всех клерах есть и такие виноградники, где плантажные стены располагаются еще реже — через 5, 7, 9 и даже через 11 междурядий (видимо, на участках с еще меньшим количеством снятого камня его полностью поглощало сооружение заборов). Это «правило нечетных междурядий» объяснило многие до сих пор непонятные факты. В частности, стало ясным, почему все эти, на первый взгляд, столь различные типы полосчатого плантажа часто бессистемно чередуются в пределах одной ограды. Все это наряду с открытием виноградника вообще без плантажных стен на тальвеге балки, на местности с мощным, до 3 м, почвенным слоем⁵, пока лишает нас, на данном этапе знаний, точных критериев для выделения на клерах участков, занятых иными культурами.

При обработке различных полосчатых виноградников глубокому вскапыванию подвергали только собственно плантажную полосу с двумя рядами лоз, т. е. вскапывали лишь через одно междурядье⁶. Это вызыва-

³ Интересны наблюдения В. Д. Блаватского, подтверждающие синхронность раннего материала из раскопок гераклейских усадеб — Н. М. Печенкина на Маячном полуострове и К. Э. Гриневича в южной части Гераклейского полуострова, в балке Бермана (В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 123 сл.).

⁴ С. Ф. Стржелецкий. Клery Херсонеса Таврического, стр. 73, 74, 191—194, рис. 34—40.

⁵ С. Ф. Стржелецкий. Клery Херсонеса Таврического, стр. 72, 194, рис. 40.

⁶ Именно так появился описанный, но непонятый С. Ф. Стржелецким желоб в материке, подстилающем середину плантажной траншеи, по краям которой из опасения повредить корни лоз прокапывали очень осторожно и не столь глубоко (С. Ф. Стржелецкий. Клery Херсонеса Таврического, стр. 71).

лось, по-видимому, особенным способом подвязки виноградных лоз. Судя по тому, что этот любопытный агротехнический прием, позволявший использовать четные междурядья в качестве коллекторов убранного с плантажа камня, четко прослежены нами и на тех виноградниках, где вообще не было необходимости устраивать плантажные стены⁷, эти стены, видимо, следует считать относительно поздним изобретением.

По большей части плантажные стены располагаются сейчас немного ниже уровня почвы, и проследить их можно только по полосам относительно редкого травостоя. В сравнительно немногих местах отдельные большие камни этих стен (чаще всего поставленные на ребро плиты) возвышаются до 0,5 м над поверхностью почвы⁸. Только изредка, на участках с признаками вторичной эрозии, камни по всей длине этих стен выступают над почвой на 3—5 см, и стены отчетливо видны.

На клерах юго-западной группы мы изучили виноградники с признаками еще более высокой степени интенсивности землепользования, чем описанная С. Ф. Стржелецким. Здесь плантажные стены на виноградниках за весьма редкими исключениями имеют ширину не 3,5 аттических фута (при ширине плантажа в 7 футов), как это наблюдается на всех обмеренных С. Ф. Стржелецким клерах⁹, а 3 фута (или 2 локтя), ширина же плантажных полос равна 6 футам (3 локтя). Расстояние между кустами винограда, прослеженное нами по лункам в материке, здесь тоже на 1 фут меньше (4 вместо 5), поэтому количество лоз на единицу площади увеличено почти на треть. При этом здесь встречаются виноградники, плантажи которых представляют собой траншеи, выдолбленные в материковой скале, несрубленные полосы которой занимают здесь место плантажных стен.

Эти участки особенно наглядно иллюстрируют заинтересованность владельцев в использовании под виноград каждого клочка земли, несмотря ни на какие затраты.

Вообще мелиоративные работы на клерах требовали очень больших капиталовложений и вряд ли могли быть выполнены повсеместно в течение немногих лет. Вопрос об источнике средств, истраченных владельцами, прежде чем возделывание клеров становилось рентабельным, никем не разрабатывался и пока составляет одну из загадок Херсонеса.

Сложное, строго ортогональное внутреннее размежевание клеров, математический аспект которого верно был разгадан В. Д. Блаватским¹⁰, до сих пор по существу не получило объяснения. Действительно, зачем, казалось бы, разделять одно владение на десятки частей заборами толщиной от 1 до 1,5 м, теряя при этом до 3% площади?¹¹ Не получает ли эта система исчерпывающее объяснение в том, что она предоставляла большие удобства при сдаче в аренду мелких частей надела, если натуральная арендная плата исчислялась в долях урожая? Тогда несомненное наличие на всех клерах парных и вообще кратных по площади участков, трактовавшихся ранее как памятники двупольного севооборота¹², может быть, связано с обычной арендой виноградников. При этом нужно напомнить, что парными по площади на клерах часто являются не только «поля», т. е.

⁷ С. Ф. Стржелецкий (Клеры Херсонеса Таврического, стр. 7) полагал, что все зафиксированные им такие виноградники первоначально имели плантажные стены, которые были разобраны и запаханы в позднеантичное время.

⁸ Там же, стр. 191, 192, рис. 35—37.

⁹ По приблизительным обмерам С. Ф. Стржелецкого соответственно 1 и 2 м.

¹⁰ В. Д. Блаватский. Указ. соч., стр. 56 сл., рис. 19—22.

¹¹ Правда, эти заборы позволили дополнительно сгруппировать многие тысячи кубометров снятого с виноградников камня.

¹² С. Ф. Стржелецкий. Клеры Херсонеса Таврического. — ВДИ, 1951, № 3, стр. 86—87; Он же. Клеры Херсонеса Таврического, стр. 83; В. Д. Блаватский. Указ. соч., стр. 71 и 91.

участки, на которых полосчатый плантаж не выявлен, но и бесспорные виноградники¹³.

По особенностям внутреннего размежевания все известные нам клеры пока можно свести к двум типам¹⁴. К первому относятся клеры 20, 25 и 26, ко второму — 10 и 11. Для клеров первого типа характерно гораздо более крупное и разнообразное членение виноградников. Клеры второго типа расчленены гораздо мельче и несомненно по одной, более строгой в математическом отношении системе. Для объяснения этого типологического различия клеров пока недостаточно данных. По нашим предварительным наблюдениям, большая часть клеров юго-западной группы принадлежит ко второму типу.

Итак, по предварительным подсчетам на всех обмеренных клерах несомненные виноградники занимают не менее 85—90% всей площади. Поэтому есть основания рассматривать пригородные земли Херсонеса в III—II вв. до н. э. как область сплошного виноградарства. Эта впечатляющая картина интенсивного земледелия при очевидной монокультуре винограда могла сложиться на Гераклеийском полуострове лишь как результат многолетнего развития и только после освоения херсонеситами земель Западного Крыма, где в то время преимущественное место по необходимости должно было уделяться зерновым культурам¹⁵. Начало этого периода наибольшего развития херсонесского виноградарства, следовательно, не совпадает с датой размежевания Гераклеийского полуострова¹⁶.

Только систематические раскопки усадеб позволят уточнить дату начала этого необычайного подъема херсонесского виноградарства. Между тем усадьбы клеров изучены очень мало. Лишь одна из них (клер 25) раскопана полностью и при соблюдении современной методики. Все же исследование усадеб позволяет сделать некоторые выводы. Прежде всего, история усадеб в IV—I вв. до н. э. гораздо сложнее, чем это представлялось С. Ф. Стржелецкому. В настоящее время в пределах III—I вв. до н. э. можно выделить два больших периода этой истории, хронологическая граница между которыми пока неясна. Первый период был относительно спокойным. В то время в округе Херсонеса возвышались усадьбы, не уступавшие подчас по архитектуре городским домам, с прекрасными рустованными кладками и ордерным убранством. Особенно важно, что эти усадьбы еще не имели укреплений. В течение второго периода усадьбы превращаются в настоящие маленькие крепости с могучими пирамидальными башнями, сложенными из огромных блоков. Ничто не противоречит сопоставлению этого периода с грозным для Херсонеса временем скифской экспансии, предreshившей упадок города в позднем эллинизме.

Укрепления усадеб надежно защищали их обитателей от очень частых, видимо, в то время набегов неприятеля. Несомненно, что усадьбы опустошались при всяком сколько-нибудь серьезном нападении на Херсонес, независимо от исхода этого нападения для самого города.

Даже годичный урожай винограда был слишком дорог, чтобы рисковать им в этих условиях. Поэтому на усадьбах не найдено вместительных

¹³ Здесь мы вернулись к интересной мысли И. Т. Кругликовой о слоях населения Херсонеса, которые могли бы арендовать виноградники, и о правовом положении этих возможных арендаторов (ВДИ, 1963, № 4, стр. 177).

¹⁴ Замеченные С. Ф. Стржелецким (Пять клеров Херсонеса Таврического, стр. 33) признаки сходства внутреннего размежевания всех известных клеров вполне объясняются применением единой меры при двенадцатиричной системе счисления. Говорить же о «единстве организации клеров» нет оснований.

¹⁵ Не объясняется ли этим положением происхождение средств, использованных на освоение клеров Гераклеийского полуострова?

¹⁶ По данным А. Н. Щеглова, размежевание земель Западного Крыма на клеры произведено в конце IV в. до н. э. (А. Н. Щеглов. Хора Херсонеса Таврического в IV—II вв. до н. э. — Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований в 1964 г. в СССР, Баку, 1965, стр. 121). Следовательно, пока можно говорить об относительности размежевания всей хоры Херсонеса.

винохранилищ. Весь урожай винограда сразу же свозили в Херсонес, что подтверждается расположением больших виноградных давлен, вырубленных в материковой скале вдоль главных дорог, ведущих в город¹⁷.

Если принадлежность усадеб частным лицам не вызывает сомнения, то этого нельзя сказать о самих клерах, так как нет никаких следов дробления или соединения нескольких клеров в одно владение в эллинистическое время. С. Ф. Стржелецкий пытался объяснить этот факт, предположив существование закона, запрещающего продажу и завещание клеров по частям. Однако даже если бы существование такого по существу майоратного землевладения и было доказано для Херсонеса, столь серьезное ограничение свободного отчуждения земли, на наш взгляд, само по себе снимает разговоры о частной собственности на землю. Речь может идти лишь о модификации той же коллективной собственности всей общины полноправных граждан Херсонеса, т. е. о государственной собственности на землю, занятую клерами. Эти соображения в числе прочих не позволяют допустить возможность одновременного размежевания всех клеров, что свело бы к минимуму необходимый резерв земель. Ряд признаков определенно говорит о резком упадке виноградарства к концу II в. до н. э. Прежде всего об этом свидетельствует наличие на клерах вторичной системы внутреннего размежевания, наложенной на более раннюю, причем такие перепланировки совершены, без сомнения, еще в пределах эллинистического времени, так как связаны с эллинистическими усадьбами¹⁸. Особенно наглядны в этом отношении клеры 25 и 26, где к рубежу II—I вв. до н. э., видимо, использовались лишь лучшие земли по тальвегу балки.

Вообще к концу эллинизма использовалась далеко не вся территория Гераклейского полуострова, занятая до того клерами. К рубежу нашей эры способ устройства и обработки херсонесских полосчатых плантажей, не имеющих аналогии в Средиземноморье, был забыт, и такие виноградники в позднеантичное время не возделывались. Именно этим изменениям мы обязаны хорошей сохранности эллинистических мелiorативных сооружений, межей и руин усадеб того времени в западной части Гераклейского полуострова. Археологических находок I в. до н. э. в западной части Гераклейского полуострова нет.

В южной части полуострова (где расположены лучшие земли, не требовавшие дорогих мелiorативных работ) открыты памятники землевладения первых веков нашей эры. При этом выяснилось, что автор известного плана 1786 г., А. Строков, действительно не мог видеть здесь отчетливых остатков ортогонального размежевания земель, т. е. не мог видеть клеры, так как в этой части полуострова эллинистическая система землепользования перечеркнута сплошным полигональным размежеванием на более крупные владения римского времени¹⁹. Сохранность заборов позволяет и сейчас точно обмерить многие из этих владений. Выявляется отчетливая связь этого размежевания с первоначальной сетью клеров, так как многие эллинистические межи-дороги использовались как таковые и в позднеантичное время. На обмеренной нами территории позднеантичные владения занимают площадь двух-трех клеров эллинистического времени, при этом эллинистические дороги оставлены здесь соответственно через одну и через две.

¹⁷ Несколько таких давлен, принадлежавших ближайшим к Херсонесу клерам, сосредоточено в Карантийной балке, вдоль древней дороги, косяка которой отчетливо видна на скале и в настоящее время. С. Ф. Стржелецкий, расчистивший в 1939 г. остатки двух усадеб этих клеров, истолковал все эти смежные памятники как следы «пригородного поселка виноделов-ремесленников III—II вв.» (С. Ф. Стржелецкий. Клеры Херсонеса Таврического, стр. 129).

¹⁸ С. Ф. Стржелецкий (Клеры Херсонеса Таврического, стр. 136) все подобные изменения без оснований датировал позднеантичным временем.

¹⁹ С. Ф. Стржелецкий (Клеры Херсонеса Таврического, стр. 48) объяснял этот факт разборкой остатков эллинистических заборов жителями средневековой Балаклавы.

А. А. МАСЛЕННИКОВ

ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ПОГРЕБЕНИЙ В КАМЕННЫХ ЯЩИКАХ ВОСТОЧНОГО КРЫМА

Кроме скифских курганов и некрополей греческих городов, в Восточном Крыму известен еще один тип захоронений VI—IV вв. до н. э. Это погребения в грубых каменных ящиках, обнаруженные в некоторых районах Керченского полуострова на побережье Азовского моря.

Впервые на эти гробницы, окруженные кольцевой обкладкой из дикарных камней, обратил внимание еще в конце XIX в. археолог-любитель А. А. Дирин. В 1895 г. в одной версте от дер. Куль-Тепе, на вершине холма он обнаружил могильник, состоявший из подобных гробниц. Верхние камни ящиков и кольцевых обкладок часто выступали на поверхности. К сожалению, отчет был составлен А. А. Дириным очень поверхностно. А. А. Дирин раскопал 12—15 погребений¹. По его словам, в каждой могиле находилось от одного до трех костяков, причем если было три костяка, то два из них оказывались останками взрослых, один — ребенка. Ориентировка погребений была восточной. Почти в каждой могиле находились разбитые «полированные сосуды» (так А. А. Дирин называл чернолаковую греческую керамику), а также медные наконечники стрел.

Описание одного из сохранившихся ящиков А. А. Дирин приводит полностью. Этот ящик состоял из четырех больших дикарных плит, был накрыт тремя плитами и завален двумя рядами больших камней. В гробнице лежали три костяка, два — взрослых и один — ребенка. Рядом с ними находились чернолаковый килик V в. до н. э., медная ложка, зеркало и куски железных предметов. По всей могиле были разбросаны медные стрелы.

Каменные ящики, по наблюдению А. А. Дирина, располагались группами по 5—20. Возможно, это указывает на существование участков для погребения членов одной большой семьи, что соответствует структуре большесемейной общины. На побережье Азовского моря — от мыса Зюк до Казантипского залива — А. А. Дирин вскрыл еще 15—20 гробниц. В каждой из них найдены «полированные сосуды», часто встречались медные стрелы, иногда — медные кольца. Бусы и стеклянные сосуды не попадались².

Рядом с дер. Куль-Тепе, в имени Чигинэ, тоже имелись подобные каменные ящики³. Однако хозяева этих земель сами вели хищнические раскопки, и никакого материала отсюда А. А. Дирин получить не смог. Ему только стало известно, что среди прочих находок здесь обнаружены «разрисованное глиняное блюдо и амфора с несколькими буквами»⁴.

В 1957 г. в районе мыса Казантип, у с. Рыбное, А. М. Лесков раскопал два аналогичных ящика⁵. Оба были окружены обкладкой круглой

¹ А. А. Дирин. Мыс Зюк и сделанные на нем археологические находки. — ЗООИД. XIX, 1896, стр. 128 и сл.

² Там же, стр. 128.

³ Там же, стр. 129.

⁴ Место это интересно тем, что расположено недалеко от дер. Золотое, где в 1973 г. В. Н. Корпусова обнаружила и раскопала девять каменных ящиков.

⁵ А. М. Лесков. Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове. — СА, 1961, № 1, стр. 263—264.

формы из дикарных камней. Обе гробницы оказались ограбленными и сохранили лишь фрагменты амфор и лепной керамики. Найдены были также бронзовый перстень со щитком с изображением фантастического животного и под камнями обкладки — бронзовая бляшка в виде полумесяца с круглым отверстием в центре. Погребения датированы А. М. Лесковым V—IV вв. до н. э. и определены как памятники таврской культуры на Керченском полуострове.

В том же районе у с. Рыбное в 1958 г. И. Т. Кругликова исследовала еще три подобные гробницы⁶. Все они были окружены кольцевой обкладкой. Ящик 3 имел внутри перегородку. Пол ящиков земляной. Две гробницы были ограблены, кости нескольких скелетов оказались разбросанными в беспорядке. В ящике 2 остатки черепа лежали у юго-западной стенки, что, возможно, говорит о первоначальной ориентировке покойного. Инвентарь этих захоронений состоял из железных ножей, бронзовых и железных наконечников стрел, фрагментов амфор и простой античной посуды, чернолакового скифоса V в. до н. э., двух бронзовых браслетов, каменного пряслица, двух стеклянных бусин, кусков красной краски и обломка гераклейской амфоры с клеймом. Захоронения во всех трех ящиках относятся к V—началу IV в. до н. э. И. Т. Кругликова считает эти погребения семейными гробницами местного населения, близкого к таврам горного Крыма.

Иного мнения придерживается Э. В. Яковенко. Не отрицая полностью присутствия таврского элемента в Восточном Крыму, она склонна все же рассматривать каменные ящики Керченского полуострова как памятники скифской культуры⁷.

Экспедиция В. Н. Корпусовой обследовала в 1973 г. в 1,5 км к востоку от дер. Золотое девять гробниц с кольцеобразными каменными выкладками вокруг⁸. Семь из них были ограблены, в двух других находилось по два-три костяка. Как правило, один скелет был вытянут головой на запад, кости других сдвинуты в сторону. Инвентарь погребений включал штучные бронзовые трехлопастные наконечники стрел (по несколько штук в каждой могиле), два железных акинака, бронзовую коробочку, глиняное пряслице, костяную проколку, фрагменты чернолакового килика и простого красноглиняного сосуда, бронзовую сережку, железный браслет, стеклянные бусины и фрагмент лепного сосуда с врезным геометрическим орнаментом. Погребения датированы VI—V вв. до н. э.

Несколько каменных ящиков с кольцевой обкладкой находятся в 1,5 км к западу от урочища Сююрташ на пологом склоне каменистого холма. С меньшей долей вероятности к тому же типу погребений относится любопытное захоронение, обнаруженное в 1929 г. в районе мыса Такиль в юго-восточной части Керченского полуострова. В. Ф. Гайдукевич описывает его следующим образом: могила, «обложенная сверху кругом из камней. В центре круга на небольшой глубине оказалась облицованная изнутри массивными камнями гробница. В ней лежал человеческий скелет, у ног которого найдено шесть черепов. В углу могилы стояла глиняная остродонная амфора III в. до н. э. с бронзовым черпаком... под амфорой лежал чернолаковый килик». В. Ф. Гайдукевич определил это захоронение как могилу воина-варвара с «трофеями»⁹. Вероятно, отдельные черепки — это остатки более ранних погребений, уничтоженных при последующих захоронениях.

⁶ И. Т. Кругликова. Каменные ящики у дер. Рыбное. — Сб.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, стр. 162 и сл.

⁷ Э. В. Яковенко. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма. — Сб.: Древности Восточного Крыма. Киев, 1970, стр. 133—134.

⁸ В. Н. Корпусова, В. С. Орлов, Я. П. Гершкович. Работы у села Золотое. — АО 1973 г. М., 1974, стр. 293.

⁹ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 179—180.

Хотя накопленный материал по каменным ящикам Восточного Крыма и невелик, но все же позволяет сделать некоторые предварительные выводы. Рассматриваемым памятникам в целом присущи следующие общие черты. Все погребения представляют собой каменные ящики, часто без перекрытий, окруженные кольцевыми обкладками из дикарных камней. Пространство между границами обкладки и стенками ящиков иногда заполнено камнями различной величины. Погребения, находящиеся на незначительной глубине, как правило, коллективные, поза покойников вытянута, ориентировка восточная и западная, иногда с отклонениями. Бронзовые наконечники стрел присутствуют во всех захоронениях, значительно реже встречаются мечи скифского типа, наконечники копий не найдены. Прочий инвентарь состоит из греческой чернолаковой и простой красноглиняной керамики, амфор, украшений из бронзы, пряслиц, ножей, редко — лепной керамики с нарезным орнаментом. Следы напутственной пищи не обнаружены ни разу. Погребения в каменных ящиках, датированные более ранним временем, чем VI век до н. э., и более поздним, чем начало IV века до н. э., пока неизвестны. Особняком стоит только погребение у мыса Такиль, относящееся к III в. до н. э. Все эти могильники расположены на возвышенных каменистых плато или склонах холмов, недалеко от моря.

Принадлежность описанных памятников скифам сомнительна. Для скифского населения, оставившего в V—начале III в. до н. э. подкурганые захоронения, не типичен не только характер погребальных сооружений, но и весь погребальный обряд. В скифских курганах Керченского полуострова отмечены как одиночные, так и коллективные захоронения, насчитывающие от 4 до 22 костяков. Повсеместно господствует западная ориентировка¹⁰. Довольно часто встречаются и кости животных — остатки жертвенной пищи¹¹. Рассматриваемые нами каменные ящики тоже содержат коллективные захоронения, но число костяков в них ограничено двумя-тремя. Наряду с западной в них отмечена и восточная ориентировка¹². В каменных ящиках нет следов заупокойной мясной пищи. Находки же в них предметов скифского вооружения не являются убедительным доводом в пользу гипотезы о скифском происхождении этих памятников. Скифское оружие было очень широко распространено у всех племен Северного Причерноморья.

Внешнее сходство есть у каменных гробниц Керченского полуострова с таврскими захоронениями горного Крыма¹³. Отсутствие в каменных ящиках Восточного Крыма некоторых украшений, типичных для таврских погребений VI—V вв. до н. э. (гривен, спиральных подвесок, бляшек)¹⁴, можно объяснить греческим и скифским влиянием.

Однако было бы преждевременным делать вывод, что могильники горного Крыма и каменные гробницы на Казантипе и у мыса Зюк оставлены одним и тем же населением — таврами. На всех этапах развития таврской культуры умерших клали только в скорченном положении. Такие захоронения в каменных ящиках Керченского полуострова пока неизвестны.

На наш взгляд, известные аналогии этим каменным ящикам дают некоторые типы гробниц VI—V вв. до н. э. сиверских могильников, открытых в последние годы в окрестностях Анапы у хуторов Рассвет¹⁵ и Красная Скала. У них много общего в конструкции погребальных сооружений — каменных ящиков с кольцевой обкладкой¹⁶. В могильниках обеих

¹⁰ Э. В. Яковенко. Указ. соч., стр. 119.

¹¹ Там же, стр. 121.

¹² А. А. Дирин. Указ. соч., стр. 128.

¹³ А. М. Лесков. Горный Крым в I тысячелетии до н. э. Киев, 1965, стр. 89—90.

¹⁴ Там же, стр. 90.

¹⁵ Ю. С. Крушквал. Отчеты об археологических исследованиях в Анапском районе в 1969 (Архив ИА АН СССР, Р-1, № 4264, стр. 7—17), 1970 (Там же, № 4310, стр. 8—20), 1971 (Там же, № 4667, стр. 8—22) и 1972 (Там же, № 4859, стр. 14—28) годах.

¹⁶ АО 1974 г. М., 1975, стр. 94—95.

групп имеются и коллективные погребения, содержавшие по два-три ко- стяка. Восточная ориентировка и вытянутое труположение, доминиру- ющие у синдов¹⁷, как уже говорилось, представлены и в рассматрива- емых погребениях. В обоих могильниках нет следов напутственной пищи. Имеется сходство в некоторых видах украшений — например, браслетов из круглой бронзовой проволоки с незамкнутыми утолщенными концами, украшенными насечкой. Отсутствие стрел в синдских захоронениях, воз- можно, объясняется особенностями военной тактики и вооружения синдов.

Конечно, сказанное вовсе не означает, что в Крыму по берегу Азов- ского моря жили в VI—IV вв. до н. э. синды, но отмеченное сходство имеет определенное значение. В. В. Бобин, И. Т. Кругликова, Е. И. Круп- нов, А. М. Лесков, К. Ф. Смирнов и другие исследователи отмечали бли- зость и этническое родство населения Северного Кавказа и горного Крыма в позднем бронзовом и раннем железном веках¹⁸. Сходство синдских мо- гильников и каменных ящиков Восточного Крыма как бы замыкает цепь во взаимосвязях культур Северного Кавказа и Крыма. Не исключено, что племена, оставившие интересующие нас погребения на Керченском полу- острове, были более близки к синдам, чем к таврам.

Очень заманчиво было бы видеть в этих могильниках памятники ким- мерийского населения, некогда господствовавшего на Боспоре. В VII— VI вв. до н. э. оно было оттеснено скифами и греками в глухие районы Крымского полуострова, где и обитало в VI—IV вв. до н. э., подвергаясь скифскому влиянию, а позднее эллинизации. Возможно, что синды были родственны киммерийцам, но судьба их сложилась, как известно, иначе.

К сожалению, для подтверждения всех этих предположений имею- щихся сейчас сведений пока недостаточно. Планомерные раскопки камен- ных ящиков вообще не ведутся. Изучение синдских некрополей только на- чато. Однако накопленный археологический материал позволяет говорить о существовании в Восточном Крыму в VI—IV вв. до н. э. не только скифской и греческой, но и еще во многом загадочной третьей культуры.

Черты погребального обряда

ПРИЛОЖЕНИЕ

Могильники	Форма могильного сооружения		Количество костяков	Ориентировка			Поза		Насечная напутственная пища	Оружие		
	подуграние захоронения в равнинных гроб- ницах	каменные ящики с колыбельными выкладками без земляных насыпей		восточная	западная	различная	вытянут	скорчен		мечи	копья	стрелы
Скифы Восточ- ного Крыма	+	—	1—22	—	+	—	+	—	+	+	+	+
Тавры	—	+	Несколько	—	—	+	—	+	+	+	+	+
Каменные ящи- ки Восточного Крыма	—	+		1—3	+	+	—	+	—	+	—	+
Синдские рядо- вые захороне- ния	—	+	1—3	+	—	—	+	—	—	+	+	—

¹⁷ Ю. С. Крушк. Указ. соч.

¹⁸ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 248, 252, 269, 294; К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья. — КСИИМК, 46, 1952, стр. 8—9; А. М. Лесков. Горный Крым в I тысячелетии до н. э., стр. 133—136; В. В. Бобин. Черты сходства культур древ- него Крыма и Северного Кавказа времени перехода от бронзы к железу. — Сб.: История и археология древнего Крыма. Симферополь, 1957, стр. 60; И. Т. Круг- ликова. Каменные ящики у дер. Рыбное, стр. 162.

ПУБЛИКАЦИИ

М. М. ЛЕСНИЦКАЯ

АТТИЧЕСКАЯ СТЕЛА ИЗ ОДЕССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Среди памятников греческого искусства, находящихся в Одесском ар- хеологическом музее, имеется фрагмент мраморной стелы с частью изобра- жений двух женских фигур (рис.)¹. Высота стелы 55 см, ширина 40 см. Отсутствуют верх и правая часть, так что полностью утрачен торс сидя- щей женщины. От нее сохранились лишь ноги, сдвинутые так, что левая из них выставлена вперед и прикрывает правую, причем ступня ле- вой ноги покоится на скамеечке. Сохранилась также часть одежды, оче- видно плаща, край которого лежит крупными складками, и справа видна часть ножки кресла сложного профиля. Слева на фрагменте стелы пред- ставлена уцелевшая по пояс женская фигура, изображенная в трехчет- вертном повороте с отставленной и слегка согнутой в колене правой но- гой. Она облачена в хитон, имеющий значительный напуск справа и со- бранный в изящные складки слева так, что они полностью скрывают ле- вую ногу.

Несмотря на сильное повреждение памятника, в целом нетрудно пред- ставить общий характер сцены, запечатленной на стеле. На ней был изо- бражен традиционный для греческой погребальной пластики мотив — умершая с членом своей семьи или служанкой.

Известно, что этот тип стел утвердился в греческом искусстве в пер- вой половине V в. до н. э. В последующий период, на протяжении всей зрелой и поздней классики, он стал одним из самых распространенных образцов аттической надгробной скульптуры.

Принадлежность одесского памятника к кругу аттических стел не вы- зывает сомнений. Простота и естественность поз, сдержанность в движе- ниях, строгий ритм складок одежды создают впечатление спокойного вели- чия и значительности происходящей сцены, которые столь характерны для аттических надгробий классического времени. Существует достаточно широ- кий круг аналогий, близких по своему характеру одесской стеле, с изображе- нием двух фигур — сидящей и стоящей женщин, погруженных в глубокое раздумье. К этому ряду надгробий можно отнести стелы Аристиллы², Ге- гесо³, госпожи и служанки⁴ из Афинского национального музея, стелу Деметрии и Памфилии из музея Керамик в Афинах⁵ и многие другие аттические стелы.

¹ Инв. № 50121. Согласно описи Э. Р. Штерна (II в. 208): поступила в музей в 1899 г., происходит из Ольвии.

² A. Conze. Die attischen Grabreliefs. Berlin, 1893, табл. 24, 115.

³ Там же, табл. 30, 68.

⁴ Там же, табл. 31, 69.

⁵ Там же, табл. 40, 109.

Фрагмент мраморной стелы

Если аттическое происхождение одесской стелы кажется вполне очевидным, то вопрос о ее датировке остается открытым и требует решения.

Можно наметить приблизительные хронологические рамки одесского надгробия. Они ограничиваются классическим временем — от середины V в. до 318—317 гг. до н. э., когда появился декрет Деметрия Фалернского, запрещающий возведение надгробных монументов подобного рода.

Свою задачу мы видим в том, чтобы уточнить в пределах этих стел с лишним лет время появления стелы, и в том, чтобы полнее раскрыть стиль памятника. Анализ фрагмента центральной женской сидящей фигуры показывает, что мотив выставленной вперед ноги, покоящейся на скамеечке, и расположенных в виде веера складок одежды встречается как на памятниках V в. до н. э., так и в произведениях последующего столетия. В частности, он прослеживается на стеле Гегесо, которую связывают с искусством V в. до н. э., на стеле Деметрии и Памфилии, датированной концом IV в. до н. э.⁶ Следовательно, на основании только этой части

⁶ Н. Diepolder. Die attischen Grabreliefs. Berlin, 1931, стр. 27; 53.

одесской стелы трудно сделать определенные выводы относительно датировки всего произведения в целом. Тем не менее примечательно, что подчеркнутую отточенность линий, ясность контура имеют складки одежды, лежащие в виде веера, именно на памятниках V в. до н. э. Близкие аналоги можно найти на фризе Парфенона, в частности в расположении складок ткани у сидящего юного Аполлона⁷. Особенно наглядно выступает этот мотив и в стеле с изображением госпожи и служанки из Афинского национального музея⁸. Г. Дипольдер, издавший памятник, полагал, что мотив плаща, собранного у бедер в волнистые складки, создающие определенный музыкальный ритм, навеян изображением Ники, завязывающей сандалию, с балюстрады храма Ники Аптерос⁹. Близость надгробия к этому изображению, несмотря на разный характер композиции, определяет, по мнению автора, и датировку стелы V в. до н. э. Стилистически близка к афинскому памятнику и стела одесского музея, но, однако, приведенной аналогии недостаточно для точного хронологического определения.

Для дальнейшего выяснения этого вопроса обратимся ко второй фигуре на одесской стеле, изображающей, по-видимому, служанку, обращенную в трехчетвертном повороте к зрителю. Ее поза, которую характеризует также отставленная и слегка согнутая в колене нога, подобно остальным элементам композиции является традиционной. Она известна на многих аттических надгробиях V—IV вв. до н. э. Характер одежды весьма примечателен. Почти параллельно, отвесно, подобно падающим струям воды, устремляются складки ткани к основанию памятника, скрывая левую ногу. В том же направлении спадает и свободно лежащий с правой стороны напуск хитона. К нему примыкает широкая складка одежды, идущая вдоль правой ноги. Этот мотив значительно реже встречается на стелах, чем другие элементы композиции, причем исполнение его на памятниках V в. до н. э. заметно, на наш взгляд, отличается от трактовки его на надгробиях IV в. до н. э. Сопоставим два таких произведения, как стела с изображением умершей, прощающейся с младенцем, которого протягивает ей служанка (V в. до н. э.)¹⁰, и стелу Силенис IV в. до н. э.¹¹

В изображении женских фигур на этих стелах немало общего. Отчетливо выступает знакомый мотив — отставленная в сторону нога, очертания которой просвечивают сквозь ткань одежды, и равномерно идущий ряд складок хитона, скрывающих вторую ногу. Однако сходство носит чисто внешний характер. Исполнение складок на второй стеле отличается прежде всего большей схематичностью, и при такой трактовке ощущение самой материи, ее фактуры почти полностью пропадает. Причем эта жесткость исполнения отнюдь не единичное явление. Подобные черты можно видеть и в надгробии копенгагенской глиптотеки IV в. до н. э., где представлены госпожа и служанка¹². Здесь указанные особенности приобрели еще более формальный характер. Если поместить среди отмеченных аналогий стелу одесского музея, то она по своему стилю больше тяготеет к памятникам V в. до н. э. Мотив отставленной ноги в сочетании с крупными падающими складками хитона, имеющего напуск, получает значительное распространение именно в искусстве V в. до н. э. Приглушенно звучит он в рельефах строгого стиля, как о том свидетельствует фигура Афины на метопе храма Зевса в Олимпии с изображением Геракла, очищающего Авгиевы конюшни¹³. В полную силу раскрывается он в произведениях высокой классики. Так, на восточном фризе Парфенона хорошо

⁷ R. Lullies. Griechische Plastik. München, 1960, табл. 156.

⁸ Н. Diepolder. Указ. соч., табл. 21.

⁹ Там же, стр. 26.

¹⁰ А. Conze. Указ. соч., табл. 65, стр. 61.

¹¹ Н. Diepolder. Указ. соч., табл. 37.

¹² Там же, табл. 36, 1 и стр. 41.

¹³ С. Rodenwaldt. Das Relief bei den Griechen. Berlin, 1923.

заметно, как различно варьируется этот композиционный прием¹⁴. В частности, довольно близка одесской стеле крайняя справа фигура юной афинянки, обращенной в трехчетвертном повороте к зрителю. Дальнейшее развитие интересующего нас мотива можно видеть на корях Эрехтейона, в которых значительно усилен контраст между сильно выдвинутой вперед ногой и помещенными как бы на втором плане складками одежды¹⁵. Этот контраст существует и на одесском памятнике. Широко использован отмеченный мотив и в изображении богинь на фризе храма Ники Аптерос¹⁶. Здесь особенно обращает на себя внимание удлиненность фигур, которая во многом достигается трактовкой складок одежды с их вертикальным расположением и значительной протяженностью.

Важно, на наш взгляд, отметить, что мотив отставленной и согнутой в колене ноги в сочетании с каскадом падающих складок хитона становится излюбленным композиционным приемом в греческом искусстве V в. до н. э. и получает самое широкое распространение в аттическом рельефе этого времени. Его нетрудно проследить на многочисленных женских фигурах вотивных аттических рельефов V в. до н. э. Таковы, в частности, рельефы с изображением нимф и Пана¹⁷, Асклепия и Геген¹⁸, Вакха и Лето¹⁹.

Таким образом, на основании аналогий, мы отнесем одесскую стелу к V в. до н. э. Нерешенным остается вопрос, с каким конкретно десятилетием этого столетия можно связать одесский памятник? Обратимся к тому кругу рельефов, которые имеют в литературе относительно точную датировку и к которым примыкает одесская стела. 20-ми годами V в. до н. э. датируется известный рельеф из Неаполитанского музея с изображением Орфея и Эвридики²⁰ — великолепный образец классического греческого рельефа послефидиевской поры. Стилистически к нему близок и рельеф с изображением Меден²¹. Оба эти произведения имеют самое прямое отношение к наследию высокой классики и прежде всего к рельефам Парфенона. О связи одесской стелы с рельефом Парфенона уже говорилось. К 20-м годам V в. до н. э. относят и фрагмент рельефа из Лувра с изображением стоящей со щитом Афины²². Несомненно, что стилистически он очень близок одесской стеле. В обоих памятниках широко использован прием противопоставления: гладкая, плотно облегающая правую ногу ткань хитона составляет резкий контраст с равномерным рядом тяжелых складок, закрывающих левую часть тела, причем колено правой ноги выдвинуто сильно вперед, а голень и бедро даны как бы на втором плане.

Примерно к этому времени (420—410 гг. до н. э.) относят и стелу с изображением супружеской четы²³. Стилистически она имеет много общего с одесским надгробием. Их сближает прежде всего графическая манера исполнения, та линейная трактовка, которая особенно чувствуется в передаче складок. Общим стилистическим приемом является и стремление мастеров вывести свои персонажи за пределы обрамления стел. Край хитона и часть ступни вплотную подходят к границе стелы. Эта стилистическая особенность присутствует и в стеле Гегесо.

Есть и другие черты, которые сближают оба памятника, например трактовка одежды сидящей женщины. Однако следует отметить некоторое расхождение в художественной характеристике двух надгробий. В стеле

Гегесо заметны отсутствующие в одесской стеле большая мягкость, плавность контуров, что особенно чувствуется в изображении складок хитона стоящей служанки. Рельеф Гегесо относят к последним годам V в. до н. э. Эта мягкость и плавность трактовки намечается во многих произведениях, выполненных в последние десятилетия V в. до н. э. Обратимся к другим аналогиям: 410—409 гг. до н. э. датируется документальный рельеф из Лувра с изображением Афины²⁴, поза которой и характер драпировки одежды близки к тому, что можно видеть в изображении служанки на одесской стеле. Общий мотив, но исполнение разное: в одесской стеле есть строгость, четкость контура, которых нет в луврском произведении. Рубежом V—IV вв. до н. э. датируют надгробие Фрасиклен²⁵, имеющее много общего с одесским памятником. Однако трактовка в целом отличается большей сглаженностью, мастер стремился ослабить остроту соприкасающихся граней отдельных плоскостей, т. е. здесь отчетливо наблюдаются те стилистические приемы, которые во многом определяют развитие греческой пластики уже в период поздней классики. На этом основании мы полагаем, что стела одесского музея была выполнена несколько раньше, чем надгробия Фрасиклен и Гегесо.

Итак, на основании приведенных аналогий мы датируем одесский памятник 420—410 гг. до н. э. Известно, что последняя четверть V в. до н. э. вошла в историю искусства как период, когда бок о бок существовали противоположные друг другу различные художественные тенденции. В эти годы определяется роскошный стиль в вазовой росписи, тяготеющий к усложненным, многофигурным композициям, но продолжают жить и традиции высокой классики, утверждавшие величавую простоту и ясную строгость образов.

Не будет преувеличением сказать, что именно в аттических надгробиях этого времени черты искусства высокой классики держались особенно стойко. И не исключено, что одесская стела была создана одним из учеников Фидия, бережно сохранившим в своем творчестве наследие прославленного учителя. Хотя эта догадка остается лишь предположением, несомненно, что надгробие одесского археологического музея является подлинным памятником греческой пластики, на котором лежит печать искусства великого Фидия. Стела одесского музея — не единственное аттическое надгробие, обнаруженное на территории Северного Причерноморья. Можно вспомнить фрагмент надгробного памятника из пентелийского мрамора с изображением сидящей женщины и стоящей за ее спиной девушки²⁶, обнаруженный в Ольвии, где была найдена и стела одесского музея. Тонкое мастерство исполнения этих двух памятников, их аттическое происхождение лишней раз характеризуют высокие художественные запросы и требования горожан Северного Причерноморья.

¹⁴ R. Lullies. Указ. соч., табл. 158, 159.

¹⁵ Б. Р. Бунпер. Искусство Древней Греции. М., 1972, стр. 234.

¹⁶ C. Rodenwaldt. Указ. соч., табл. 37.

¹⁷ J. N. Svoronos. Das athenen Nationalmuseums. Athen, 1908, стр. 328, табл. 49.

¹⁸ Там же, табл. 53, стр. 333.

¹⁹ Там же, табл. 54, стр. 334.

²⁰ H. Diepolder. Указ. соч., илл. 2, стр. 17.

²¹ C. Rodenwaldt. Указ. соч., табл. 65.

²² AM, 35, 1910, табл. 4, 1, приложение к стр. 12.

²³ H. Diepolder. Указ. соч., табл. 15, стр. 20—21.

²⁴ AM, 35, 1910, табл. 4, 2.

²⁵ H. Diepolder. Указ. соч., стр. 27.

²⁶ C. Kieseritzky, C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, табл. 156, стр. 28.

А. А. ЗЕДГЕНИДЗЕ

ИССЛЕДОВАНИЕ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО УЧАСТКА АНТИЧНОГО ТЕАТРА
В ХЕРСОНЕСЕ

С 1954 г. в Херсонесе проводятся раскопки участка, прилегающего к «Храму с ковчегом», впервые исследованному К. К. Косцюшко-Валюжиничем¹. Наиболее значительным результатом этих работ явилось открытие античного театра III в. до н. э.²

Настоящая статья посвящена результатам раскопок, проводившихся в 1970 и 1972 гг. с северо-западной стороны амфитеатра (рис. 1)³. Этот участок представляет интерес в связи с тем, что здесь оставались нетронутыми слои, предшествующие постройке театра. Он дал новые сведения о «дотеатральном» периоде, о начальном этапе существования города.

Раскоп площадью до 200 кв. м доведен в юго-западной части до материка. Глубина его 1,25 м от современной поверхности. Здесь на материковой скале был обнаружен золистый слой толщиной 0,25 м, уходящий в борт раскопа. Из этого слоя происходят три фрагмента хорошо обожженных лепных сосудов с небрежно лощеной наружной поверхностью. Два из них украшены гребенчатым орнаментом, характерным для середины — второй половины I тысячелетия до н. э.⁴ Здесь же обнаружены примитивные антропоморфные фигурки из плохо обожженной глины (рис. 2). Вместе с ними найдены предмет, более всего напоминающий ложку (длина 5,5 см), фрагмент чашки и три обломанных еще в древности цилиндра. Все предметы сделаны из одинаковой слабо обожженной глины.

Учитывая толщину открытого слоя, можно предположить, что он представляет собой достаточно долго существовавшую свалку очаговой золы. Однако статуэтки, напоминающие описанные, были найдены А. Л. Бертье-Делагардом в святилище у Ялты⁵; это наводит на мысль о культовом характере обнаруженного слоя.

Описанный слой был перекрыт слоем грунта, содержащим керамику IV в. до н. э. В этом слое открыты семь погребений некрополя⁶, по-видимому, синхронного открытому на северном берегу (рис. 1, I)⁷. Все могилы стратиграфически находились на одном уровне. Могилы 1—3 были несколько углублены в скалу и прорезали упомянутую золистую прослойку. Могильные ямы были перекрыты насыпью из небольших камней.

¹ ОАК за 1897 г., стр. 97—112.

² О. И. Домбровский. Раскопки античного театра в Херсонесе. — Археология, X. Київ, 1957.

³ Совместной экспедицией Крымского отдела ИА АН УССР и Херсонесского музея руководит О. И. Домбровский. На раскопках участка работали В. В. Борисова, А. М. Гилевич, А. А. Зедгенидзе, О. А. Махнева, К. К. Орлов, В. А. Сидоренко, Е. А. Паршина, П. А. Шохин.

⁴ О. Д. Дашевская. О таврской керамике с гребенчатым орнаментом. — СА, 1963, № 4, стр. 209; О. Я. Савеля. О керамике с врезным орнаментом из Херсонеса. — КСИА, 124, 1970, стр. 48.

⁵ А. Л. Бертье-Делагард. Случайная находка древностей близ Ялты. — ЗООИД, XXVII, 1910, стр. 21; Н. В. Пятшва. Античное влияние на скульптуру Причерноморья. — ВДИ, 1946, № 3, стр. 181, рис. 6.

⁶ О. А. Махнева. Раскопки в западном секторе. Архив ХМ, д. 1411/1, стр. 8.

⁷ Г. Д. Белов. Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи. — ВДИ, 1948, № 1, стр. 274.

Этим же бутовым камнем были обложены прямоугольные могильные ямы. На дне могилы 4 найдены сгнившее дерево и гвозди. Возможно, это остатки гроба. Все могилы содержали одиночные погребения. Два из них оказались юношескими, остальные детскими.

В могиле 1 кроме двух бесформенных фрагментов бронзы, а в могиле 5 кроме рассыпавшейся монеты ничего не обнаружено. В могиле 6 найдены плохо сохранившаяся монета и фрагмент светильника с открытым вместилищем. Могила 7 была разрушена еще в древности. В могилах 2—4 обнаружены монеты с изображением головы льва на лицевой стороне и звезды — на оборотной, относимые к середине IV в. до н. э.⁸ В могиле 3 помимо такой монеты были обнаружены сероглиняный гутт с черным покрытием и керамические бусы с позолотой, а в могиле 4 — краснофигурный гутт с волнистым орнаментом вокруг устья. Близкий по форме сосуд Т. Иванов датирует третьей четвертью IV в. до н. э.⁹ Вытянутые пропорции основания, лак с графитным оттенком и небрежный рисунок позволяют отнести наш сосуд к концу третьей четверти IV в. до н. э.

Могилы были перекрыты слоем земли, содержащим керамику IV в. до н. э. В северной части этот слой перекрывала засыпь, чрезвычайно насыщенная керамикой того же времени. На характеристике ее мы остановимся подробнее.

В 1972 г. севернее погребений продолжались раскопки открытых в 1970 г. параллельных, направленных с северо-запада на юго-восток односторонних кладок (рис. 1, II). Юго-восточные концы их подходят к амфитеатру театра. Сложены они насухо из мелкого бута, среди которого встречаются обломки черепиц и амфор. Подошвы кладок лежат на материковом известняке на глубине от 1 до 1,30 м от современной поверхности¹⁰. Наибольшая высота сохранившейся части первой кладки 0,85 м, второй — 0,95 м, третьей — 1,20 м. Расстояние (по границе раскопа) между первой и второй кладками — 2,50 м, между второй и третьей — 2 м, между последующими оно одинаково — 1,50 м. Протяженность первой кладки, открытой на большую длину, 10 м. Между кладками вскрыта аморфная засыпь земли и щебня. Расположение засыпи и кладок на скале, характер кладок и находки в них обломков амфор, одновременных керамическому материалу засыпи, аморфность ее — все это говорит в пользу того, что кладки и засыпь созданы одновременно. Назначение этих кладок неясно¹¹. Засыпь, сравнительно однородная в разных местах и на всей глубине раскопов, содержала кости домашних животных, створки устричных раковин, но более всего здесь было обломков керамики (свыше 48 тыс.). Массовый керамический материал из засыпи представляет интерес независимо от назначения кладок. Анализ клейм на амфорах и черепицах и изучение краснофигурной и чернолаковой керамики показали, что полученный керамический комплекс укладывается в хронологические рамки IV в. до н. э. (рис. 3). Статистическая обработка его позволяет сделать некоторые выводы относительно развития экономики Херсонеса.

При обработке керамики из засыпи учитывалось количественное соотношение основных ее категорий в каждом штыке. Все штыки близки по характеру распределения керамики. В процессе раскопок и при обработке материала здесь не наблюдалось хронологической последовательности в его отложении. Поэтому материал был объединен и получены следующие данные: плоской черепицы 14%, калиптеров 2,1%, амфор 65,4%,

⁸ А. Н. Зограф. Античные монеты. — МИА, № 16, 1951, стр. 148, табл. XXXV, 12.

⁹ Т. Иванов. Античная керамика от некрополя на Аполония. — Сб.: Аполония. София, 1963, стр. 211, № 516.

¹⁰ Стронительные остатки средневекового времени были открыты здесь и сняты К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1903 г. См.: К. К. Косцюшко-Валюжинич. Раскопки внутри монастырской ограды. — ИАК, 16, 1905, стр. 44.

¹¹ Архив ХМ, д. 1411/1, л. 116 и сл.; А. А. Зедгенидзе. Раскопки в центральном районе Херсонеса. — АО 1972 г. М., 1973, стр. 283.

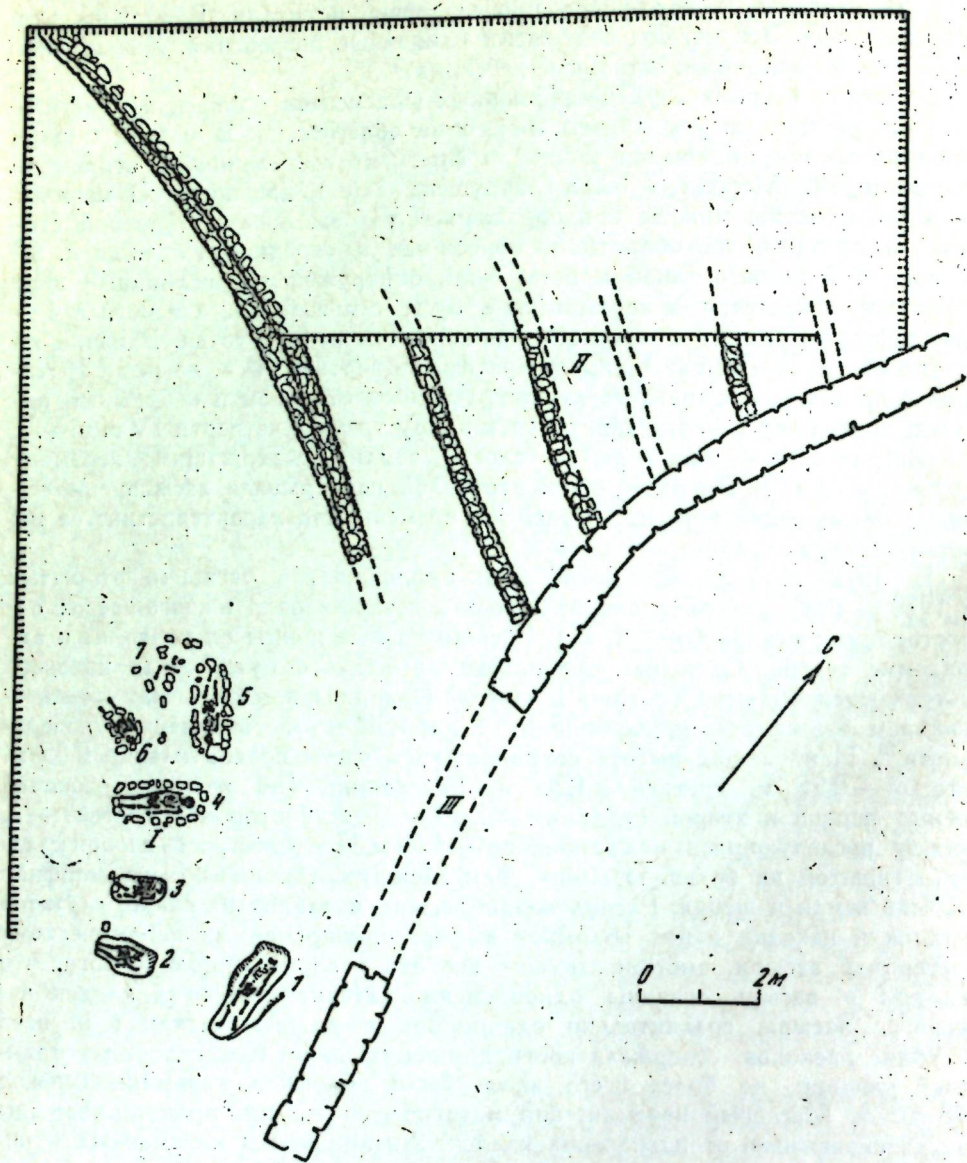

Рис. 1. План северо-западного участка античного театра в Херсонесе

I — некрополь; II — стенки и засыпь; III — амфитеатр

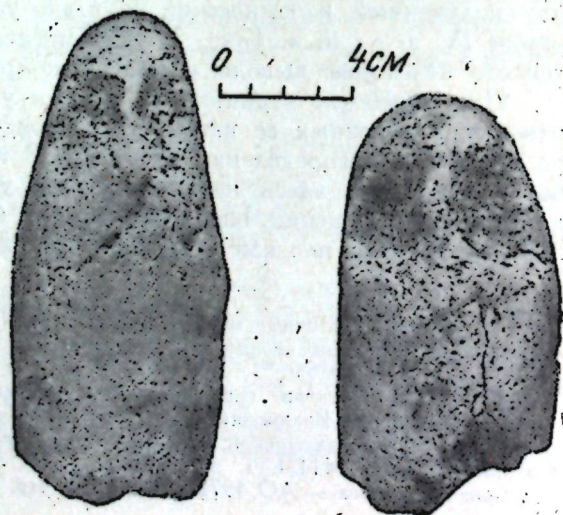

Рис. 2. Терракотовые статуэтки из таурского слоя

краснофигурной керамики 8%, чернолаковой 7,5%, сероглиняной 3,4%, красноглиняной 3,7%, кухонной 2,1%, лепной 1%. Подобное соотношение характерно и для керамического комплекса IV в. до н. э. из раскопок в северном районе города¹². Если определенные процентные соотношения массового материала для каждого отрезка времени проявляют тенденцию к устойчивости и распределение керамики в слоях мусорного характера определяется существующим только для данного времени соотношением основных ее категорий и типов¹³, мы вправе предполагать, что полученные цифры вскрывают подобное соотношение в аналогичных слоях Херсонеса.

Среди амфор преобладают гераклейские. Найдено 166 фрагментов ножек гераклейских амфор, 75 — фасосских, 52 — рюмковидных, 68 — «копачковых», 56 — херсонесских, 39 — синопских и 9 амфор неопределенных центров. Клейма по центрам производства распределяются следующим образом: Гераклея — 82, Фасос — 25, «круг Фасоса» — 24, Синоп — 11, группы «X» — 5, неизвестных центров — 8.

Распределение клейм, поддающихся делению на хронологические группы, следующее¹⁴. Гераклейские клейма охватывают три хронологические группы по классификации Б. А. Василенко¹⁵.

К группе I относятся 15 клейм. В настоящее время удастся определить принадлежность десяти из них — Архелая, Дионисия и Каллия — к периоду сосуществования групп I и III — к концу первой четверти IV в. до н. э.¹⁶ К группе II относится одно клеймо с именем Дионисия, которое встречается и в группах I и III и относится к первой половине второй четверти IV в. до н. э.¹⁷ Много клейм группы III — 39. В настоящее время 28 из них с именами магистратов Айтера, Алкета, Аристана, Каллия, Керкина, Лиситея, Люкона и фабрикантов Атта, Ботаха, Гераклида, Еварха, Дексиппа, Дионисия, Коаса, Носса можно отнести к периоду, когда группы I и III сосуществовали, — к концу первой — началу второй четверти IV в. до н. э.

Среди фасосских клейм, по классификации Ю. Г. Виноградова¹⁸, к поздней группе 1 (380—370 гг. до н. э.) относятся три клейма. К группе 2 (370 г. до н. э.) относится одно клеймо. 15 клейм принадлежат группе 5, датируются они 340—320 гг. до н. э. К этому же времени относится и колесообразное клеймо группы 6.

Обнаружено 22 анэпиграфных клейм, которые связывают с кругом Фасоса и относят по времени к группе 1, отмечая, что обычай ставить анэпиграфные клейма на другой ручке дожил до 320 г. до н. э.¹⁹

Синопские клейма (17) представлены только группами I и II, по классификации Б. Н. Гракова²⁰. Среди них 11 клейм на амфорах относятся ко второй четверти IV в. до н. э., ко времени перехода от группы I к группе II²¹.

¹² Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий, А. Л. Якобсон. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947, 1948 гг.). — МИА, № 34, 1953, стр. 163.

¹³ И. С. Камеицкий. Датировка слоев по процентному соотношению типов керамики. — МИА, № 129, 1965, стр. 303.

¹⁴ Пользуюсь возможностью выразить глубокую благодарность И. Б. Брашинскому и Ю. Г. Виноградову за помощь в обработке клейм комплекса.

¹⁵ Б. А. Василенко. О характере клеймения амфор в первой половине IV в. до н. э. — НЭ, XI, 1974, стр. 6.

¹⁶ Там же, стр. 6, 23, 16, 15, 11.

¹⁷ Там же, табл. 1—5.

¹⁸ Ю. Г. Виноградов. Керамические клейма острова Фасос. — НЭ, X, 1972, табл. II.

¹⁹ Там же, стр. 43.

²⁰ Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928, стр. 110 и сл.

²¹ Б. А. Василенко. Керамические клейма из античных поселений на побережье Днепровского лимана как источник для изучения торговых связей Северо-Западного Причерноморья с греческим миром (V—III вв. до н. э.). Автореф. канд. дисс. М., 1972, стр. 10.

Рис. 3. Обломки краснофигурной и чернолаковой керамики из засыпи на северо-западном участке античного театра в Херсонесе (1—7)

Найдено 5 энглафических клейм, оттиснутых на горловинах амфор. Это буквы Е и Δ (Δ — в круглом углубленном поле). По-видимому, это клейма условной группы «Х», датируемой ранним IV в. до н. э.²²

Итак, по фасосским клеймам предположительны более узкие даты керамического комплекса — 380—320 гг. до н. э. На эту же нижнюю границу указывает и группа 1 гераклеийских клейм, в датировке которой исследователи пришли к единому мнению²³. Отсутствие херсонесских клейм на данном участке также позволяет определить верхнюю границу даты комплекса, так как клеймение амфор в Херсонесе началось только в конце века²⁴.

Краснофигурная керамика этого комплекса датируется IV в. до н. э. Ко второй половине V в. до н. э. можно отнести лишь два фрагмента скифосов коринфского типа, тулово которых украшено продольными линиями, нанесенными черным лаком²⁵. Больше половины обнаруженных здесь фрагментов принадлежит скифосам с изображением пальметт и стоящих попарно юношей и аскам, имеющим низкое вместилище и дугообразную ручку. Датировка этих сосудов первой половиной — серединой IV в. до н. э. общепринята²⁶.

Подведем итоги. Раскопками северо-западного участка античного театра обнаружен слой, представляющий собой отложения золы и угля с остатками таврских керамических изделий.

Открыт позднеклассический — раннеэллинистический слой Херсонеса. Подтверждено, что в IV в. до н. э. данный участок не входил в городскую черту. Еще К. К. Косцюшко-Валюжиничем на этом участке было правильно определено направление «древнейшей» оборонительной стены города. В 1955 г. был обнаружен ее фундамент²⁷. К. К. Косцюшко-Валюжинич открыл здесь свалку керамического боя. Исследователь подчеркнул отсутствие чернофигурной и стеклянной посуды²⁸, что при отмеченном большом количестве краснофигурной керамики (1666 обломков) может служить основанием датировать свалку позднеклассическим — раннеэллинистическим временем. Можно предположить, что материал этой свалки использовался в засыпи, продолжение ее к юго-востоку на участке античного театра обнаружено в 1970 г.²⁹

За оборонительной стеной города располагался некрополь. Открытые погребения датируются второй половиной IV в. до н. э. Таким образом, подтверждается ранее намеченная граница Херсонеса. В результате полученных данных возможно предположение, что она существовала в течение всего IV в. до н. э. Лишь в конце этого века или начале следующего могло произойти расширение территории города.

Результаты обработки керамического комплекса позволяют поставить вопросы и более общего характера. Ранее сложившееся представление об экономическом подъеме Херсонеса только с III в. до н. э.³⁰ было вызвано прежде всего тем, что начальный период его существования оставался недостаточно изученным. Результаты исследования хоры показали, что к освое-

²² Б. А. Василенко Клейма на амфорах типа Солоха II. — СА, 1971, № 2, стр. 245.

²³ Б. А. Василенко. О характере клеймения... стр. 5.

²⁴ В. В. Борисова. Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор. — ИЭ, XI, 1974, стр. 100.

²⁵ SVA, Roumanie, Bucarest, 2, табл. 31, 8.

²⁶ J. Carlan. Contribution à une étude stratigraphique de l'enceinte thasienne. — BCH, XC, 1966, 11, стр. 603.

²⁷ О. И. Домбровский. Розкопки..., стр. 99; О. И. Домбровский. Отчет о раскопках в 1955 г. на участке «Храма с ковчегом» и античного театра. Архив ГХМ, д. 712, стр. 14.

²⁸ К. К. Косцюшко-Валюжинич. Раскопки плантажным способом внутри монастырской усадьбы. Архив ГХМ, д. 12, л. 2.

²⁹ О. И. Домбровский, М. И. Золотарев. Раскопки античного театра в Херсонесе. — АО 1972 г. М., 1973, стр. 280.

³⁰ С. Ф. Стржелецкий. Основные этапы экономического развития и периодизации истории Херсонеса в античную эпоху. — ПИСП, стр. 74.

нию Северо-Западного Крыма Херсонес приступил уже во второй половине IV в. до н. э.³¹ Имеются прямые и косвенные данные, свидетельствующие об усилении экономики полиса в это же время: на основании изучения гончарных мастерских Херсонеса было высказано предположение о большом спросе на изделия гончаров и удовлетворении его местными мастерами с момента основания города³², зафиксировано расширение ареала его продукции уже с конца IV в. до н. э.³³; к середине IV в. до н. э. Херсонес приступает к выпуску собственных монет³⁴.

Массовый амфорный материал из раскопок северо-западного участка античного театра свидетельствует об оживленных экономических связях Херсонеса в IV в. до н. э. с Гераклеей, Фасосом, Синопой, Хиосом. Центры, с которыми Херсонес торговал, и удельный вес продукции каждого из них в его балансе достаточно выяснены в ряде работ³⁵. В настоящее время представление об импорте Херсонеса детализируется. При распределении керамических клейм комплекса на хронологической шкале выяснилось, что наибольшее число их приходится на середину IV в. до н. э. Это позволяет говорить об увеличении размеров морской торговли Херсонеса, об усилении его экономики в это время.

³¹ А. Н. Щеглов. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху. — АИКСИ, стр. 335.
³² В. В. Борисова. Херсонес. — САИ, Г1-20, 1966, стр. 13.
³³ И. Б. Брашинский. Новые данные о греческом импорте на Нижнем Дону. — КСИА, 124, 1970, стр. 13.
³⁴ А. Н. Зограф. Античные монеты. стр. 42.
³⁵ С. Ф. Стрелецкий. Указ. соч., стр. 71; В. И. Кац. Экономические связи позднего классического Херсонеса. Архив ГХМ, д. 1418, стр. 34.

Н. А. ОНАЙКО

РАСКОПКИ АНТИЧНОГО ПОСЕЛЕНИЯ В ГЕЛЕНДЖИКСКОЙ БУХТЕ

В 1971 г. на западном берегу Геленджикской бухты (Тонкий мыс) мы открыли первое здесь античное поселение¹. Оно располагалось в устье небольшой, почти высохшей речки, на возвышенном плато, выступающем мысом к морю. На его поверхности (площадь до 1500 кв. м) хорошо были видны валлообразные насыпи. На одной из них, на самом берегу моря, во время Великой Отечественной войны была вырыта широкая и глубокая яма. Она врезалась в древнюю каменную стену, торчавшую в обрыве берега. На территории поселения имелись следы и других современных перекопов. В течение 1971—1973 гг. была вскрыта площадь свыше 600 кв. м.

Грунт неоднороден, в нем выделяются гумус, суглинок и супесь. В местах перекопов встречается современный мусор. Там, где культурный слой не потревожен, он содержит много щебенки, образовавшейся в результате разрушения стен. Керамика сильно измельчена, окатана и покрыта крепким глинистым налетом, который, высыхая, отслаивается от черепка вместе с лаком.

За три года работ полностью вскрыта юго-восточная сторона поселения и частично юго-западная². Под валлообразными насыпями оказались остатки сравнительно хорошо сохранившихся каменных построек двух строительных периодов (рис. 1; 2). Наибольшие разрушения стен отмечены в помещениях, расположенных у самого берега моря. Здесь они местами были разрушены до основания не только при сооружении больших ям, но и особенно активной абразией морского берега. Сильно разрушены помещения, расположенные на юго-западной стороне поселения, где также зафиксированы современные перекопы. Многие стены помещений деформированы от времени.

При закладке стен дневная поверхность земли не выравнивалась. Поэтому глубина залегания одних и тех же стен от современной поверхности нередко разная. Стены складывались из местного необработанного камня — мергеля и песчаника различной величины и формы. Связующий раствор — обычная глинистая масса, толщина швов которой достигает 10 см. Кладка внешних стен более тщательна; эти стены возводились в основном из песчаника, так как он прочнее мергеля. Внутренним стенам уделялось меньше внимания, их кладки состоят чаще из мергеля. Ширина внешних стен достигает 1,20 м, внутренних — до 0,60 м. В высоту стены сохранились до 1,10 м — это относится главным образом к более прочным внешним стенам.

¹ В работе экспедиции принимали участие директор Новороссийского историко-краеведческого музея А. В. Дмитриев (1971—1973 гг.), научный сотрудник Геленджикского краеведческого музея Ф. Н. Потапова (1971), аспирант ИА АН СССР И. Р. Пичкиян (1972 г.) и научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР кандидат исторических наук В. П. Яйленко.
² Н. А. Онайко. О работе Новороссийской экспедиции. — АО 1971 г. М., 1972, стр. 134; Она же. Арханские памятники в районе Новороссийска и Геленджика. — АО 1972 г. М., 1973, стр. 143; Она же. О работе Новороссийско-Геленджикской экспедиции. — АО 1973 г. М., 1974, стр. 121.

Рис. 1. Помещения, расположенные в южном углу здания

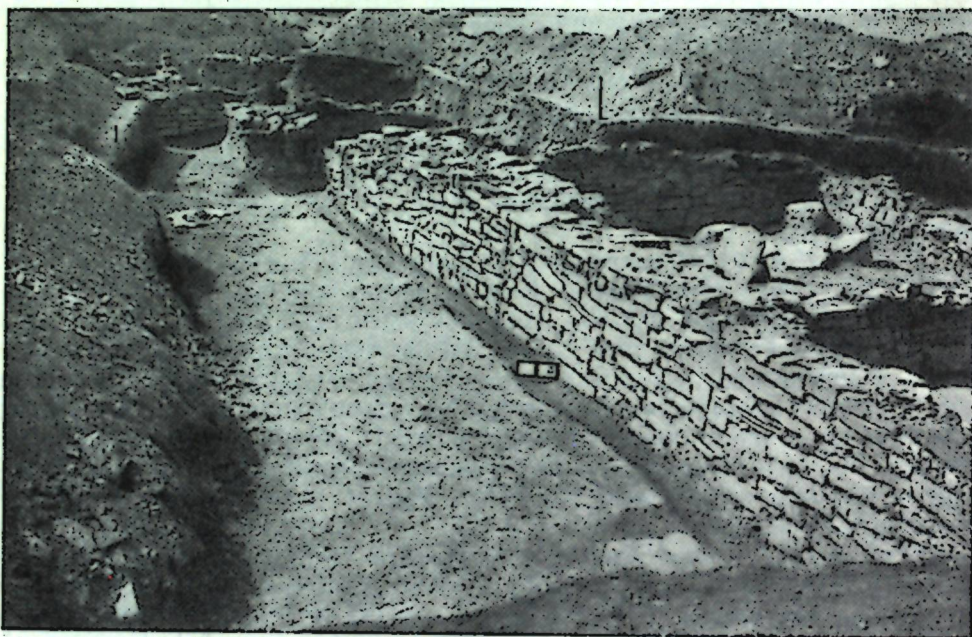

Рис. 2. Внешняя (юго-западная) стена здания

Все вскрытые под валообразными насыпями помещения составляют, как выясняется, юго-западную и юго-восточную стороны одного большого здания. На юго-восточной его стороне сохранилось шесть помещений, расположенных одно за другим в длину на 29 м; на юго-западной — восемь, также расположенных одно за другим, общей протяженностью до 45 м. Юго-западная сторона раскопана не полностью.

Внешние стены здания были глухими. Ближе к западному углу здания обнаружен вход в него в виде коридорообразного помещения шириной 1,60 м; в длину оно вскрыто пока только на 3,50 м. Некоторые помещения смежные; они имеют выходы, обращенные, по-видимому, и во внутренний дворик, раскопанный лишь на небольшой площади. В некоторых помеще-

ниях сохранились остатки каменных порогов и полов, выложенных из песчаниковых плит. Обнаружены остатки глинобитных очагов, а также каменные «столики» и хозяйственные «ящики».

В результате трехлетних работ выявлена примерно $\frac{1}{3}$ здания, точнее — южный угол. На остальной, еще нераскопанной территории поселения скрыта та часть здания, которая составит юго-западную его половину. Северо-восточная половина этого, надо думать, четырехугольного в плане здания разрушена морем. Все здание занимало, по-видимому, площадь около 3000 кв. м и было жилым.

Раскапываемое здание ориентировано углами по странам света. Правильную планировку здания нарушает юго-западная его сторона. Она отклоняется к юго-западу на несколько градусов от правильной сетки размещения помещений на юго-восточной стороне здания. Это обстоятельство, заставившее нас в свое время предположить, что был другой строительный период, можно объяснить желанием строителей совместить в этой части здания направление стен с направлением скал, на выходах которых их нередко здесь воздвигали.

Находки скифских наконечников стрел, один из которых застрял в стене, а также зола, уголь, обгоревшие культурные остатки, зафиксированные в последних штыках, заставляют предположить, что здание погибло в результате набега варваров, сопровождавшегося большими пожарами. После этой катастрофы, но уже после того как в помещениях здания образовался толстый (до 0,70 м) слой наносного грунта, оно восстанавливалось полностью или частично. Это выразилось в увеличении ширины стен, главным образом внешних; в возведении внутри некоторых помещений новых стен, искаживших первоначальную их планировку. Характер кладок второго строительного периода несколько иной. Они возводились менее тщательно и содержат много, хотя и крупного, но сильно окатанного морем камня-булыжника, который нарушал стройность рядов кладок и лишал их прочности.

Отделить хронологически первый строительный период от второго пока невозможно: амфоры одних и тех же типов — основной датировочный материал — встречаются от первых до последнего штыка. А это значит, что оба строительных периода относятся к одному, пока еще нерасчлененному хронологическому отрезку — в пределах VI и первой половины V в. до н. э. О длительности разрыва между двумя строительными периодами можно было бы, пожалуй, судить еще и по толщине наносного грунта, который образовался после пожара. Однако несмотря на значительную толщину, он мог образоваться за сравнительно небольшой промежуток времени: в районе Геленджикской бухты чаще, чем в Новороссийской, дуют морские ветры, вызывающие активное перемещение и отложение грунтовых пород.

Основную категорию находок при раскопках геленджикского комплекса составляют глиняные изделия. Это главным образом обломки амфор, лепной и чернолаковой посуды. Имеются фрагменты амфор с широкими полосами первой половины VI в. до н. э.; хиосских; протофасосских; сероглиняных типа лесбосских; со стаканообразными ножками VI—V вв. до н. э. (рис. 3).

Лепной керамики сравнительно мало. В ней доминируют сосуды крупных форм — горшкообразной и грушевидной, тулово которых сильно суживается книзу.

Из чернолаковой посуды преобладают килики на высокой и низкой ножках. Некоторые из фрагментов снабжены чернофигурной росписью, относящейся главным образом ко второй половине VI в. до н. э. (рис. 4). Среди обломков расписной керамики выделится также родосско-ионийская посуда, расписанная полосами. Имеются обломки киликов, украшенные по венчику вертикальными полосами и розетками в виде концентрических кругов. Подобные килики появляются в конце VII в. до н. э., но

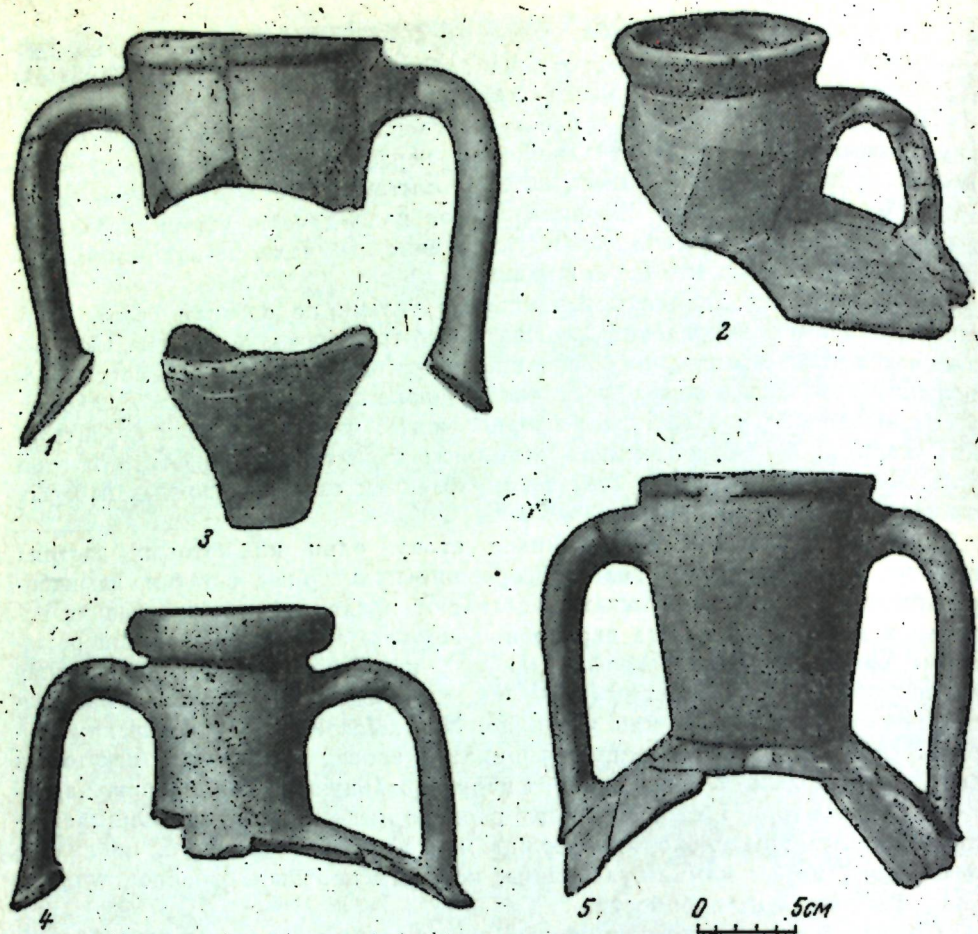

Рис. 3. Обломки амфор ранних типов (1—5)

употребляются и позднее. Встречаются открытые простые и чернолаковые светильники.

Среди других глиняных изделий отметим несколько круглых грузил с одним или двумя отверстиями и обломок такого же пирамидального грузила, одно пряслице и несколько пробок из ручек и стенок амфор.

Из металлических предметов отметим свинцовую пластину (12,5×6 см), небольшой серп и наконечники бронзовых стрел (двухлопастные и трехгранные). Собрано много кусков металлического шлака, а также медной руды, указывающих на местное металлообрабатывающее производство.

Поселение, основанное на скальных выходах Тонкого мыса, было хорошо защищено от юго-западных ветров, но страдало, по-видимому, от норд-оста. Это могло явиться причиной того, что во второй половине V в. до н. э. обитатели поселения сменили место своего жительства. Можно предположить, но в этом пока нет никакой уверенности, что они обосновались в северо-западном углу бухты, в районе современного курорта. До 1971 г. только на этом участке берега Геленджикской бухты находили античную керамику. Поэтому местные краеведы привыкли связывать его с остатками древнего Торика. Правда, проведенное здесь в 1965 г. обследование не дало утешительных результатов. Культурный слой содержал лишь немногочисленные обломки эллинистической керамики³. Описанное поселение с большим зданием городского типа мы можем

³ И. Б. Брашинский. К истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху. — АИКСП, стр. 70.

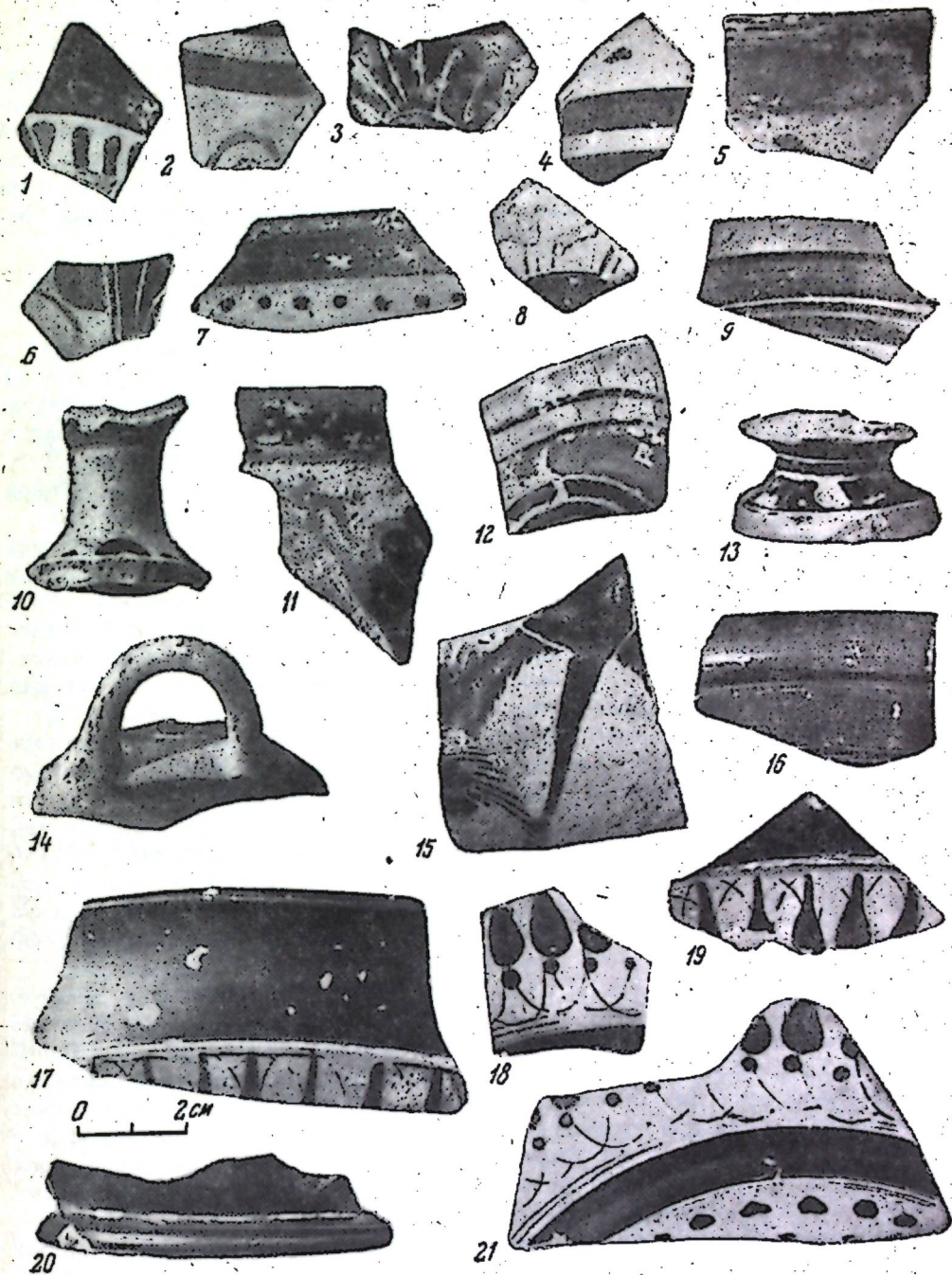

Рис. 4. Чернолаковая простая и расписная керамика (1—21)

более уверенно связывать с Ториком, известным до сих пор лишь по письменным источникам. Наиболее древнее упоминание о нем и о народе, называвшемся торетами, имеется у Псевдо-Скилака: Πόλις Ἑλληνίς Τορικὸς καὶ λιμὴν⁴. Более поздние источники сообщают о мысе Торетском⁵. Не был ли им Тонкий мыс Геленджикской бухты, на расстоянии 1,5 км от оконечности которого расположено открытое нами поселение?

⁴ Ps. Scyl., 74.

⁵ Ptol. Geogr., V, 8, 9.

О наличии ранних греческих поселений к юго-востоку от земли синдов, на предполагаемой территории керкетов и торетов, раньше мы могли только догадываться на основании подъемного материала⁶, а также хранящихся в Новороссийском музее беспаспортных находок⁷. Обнаруженные и частично раскопанные в 1971—1973 гг. поселения в Геленджикской бухте и в окрестностях Новороссийска⁸, заполняют существующую до сих пор лауну между Горгиппией⁹ и городами Колхиды¹⁰, намечая и на этом участке причерноморского побережья непрерывную цепь ранних греческих поселений.

В. И. ЦЕХМИСТРЕНКО

СИНОПСКОЕ КЛЕЙМО ИЗ ГОРГИППИИ

При раскопках Горгиппии в 1966 г. было найдено синопское клеймо (рис.), привлечшее наше внимание своей редкой формой¹. Оно имеет форму восьмиугольника и представляет собой как бы два клейма, поставленных перпендикулярно друг другу.

Клеймо состоит из надписи и эмблемы. Эмблема изображает орла, клюющего дельфина.

От надписи осталось только несколько букв, читающихся справа налево и размещенных в двух строках. В верхней строке видны три буквы: ипсилон, ню и омикрон. Дополняя строку, здесь можно читать 'ασ]υνó (μου). Название астиномной магистратуры в синопских клеймах в таком сокращении всегда находилось на втором месте, а перед ним и после него стояли собственные имена магистрата и гончара. Таким образом, горгиппийское клеймо скорее всего было трехстрочным.

В нижней строке очень хорошо читаются омикрон и справа от него остаток буквы, вероятнее всего ρο. Если принять во внимание, что начальные буквы всех строк в синопских клеймах почти всегда находились на одной вертикали, то недостающих букв в третьей строке могло быть две или три. Судя по окончанию слова, здесь могло быть помещено имя Δῶ]ρο(υ). Оно дважды засвидетельствовано Е. М. Придиком как имя гончара: один раз при астиноме Менандре, другой — при астиноме Гистиее². Загадочным остается содержание первой строки, хотя ясно, что здесь было помещено имя астинома.

Эмблема расположена слева от надписи. Рисунок повернут в левую сторону. Случаи постановки такой эмблемы поперек клейма известны достаточно хорошо. Они встречаются в клеймах астиномов Кира, Филоника, Форбанта, Аристана, Гистиея. Однако при первых четырех астиномах эмблема помещена в пределах обычного четырехугольного клейма, и только при астиноме Гистиее в некоторых экземплярах она дана как бы в дополнительном клейме, расположенном поперек основного клейма, содержащего надпись. Поэтому и в горгиппийском клейме без всякой натяжки можно предположить имя именно этого астинома.

Обычно в клеймах астинома Гистиея эмблема в виде орла на дельфине, поставленная поперек клейма, сопровождается лигатурой ΙΩ. При внимательном взгляде на горгиппийское клеймо над головой орла можно заметить остатки букв ΙΗ или ΔΗ, начертанных ретроградно, как и сама надпись. Это окончательно убеждает нас в том, что в верхней несохранившейся строке надписи нужно предположить имя астинома Гистиея.

Окончательное чтение горгиппийского клейма представляется нам в следующем виде:

['Ιστ]αίο(υ)
'ασ]υνó(μου)
Δῶ]ρο(υ)

¹ Инв. № 38. Клеймо найдено в помещении 1а на глубине 0,9 м. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить И. Т. Кругликову за предоставленную возможность опубликовать клеймо.

² E. Pridik. Die Astynomennamen auf Amphoren und Ziegelstempeln aus Südrussland. Berlin, 1928, стр. 31.

⁶ Н. А. Онайко. Разведка античных памятников в районе Новороссийска и Геленджика. — СА, 1970, № 1, стр. 130.

⁷ Есть основания предполагать, что встречающиеся в описях старой книги музея (№ 176—250) обломки ранних амфор, в том числе пухлогорлых хиосских, извлечены ковшом со дна моря.

⁸ Н. А. Онайко. Некоторые результаты работ Новороссийской экспедиции 1971—1972 гг. — КСИА, 143, 1975.

⁹ В. Д. Блаватский. Разведка в Анапе. — КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 245; И. Т. Кругликова. Горгиппия в период Спартокидов. — ВДИ, 1971, № 1, стр. 89.

¹⁰ О. Д. Лордкипанидзе. Античный мир и древняя Колхида. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.), см. резюме на русск. яз., стр. 153.

Клеймо

0 1cm

Что касается датировки клейма, то оно должно быть отнесено к I хронологической группе синопских клейм по Б. Н. Гракову, т. е. ко второй четверти IV в. до н. э.³ Время бытования амфоры с таким клеймом могло быть более продолжительным и должно определяться второй—третьей четвертями IV в. до н. э.

Изучение клейм с именем астинома Гистиея показывает, что они не однотипны. Среди них резко выделяются два варианта. В одном из них все клейма четырехугольные, эмблема помещена горизонтально в правой части штемпеля и повернута в сторону надписи. Никаких монограмм, сопровождающих эмблему, нет. Надписи во всех клеймах позитивные. Название магистратуры во всех клеймах сокращено до АΣΤΥ. В этом варианте нам известно 15 клейм с различными вторыми именами.

Во втором варианте все клейма имеют сложную Т-образную форму, как у описанного выше горгиппийского клейма. Эмблема всегда расположена поперек клейма, во всех клеймах эмблема сопровождается дополнительной монограммой или лигатурой⁴. Название магистратуры, в отличие от клейм первого варианта, сокращено в этих клеймах до АΣΤΥΝΟ. В этом варианте известно 13 клейм с различными именами гончаров.

Имена гончаров	I вариант (эмблема вдоль клейма)	II вариант (эмблема поперек клейма)	Имена гончаров	I вариант (эмблема вдоль клейма)	II вариант (эмблема поперек клейма)
* Αρχεπτόλεμος	+	+	Νεμήριος	+	—
* Ασπασίος	+	++	Νευμήνιος	+	+
Βατίσχος	+	—	Νίμαξ	+	++
Γόλας	+	+	* Ὀρδος	+	++
Διονύσιος	+	+	Ποσειδώνιος	+	+
Δῖρος	+	+	Τέβης	+	—
* Επικράτης	+	—	Τίμων	+	+
Μ'ανης	+	+	Φορμίων	—	+

Таким образом, клейма с именем астинома Гистиея имеют четко выраженные признаки, позволяющие причислить то или иное из них к одному из двух вариантов.

³ В. И. Цехмистренко. Из истории изучения синопских керамических клейм. — УЗМартПИ, XXVII, 1965, стр. 264; см. также: И. Б. Брашинский. Экономические связи Синоп в IV—II вв. до н. э. — Сб.: Античный город. М., 1963, стр. 133.

⁴ Исключение составляет хранящееся в Керченском музее восьмиугольное клеймо с именем гончара Формиона. Не издано. Инв. № 4468.

Обычно разновидности клейм в астиномных группах имеют набор имен, отличающихся друг от друга. В данном случае мы сталкиваемся с повторяющимся набором вторых имен гончаров. Из 16 известных имен 11 совпадают в обоих вариантах. Это характерно лишь для астиномных групп, хронологически близких друг другу. Примером могут служить клейма астиномных групп Эндема, Дионисия и Аполлодора, уже рассмотренные нами⁵. Такую же картину дают нам оба варианта клейм группы астинома Гистиея. По всей вероятности, перед нами не два варианта (разновидности) одной астиномной группы, а две различные астиномные группы⁶, выступающие со своими определенными отличительными признаками и со своим набором имен гончаров⁷.

Сравнение этих двух групп с другими астиномными группами первого периода показывает, что астином Гистией с сокращением АΣΤΥ выступает раньше астинома Гистиея с надписью АΣΤΥΝΟ⁸. Поэтому один из этих астиномов может быть назван Гистиеем I, а другой — Гистиеем II⁹.

Выше уже отмечалось, что горгиппийское клеймо поставлено на горле амфоры. В литературе известны только три случая такого расположения синопских клейм¹⁰. Все эти клейма раннего времени. Четвертый описанный нами случай позволяет предположить, что в ранний период синопское клеймение находилось под некоторым влиянием гераклеяского, в котором клейма ставились именно на амфорных горлышках¹¹.

⁵ В. И. Цехмистренко. Синопские керамические клейма с именами гончаров. — СА, 1960, № 1, стр. 65, табл. 2.

⁶ Б. Н. Граков (Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928, стр. 115, № 15) не делает различий между клеймами с именем Гистиея и включает их в одну астиномную группу, несмотря на различия в сокращениях названия магистратуры и в положении эмблемы.

⁷ Как уже отмечалось, в клеймах с эмблемой, расположенной вдоль штемпеля, встречается 15 имен гончаров, а в клеймах с вертикальным расположением эмблемы известно пока 13 имен. В первом случае отсутствует клеймо гончара Формиона, во втором случае — Батиска, Эпикрата, Немерия и Теба, но зато имеются два различных штемпеля с именем гончара Аспасия.

⁸ В первой хронологической группе синопских клейм различаются ранние и поздние астиномные группы. Ранние группы характеризуются либо отсутствием упоминания магистратуры, либо упоминанием ее в самой краткой форме АΣΤΥ. Для поздних астиномных групп этого периода характерны надписи АΣΤΥΝΟ или АΣΤΥΝΟΜΟ, а также размещение эмблемы поперек надписи в некоторой части клейма.

⁹ Астином Гистией I завершает список ранних астиномов. Он является последним из астиномов, в клеймах которых употребляется сокращение АΣΤΥ. Астином Гистией II открывает список поздних астиномов.

¹⁰ В. Н. Юревич. Надписи на ручках и обломках амфор и черепиц, найденных в Феодосии в 1894 г. — ЗООИД, XVIII, 1895, стр. 143, № 48 и стр. 160, № 56; Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917, стр. 120, № 24.

¹¹ Б. Н. Граков. Эпиграфические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор. — Труды ГИМ, 1, 1926, стр. 165.

Е. М. АЛЕКСЕЕВА

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ III В. ДО Н. Э.
ИЗ ГОРГИППИИ

В 1972 г. в Анапе был начат раскоп «Город II». На площади 125 кв. м исследован участок древней Горгиппии, сохранивший следы построек с IV в. до н. э. по III в. н. э.

Наиболее ранним сооружением на этой территории оказался колодец, устье которого обнаружено на глубине 1,6 м от современной поверхности почвы (рис. 1, 1). Колодец расчищен на 4 м от устья, углубиться ниже помешали грунтовые воды. В верхней части стенки колодца на высоту 1 м сложены из плоских необработанных камней известняка и мергеля; ниже колодец вырублен в скале. Диаметр его на уровне каменной обкладки 1,1 м, на уровне скалы — 1,2 м. Каменная обкладка имеет только внутренний фас, снаружи камни не подогнаны один к другому и не сохранили следов глиняной обмазки. Поэтому следует полагать, что уровень дневной поверхности колодца соответствовал сохранившимся верхним камням его выкладки. При зачистке каменного устья колодца найдена ручка фасосской амфоры с клеймом 320—300 гг. до н. э. (рис. 1, 9).

В первой половине III в. до н. э. колодец перестал использоваться по назначению и был засыпан. На глубине от 1 до 2 м ниже устья колодец был заполнен слоем битой керамики, представляющим собой единовременную засыпку первой половины III в. до н. э. В этом слое нет костей рыб и животных, золы и угля, характерных для мусорных свалок. Некоторые сосуды, извлеченные из колодца, имеют лишь незначительные повреждения, большинство их можно собрать из обломков целиком, но есть и отдельные фрагменты.

Помимо керамических находок в колодце обнаружены обломок железных ножниц, обломок массивного железного ножа, три бронзовых гвоздика с широкими шляпками и 29 бронзовых монет плохой сохранности. Монеты найдены около лежавшего на боку красноглиняного кувшина (рис. 1, 6). Шесть монет распались при реставрации, 23 определены Н. А. Фроловой. Среди них пантикапейские монеты 330—315 гг. до н. э. (три)¹; 315—300 гг. до н. э. (одна)²; начала III в. до н. э. (13)³; первой половины III в. до н. э. (три)⁴; первой половины — середины III в. до н. э. (две)⁵ и 315—300 гг. до н. э. с перечеканом в первой половине III в. до н. э. (одна)⁶.

В колодце найдены целая амфора из грубой красновато-коричневой глины с огромным количеством белых включений (рис. 1, 13), небольшая амфорка из мелкозернистой глины с блестками типа фасосской (рис. 1, 14) и разбитая амфора из синопской глины (рис. 1, 12). Очевидно, маленькая амфорка использовалась для хранения жидкой краски, так как внутренняя поверхность ее стенок была измазана легко смывающейся красной краской, подобной той, которой наносили буквы и знаки на стенки амфор.

Рис. 1. Амфоры и мелкие керамические изделия из колодца (1—14)

¹ Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, табл. V, 56.

² Там же, табл. V, 61.

³ Там же, табл. V, 62 (7 монет) и 63 (5 монет).

⁴ Там же, табл. VI, 66.

⁵ Там же, табл. VI, 67.

⁶ Там же, табл. V, 61; VIII, 95.

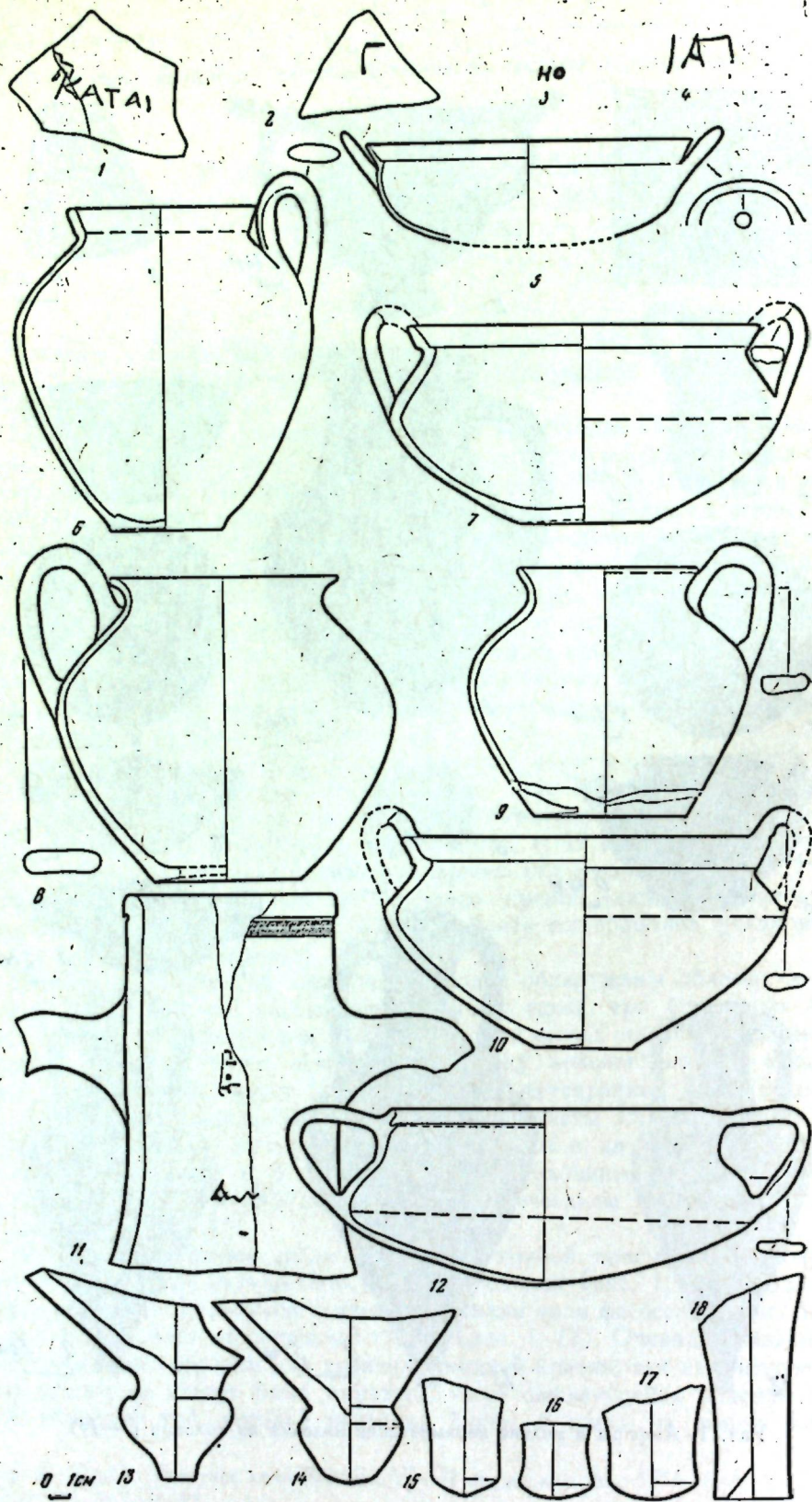

Рис. 2. Обломки амфор, горшки и кастрюли из колодца (1—18)

На горле синопской амфоры красной краской написаны буквы, на плечиках также красной краской изображена монограмма (рис. 2, 3, 4). Встречено также горло гераклейской амфоры с английским клеймом (ГОР), относящимся к четвертой группе гераклейских клейм по классификации И. Б. Брашинского⁷. Ниже клейма читаются две буквы, написанные красной краской (рис. 2, 11). На мелких обломках амфорных горл отмечено еще два плохо сохранившихся английских клейма. Одно из них гераклейское, другое принадлежит амфоре из синопской глины. На обломках стенок синопских амфор имелся знак, нанесенный красной краской, и графито (рис. 2, 1, 2).

Кроме целых амфор, фрагментов с клеймами и надписями, в колодце найдены обломки трех ножек (рис. 2, 15—17) и четырех горл синопских амфор, высокая ножка гераклейской амфоры второго типа по классификации И. Б. Зеест (рис. 2, 18)⁸, обломки нижних частей двух косских амфор (рис. 2, 13, 14), части горл амфор неизвестных центров с красными полосами под венчиком. Следы красной краски под венчиками сохранились также на обломках синопских и гераклейских амфор.

Из чернолаковой посуды в колодце найдены целый канфар (рис. 1, 2) и два дна подобных канфаров, а также глубокая чашка на кольцевом поддоне с графито (рис. 1, 7). Оба сосуда покрыты лаком со слабым металлическим блеском, характерным для III в. до н. э. Типы чернолаковых канфаров из колодца относятся к широко распространенным в Северном Причерноморье.

Наиболее разнообразную группу керамики из засыпи колодца образует кухонная и столовая посуда, изготовленная на гончарном круге. Глина большинства сосудов при различной степени зернистости теста и неодинаковой его окраске — бежевой, оранжевой, красновато-коричневой и даже серой — характеризуется одинаковыми примесями: массой мельчайших блесток, а также белых и красновато-терракотовых включений. В тесте одних сосудов преобладают белые включения, в других они уступают место железистым включениям или блесткам, однако в глине почти всех сосудов различно присутствие трех указанных примесей.

Наиболее многочисленна группа массивных мисок на кольцевых поддонах с выделенными венчиками. Все они сделаны из одинаковой глины. Удалось собрать семь мисок, однако найденные обломки принадлежат не менее чем десяти. Одни миски массивные (рис. 3, 1, 7, 9, 10), другие тоже толстостенные, имеют небольшой диаметр по краю и более четко выраженный венчик (рис. 2, 5, 8, 12). Кроме больших мисок, в колодце найдены мисочки на кольцевых поддонах: две маленькие грубые сероглиняные (рис. 3, 13, 14) и одна тонкостенная светлоглиняная с мягко загнутыми внутрь краями (рис. 3, 16).

Из колодца происходят два красноглиняных кувшина на кольцевых поддонах (рис. 1, 6; 4, 2, 3), подобный им сероглиняный (рис. 4, 6), верхняя часть темнолощеного кувшина (рис. 4, 1) и маленький плоскодонный кувшинчик из оранжевой глины (рис. 1, 4; 4, 5). Все кувшины сделаны из тонкой, хорошо отмученной глины, насыщенной блестками.

Из подобной мелкозернистой глины сделаны также изящная чашечка с профилированным краем (рис. 3, 11), крышка (рис. 5, 5), горло сосуда типа лагинноса (рис. 4, 4), носик цедилки (рис. 4, 9) и верхняя часть одноручной чашки (рис. 3, 15).

Наибольшей рыхлостью теста отличаются три плоскодонных горшка с отогнутым краем и петлеобразной ручкой, возвышающейся над ним (рис. 2, 6, 8, 9). Тесто этих горшков насыщено белыми включениями, на поверхности заметны следы примитивного лощения. Из подобного же теста

⁷ И. Б. Брашинский. Керамические клейма Гераклеи Понтийской. — ИЭ, V, 1965, стр. 26, табл. III, 7.

⁸ И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. — МИА, № 83, 1960, табл. XIV, 43.

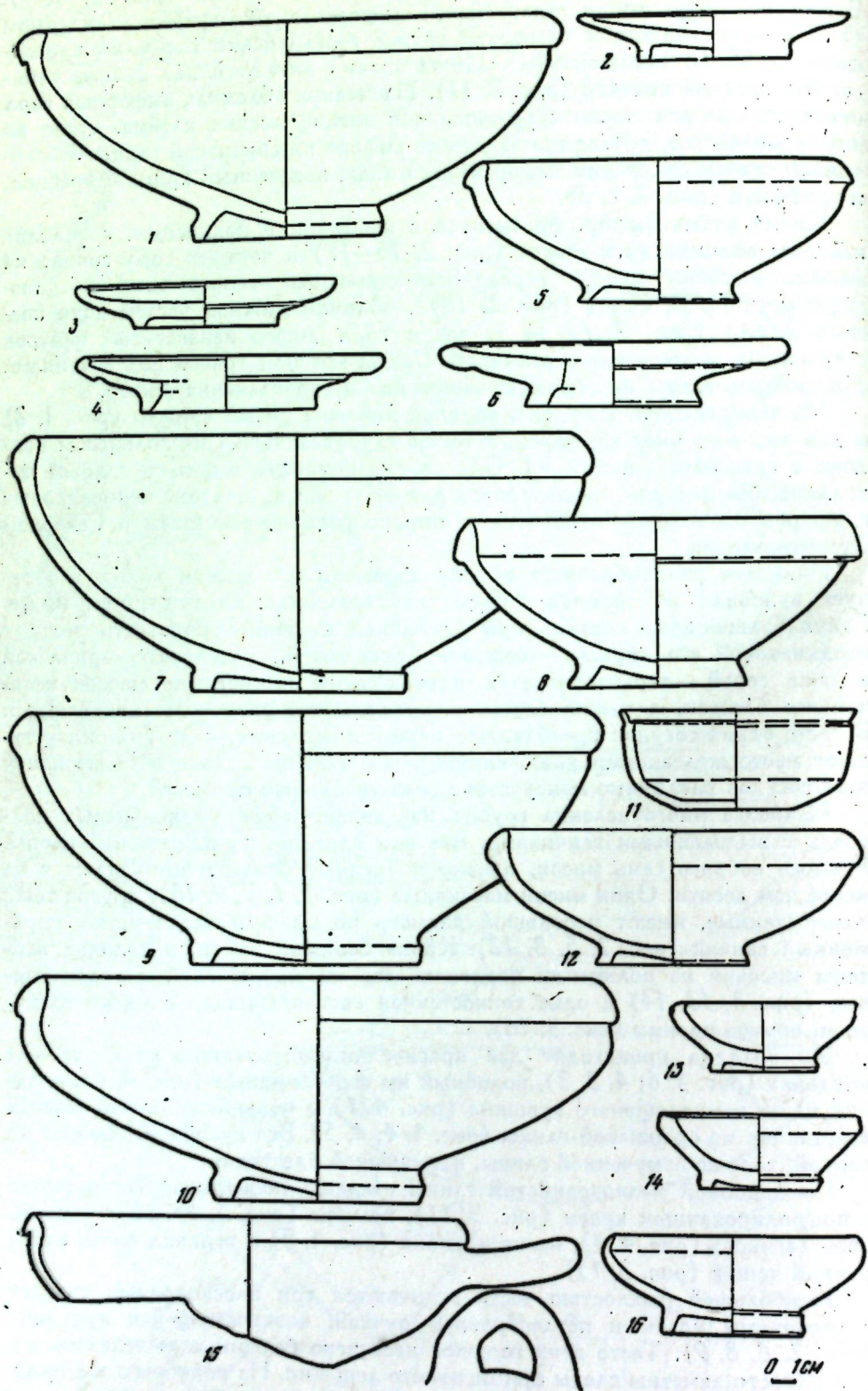

Рис. 3. Миски и тарелки из колодца (1-16)

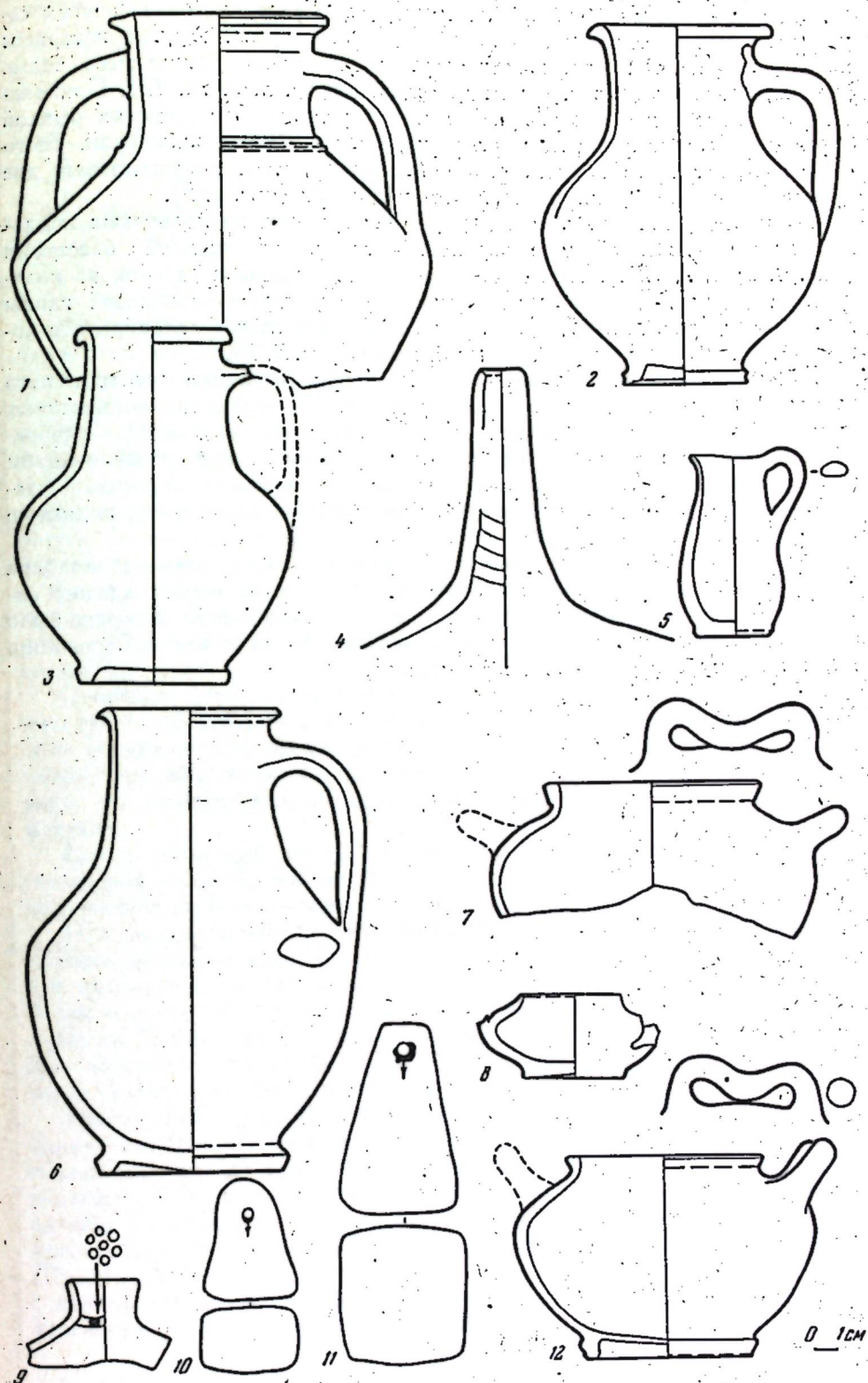

Рис. 4. Кувшины, горшки и мелкие керамические предметы из колодца (1-12)

сделана массивная кастрюля с профилированным краем диаметром 27 см и двумя изогнутыми горизонтальными ручками с круглым поперечным сечением. От нее сохранились лишь отдельные куски. Другие кастрюли из колодца не так массивны и сделаны из лучше отмученного теста. Две из них плоскодонны, одна круглодонна (рис. 2, 7, 10, 12). Примечательна тонкостенная кастрюлька со слегка уплощенным дном из рыхлой коричневой глины с примесью блесток, белых и темных включений. Тесто ее напоминает тесто коричневоглиняных амфор, край профилирован, две круглые в сечении ручки возвышаются над краем (рис. 2, 5).

Из колодца извлечены два двуручных горшочка на кольцевых поддонах из светло-желтой мелкозернистой глины, насыщенной блесками (рис. 1, 8; 4, 7, 12). Найдено несколько разнообразных тарелок на кольцевых поддонах, сделанных из мелкозернистой светло-коричневой глины с блесками (рис. 3, 2—4, 6). Одна из них имеет легкое лакообразное покрытие, розоватое, с металлическим блеском (рис. 3, 3).

Кроме описанных сосудов, в колодце при расчистке керамического завала найдены три светильника (рис. 1, 10, 11; 4, 8), три обожженных пирамидальных грузила (рис. 1, 3; 4, 10, 11) и обломки большой терракотовой женской протомы из тонко отмученной глины с множеством мельчайших блесток. Поверхность протомы пострадала от сырости, и удается различить только шею, грудь и согнутую в локте руку, поднятую к груди.

Перечисленные находки позволяют отнести время засыпки колодца к первой половине III в. до н. э. Большое количество монет надежно определяет дату множества керамических форм, большинство которых было широко распространено на рубеже IV—III вв. до н. э. как в Горгии, так и по всему Северному Причерноморью⁹.

И. Д. МАРЧЕНКО

НОВЫЕ ВИДЫ
БОСПОРСКОЙ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ

Археологические исследования городских кварталов Пантикапея на северном склоне Митридатовой горы постоянно дают новые доказательства многообразной деятельности ремесленников и большого значения гончарного ремесла в экономической жизни города¹.

Мы располагаем материалами о начальном периоде боспорского гончарного ремесла благодаря открытию двух гончарных обжигательных печей конца VI в. до н. э. Изделия, обнаруженные в них, говорят о подражании боспорских ремесленников VI в. до н. э. ионийским образцам. Это видно как по керамике, украшенной орнаментом в виде полос, так и по терракоте, выполненной в стиле художественных образцов ионийского искусства VI в. до н. э. Недавно открыта третья гончарная печь, относящаяся к IV—III вв. до н. э. Образцы керамики, найденные внутри печи, принадлежат к устойчивым типам сосудов, характерным для эпохи эллинизма.

Открытие трех новых гончарных мастерских существенно дополняет материалы по истории боспорского гончарного дела и позволяет проследить воздействие на него общегреческих влияний. Новые материалы показывают широкие заимствования и глубокие связи Боспора с другими центрами и самостоятельную переработку местными мастерами завезенных мотивов.

Целью настоящей работы является разбор одного вида пантикапейских гончарных изделий, возникших под влиянием импортных предметов, но получивших на Боспоре некоторые характерные особенности.

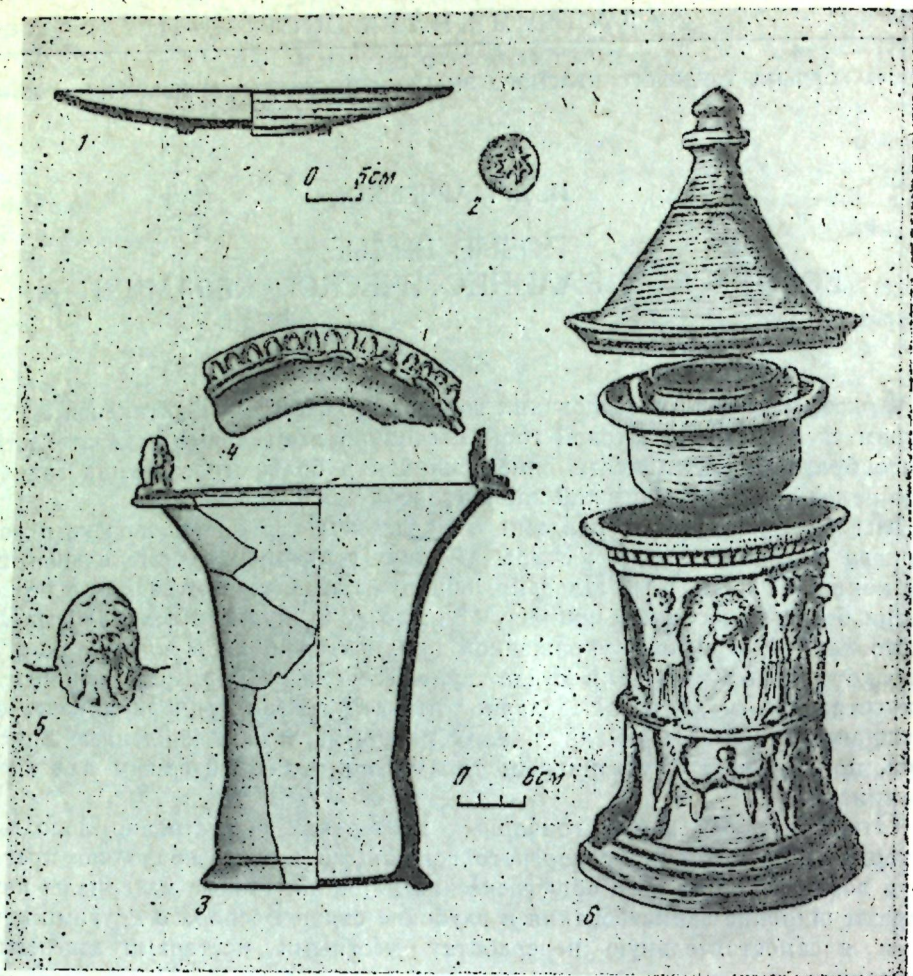
При раскопках насыпи, перекрывающей северные площади Ново-Эспланадного раскопа, в слое II в. до н. э. было обнаружено скопление фрагментов довольно однородных сосудов из пантикапейской глины. После разборки и систематизации всех обломков оказалось, что этот комплекс состоял из 32 больших глиняных блюд и примерно 10 высоких ситулообразных сосудов с отогнутым краем и двумя ручками-выступами, украшенными рельефными масками силенов.

Рассмотрим группу блюд. Форма их проста и однообразна: каждое блюдо представляет собой плоскую тарелку диаметром до 40 см на низком кольцевом поддоне (рис., 1). С внутренней стороны поверхность блюда украшена кольцевидным вдавлением, или желобком, такие же рельефные полосы проведены на плоском валике, который как бордюр окаймляет края блюда. Блюда подобной формы найдены на афинской агоре в слоях III—II вв. до н. э.² У них по краю проходит такой же плоский валик с кольцевидными вдавлениями, как у описываемых блюд. Высота пантикапейских блюд не более 5 см. С внутренней стороны блюда отделаны бо-

⁹ См., например: И. Т. Кругликова. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города. — МИА, № 33, 1954, стр. 78; Она же. Фанагорийская местная керамика из грубой глины. — МИА, № 19, 1951, стр. 87 сл.

¹ В. Д. Блаватский. Пантикапей. М., 1964, стр. 33; Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. — САИ, Г1-20, 1966, стр. 18—19; И. Д. Марченко. Местная расписная керамика Пантикапея VI—V вв. до н. э. — СА, 1967, № 2, стр. 146—154.

² H. Thompson. Two Centuries of Hellenistic Pottery. — Hesperia, IV, 1934, рис. 116, с. 1.

Боспорская эллинистическая керамика

1 — блюдо; 2 — печать на внутренней стороне блюда; 3 — ситулообразный сосуд; 4 — край сосуда о оваями; 5 — маска на ручке сосуда; 6 — курьальница из сосудов

лее тщательно, чем с внешней, поверхность их гладкая, кольцевидные вдавления нанесены аккуратно.

Среди серии однородных блюд, выполненных, по-видимому, рукой одного мастера, выделяются три блюда (М-64, пл. 84, № 1391—1393), на внутреннюю поверхность которых нанесено по три оттиска круглой печати диаметром до 2,5 см (рис., 2). Оттиски четкие, помещены на полях блюд, на равном расстоянии одно от другого. На всех вырезаны три буквы: сигма и соединенные вместе, как бы наложенные одна на другую альфа и тау. Перекладина альфы изображена переломанной и опущена углом вниз, что характерно для позднего эллинизма, т. е. для II—I вв. до н. э.³ Вероятно, буквы составляли начало имени Сатир или другого, близкого ему, с таким же корнем. В таком случае наши сведения о пантикапейских гончарах эллинистического времени пополняются еще одним именем, кроме известных уже имен Аркесилая и Деметрия⁴.

Отметим одну интересную деталь: на девяти фрагментах, принадлежавших, по-видимому, шести блюдам, сохранились следы какой-то бело-

³ А. И. Болтунова, Т. Н. Книпович. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре. — НЭ, III, 1962, стр. 18, табл. II.

⁴ Н. М. Лосева. Об импорте и местном производстве «мегарских» чаш на Боспоре. — МИА, № 103, 1962, стр. 197.

вато-зеленой массы, напоминающей растертый творог. Ею покрыты равные края сосудов, т. е. этой массой в древности склеивали разбитые блюда. Такой массой склеено было блюдо с оттиском печати Сатира.

Следует отметить, что блюда подобной формы редко встречаются при раскопках. Только один фрагмент (М-63, пл. 87, № 519) был обнаружен в западной части раскопа. Это характеризует найденный комплекс как явление особенное, не связанное с широким использованием такой керамики в быту населения, а имевшее специальное назначение.

Другую группу этого комплекса составляют фрагменты ситулообразных сосудов высотой от 35 до 40 см, с диаметром верха 30 см и дна — до 20 см. Сосуды имеют вид расширяющегося кверху цилиндра на низкой; едва выделенной ножке (рис., 3). Широкий край сосуда отогнут, на нем нанесена штампом полоса ов (рис., 4). На ребре отогнутого края помещены две фигурные ручки в виде невысоких вертикальных выступов, украшенных с внешней и внутренней сторон прилепами в виде рельефных масок силенов. Сохранился всего один такой прилеп с маской силенена (М-64, пл. 99, № 1379). Маска отжата в неглубокой форме, отчего она слабо рельефна. Изображено лицо силенена с волнистыми прядями бороды, свисающими усами, широким носом и неясными выступами-листьями от венка на голове (рис., 5). Похожая маска силенена представлена одной из херсонесских форм III в. до н. э.⁵ Основание ручки-выступа декорировано объемными валиками, переходящими на край сосуда и как бы изображающими ползущих змей; они сделаны от руки. Таким образом, на этих ситулообразных сосудах декор выполнен тремя способами: использованием готового рельефного медальона с маской силенена, штампом для нанесения орнамента ов и ручной отделкой.

При определении назначения этих сосудов возникает два предположения: они могли использоваться как столовая декоративная посуда для вина и фруктов или как небольшие переносные печи, обогревавшие помещение и служившие одновременно для подогревания пищи.

Небрежность в отделке поверхности внутренних стенок сосудов, неровности, всхолмления и каверны говорят о том, что вряд ли такие сосуды использовали для вина, скорее они служили переносными печами, подобными тем, которые применялись в Средиземноморье. Правда, пантикапейские ситулообразные сосуды некоторыми особенностями в конструкции и во внешнем виде отличались от импортных жаровен и переносных печей.

Остановимся на описании различных типов переносных печей и жаровен, распространенных в городах античного мира.

При раскопках афинской агоры найдены низкие переносные печи в виде сосуда с крышкой, в которых можно было сохранять горящие угли и выпекать лепешки. Части таких хозяйственных предметов обнаружены и при раскопках Пантикапея в слоях V в. до н. э. В Пантикапее архаического времени для обогрева помещений использовались не только очаги, но и амфоры с отбитой нижней частью. Их ставили на горло, заполняли тулово золой и горящими углями и сверху помещали сосуд, в котором легко можно было подогреть пищу, вскипятить воду. Такие простейшие приспособления были удобны в быту, не требовали много топлива и долго держали тепло.

В эпоху эллинизма стали широко применять переносные печи⁶. Делос был один из центров производства таких печей и вывозил их во многие страны Средиземноморья. Удобное, весьма портативное устройство способствовало их распространению, а простота форм и легкость изготовления вызывали подражание у местных мастеров.

⁵ Керамическое производство и античные керамические строительные материалы, стр. 28, табл. 7, 2.

⁶ D. Burr. The Terracota Figurines. — Hesperia, II, 1933, стр. 189; A. Conze. Griechische Kohlenbecken. — IDA, Bd. V, 1891, стр. 118—141; H. Thompson. Two Centuries of Hellenistic Pottery, стр. 392, рис. 79, 108.

О. Д. ДАШЕВСКАЯ

КАМЕННЫЕ СКЛЕПЫ БЕЛЯУССКОГО МОГИЛЬНИКА

Продолжая в 1968—1969 гг. раскопки некрополя при городище Беляус в Черноморском районе Крыма, Донузлавская экспедиция Института археологии АН СССР и Евпаторийского музея открыла два каменных склепа, очень близких по своей архитектуре к склепам 1 и 2, раскопанным здесь в 1967 г.¹

Все четыре склепа обнаружены на распаханном поле, на глубине всего 0,20—0,30 м от поверхности. Как теперь выяснилось, наряду с каменными склепами в могильнике были и земляные, составлявшие большинство². Три каменных склепа (1—3) находятся в южной части могильника, ближайшей к городищу, а четвертый (4) — в отдаленной северо-восточной части. Со стороны городища, в южном краю могильника выявлены остатки ограды последнего, примитивно сложенной из огромных дикарных камней с добавлением мелких³.

Уступчатые перекрытия склепов 3 и 4 срыты, очевидно, вместе с бывшими над ними небольшими курганными насыпями. Склепы имеют почти прямоугольную (немного суженную к югу) меридионально ориентированную камеру, в которую с юга ведет дромос. Стены камеры сложены насухо из хорошо отесанных плит. В каждом склепе нижний ряд плит поставлен на ребро, а последующие положены плашмя, с напуском, образующим ложный свод. Дромосы обложены большими грубо обработанными плитами. Полы мощные.

Склеп 3 (рис. 1, 2), наибольший из всех, имеет камеру площадью 3,60×2,20 м. Дромос его полностью разрушен распашкой. От стен камеры сохранились два-три ряда плит общей высотой до 0,80 м. В камере обнаружены рухнувшие в нее превосходно отесанные плиты перекрытия толщиной по 0,20 м, длиной и шириной в среднем 0,50—0,75 м. Одна из торцовых сторон у всех этих плит косо срезана: ею они были обращены (с напуском) внутрь камеры, и срез придавал плавность уступчатому перекрытию.

Порог склепа вырублен из цельного камня. Ширина входа 0,65 м. Косяки сделаны в виде отдельных каменных столбиков с выемкой для крепления закладной плиты. Восточный косяк, как и закладная плита, отсутствовал к моменту раскопок, а западный найден сваленным и восстановлен нами. Вымостка пола сложена из обработанных плит неправильной формы, преимущественно крупных; швы заполнены мелкими камнями.

¹ О. Д. Дашевская. Два склепа Беляусского могильника. — КСИА, 119, 1969.

² О. Д. Дашевская. Исследования в Северо-Западном Крыму. — АО 1968 г. М., 1969, стр. 298—299; Она же. Донузлавская экспедиция. — АО 1969 г. М., 1970, стр. 256—257; Она же. Раскопки памятников античной эпохи в Северо-Западном Крыму. — АО 1970 г. М., 1971, стр. 264—265; Она же. Раскопки городища и могильника Беляус. — АО 1972 г. М., 1973, стр. 277—278; О. Д. Дашевская, Б. Ю. Михлин, А. С. Голенцов. Экспедиция Евпаторийского музея. — АО 1971 г. М., 1972, стр. 352—353.

³ Такая же ограда могильника раскопана на Боспоре. См.: И. Т. Кругликова. Некрополь поселения у дер. Семеновки. — СА, 1969, № 1, стр. 118—119.

Делосские печи представляли собой соединение глубокой миски с отверстиями в дне с цилиндрической подставкой. В стенах последней имелись проемы для доступа воздуха, благодаря чему поддерживалось горение углей, положенных на дно миски. По краю миски помещались три фигурные ручки в виде невысоких выступов, украшенных по внутренней стороне масками силенов или демонов. Их бороды, сильно выдвинутые внутрь миски, служили опорами для сосуда с подогреваемой пищей, который можно было здесь поместить. Эта несложная конструкция печи обеспечивала как обогревание помещения, так и разогревание пищи. Пользоваться такими угольными печами было намного легче и удобнее, чем очагом, дающим не только тепло, но и дым. Этот тип печей быстро распространился по городам Средиземноморья и проник на Боспор. Фрагменты подобных сосудов неоднократно находили при раскопках Пантикапея и Фанагории⁷.

По образцу этих печей изготавливались особые курильницы, представляющие собой целый комплект отдельных сосудов. Примером их является курильница II в. до н. э., найденная в Ольвии⁸, состоящая из закрывающегося крышкой цилиндра высотой 25 см, внутрь которого вставлялись два сосуда — один с углями, другой с ароматической смесью (рис., б). Внешнюю сторону таких курильниц украшали рельефами в виде гирлянд и фигур, как и делосские переносные печи⁹.

Ситулообразные сосуды, относимые нами к группе переносных печей, отличались от печей делосского типа: у них было дно, боковая поверхность без проемов, ручки, украшенные масками, имели чисто декоративное назначение и не могли служить опорами для сосудов. Размер пантикапейских печей-ситул был меньше, чем делосских печей, соответственно легче было переносить их из одного помещения в другое.

Местные мастера несколько видоизменили форму делосских переносных печей и создали свой вариант. В угоду заказчику гончар богаче украсил верхнюю часть, оставил как рудименты ручки-выступы с головкой силенана и сделал глухое дно, что превратило печь с полкой цилиндрической подставкой в ситулообразный сосуд.

Обращает на себя внимание тот факт, что в описываемый комплекс входило много крупных сосудов, принадлежащих только двум типам. Мы считаем, что комплекс связан с пританеем¹⁰. Эти сосуды являлись хозяйственным инвентарем, их использовали на общественных трапезах, обычных в городских пританеях. В частном доме не могло быть такого большого количества однотипных сосудов. Для обслуживания трапез администрация пританея сделала большой заказ горшечнику Сатиру на изготовление специальных сосудов, и он выполнил его, представив блюда со своей печатью и своеобразные переносные печи. Весь комплекс найден у западных помещений пританея, именно тех, в которых происходили общественные трапезы.

⁷ В. Д. Блаватский. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945—1949 и 1952—1953 гг. — МИА, № 56, 1957, стр. 83, рис. 37, 2.

⁸ Б. В. Фармаковский. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. — ИАК, 8, 1903, стр. 90.

⁹ К. Тревер. Ольвийская полихромная амфора 1901 г. — МАР, 36, 1918, стр. 3, рис. 3, 4, 6.

¹⁰ И. Д. Марченко. Раскопки общественного здания II в. до н. э. в Пантикапее. — КСИА, 109, 1967, стр. 79.

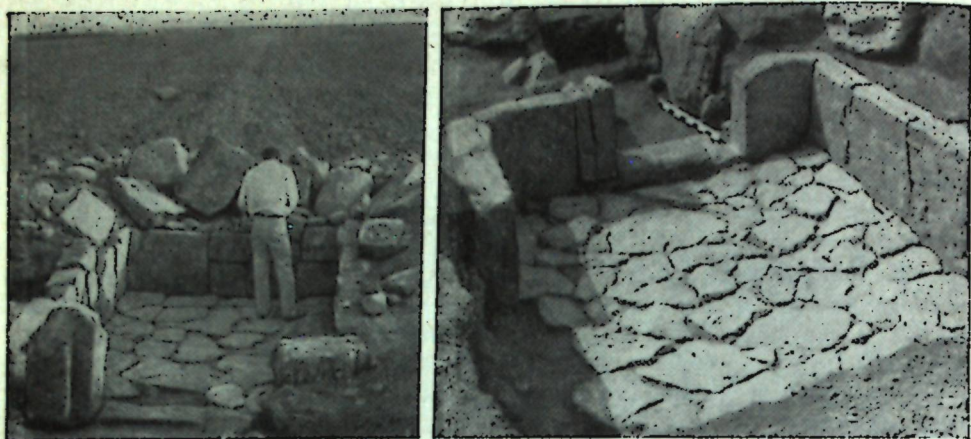

Рис. 1. Беляусский могильник. Каменные склепы

1 — склеп 3, вид с юга; 2 — склеп 4, вид с севера

Под плитами на глинистом материке оказалась подсыпка из морской ракушки. Нижняя часть склепа на 0,40 м врезана в материк.

В кладку восточной стены склепа вмонтирован кусок черепицы, употребленный для заполнения щели. Другие найденные здесь обломки черепицы, очевидно, были использованы преимущественно в вымостке: большинство их обнаружено в юго-западном углу камеры, там, где отсутствуют каменные плиты пола. На трех обломках оказались синопские клейма конца IV в. до н. э.⁴

1. ΔΙΟΝΥ[ΣΙΟΥ]/ΑΕΤΥΝΟ(ΜΟΥ)/ΚΑΛΛΙΘΕ(ΝΟΥΣ) Эмблема отбита
2. [ΑΕΤΥΝΟ(ΜΟΥ)]/ΝΙΚΟ[ΣΤΡΑ(ΤΟΥ)] Бига?
3.] ΙΟΥΣ Γροздъ и колос

Эти обломки с клеймами интересны тем, что принадлежат к числу наиболее ранних находок на Беляусе, определяющих дату основания городища⁵.

Склеп оказался разграбленным. В нем перемешаны остатки восьми скелетов и предметы погребального инвентаря. Лепная керамика представлена обломками пяти сосудов: горшка, кувшинчика, двух мисок и ладье-видного светильника (рис. 3, 9). Из обломков, разбросанных по всей камере, реставрированы краснолаковые сосуды — чаша из беловатой, хорошо отмученной глины на поддоне и небольшой кубок, сделанный из нижней части кувшинчика (рис. 4, 8, 9). Найдены также железные ножи (рис. 3, 4), бронзовые проволочные серьги с обмоткой (рис. 3, 1), перстень со стеклянной вставкой, лучковая одночленная подвижная фибула (рис. 3, 2), остатки железной фибулы, железное кольцо, бусы гагатовые в виде отрезков цилиндра и стрелок, сердоликовые (рис. 4, 1), стеклянные (рис. 4, 3), подвеска из просверленной розовой гальки (рис. 4, 4). Об известном богатстве захоронения свидетельствуют оставленные грабителями 11 золотых нашивных бляшек диаметром 1,3 см со штампованным орнаментом из трех concentрических кругов ложной зерни (рис. 4, 2).

Перечисленные находки достаточно определено позволяют датировать погребения в склепе. Фибула по классификации А. К. Амброза относится к первой половине I в. н. э.⁶ Не моложе чаша, судя по форме и по

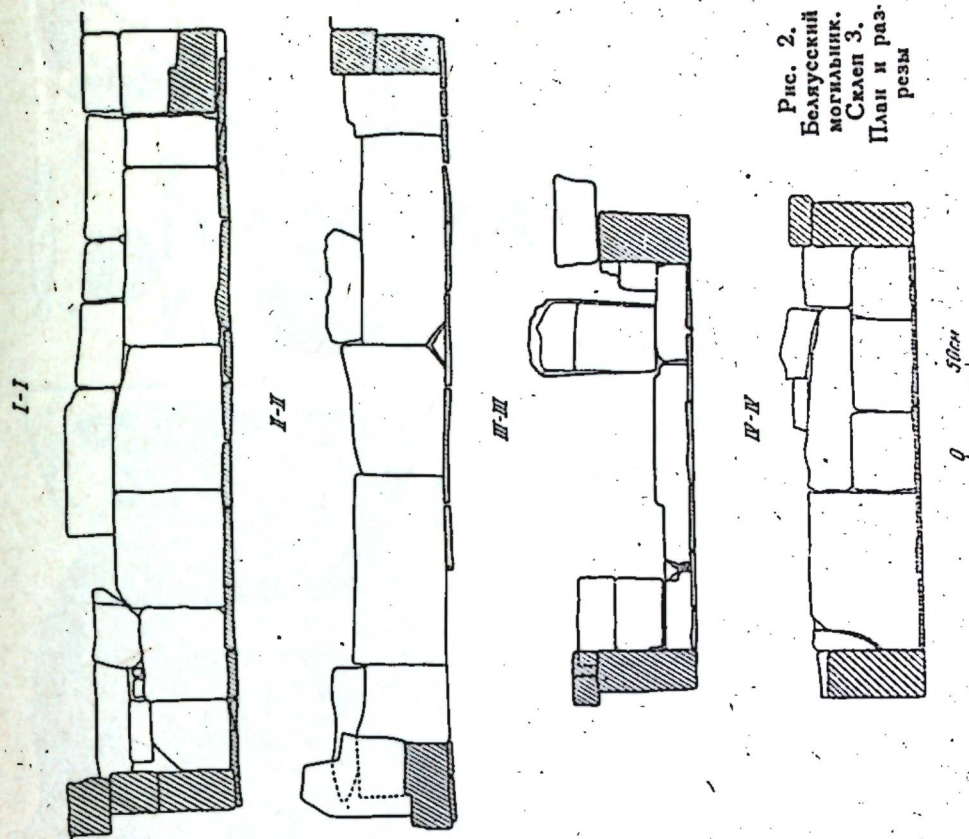
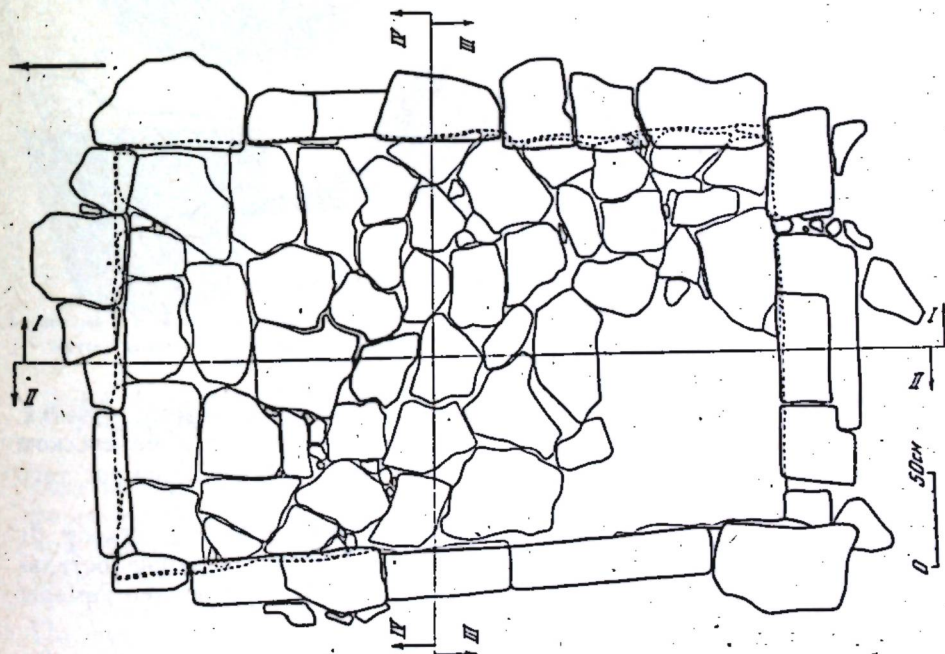

Рис. 2. Беляусский могильник. Склеп 3. План и разрез

⁴ По датировке В. И. Цехмистренко.

⁵ О. Д. Дашевская. Античная башня на городище Беляус. — КСИА, 115, 1968.

⁶ А. К. Амброз. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э. — САИ, Д1-30, 1966, стр. 48 сл. (1 вариант).

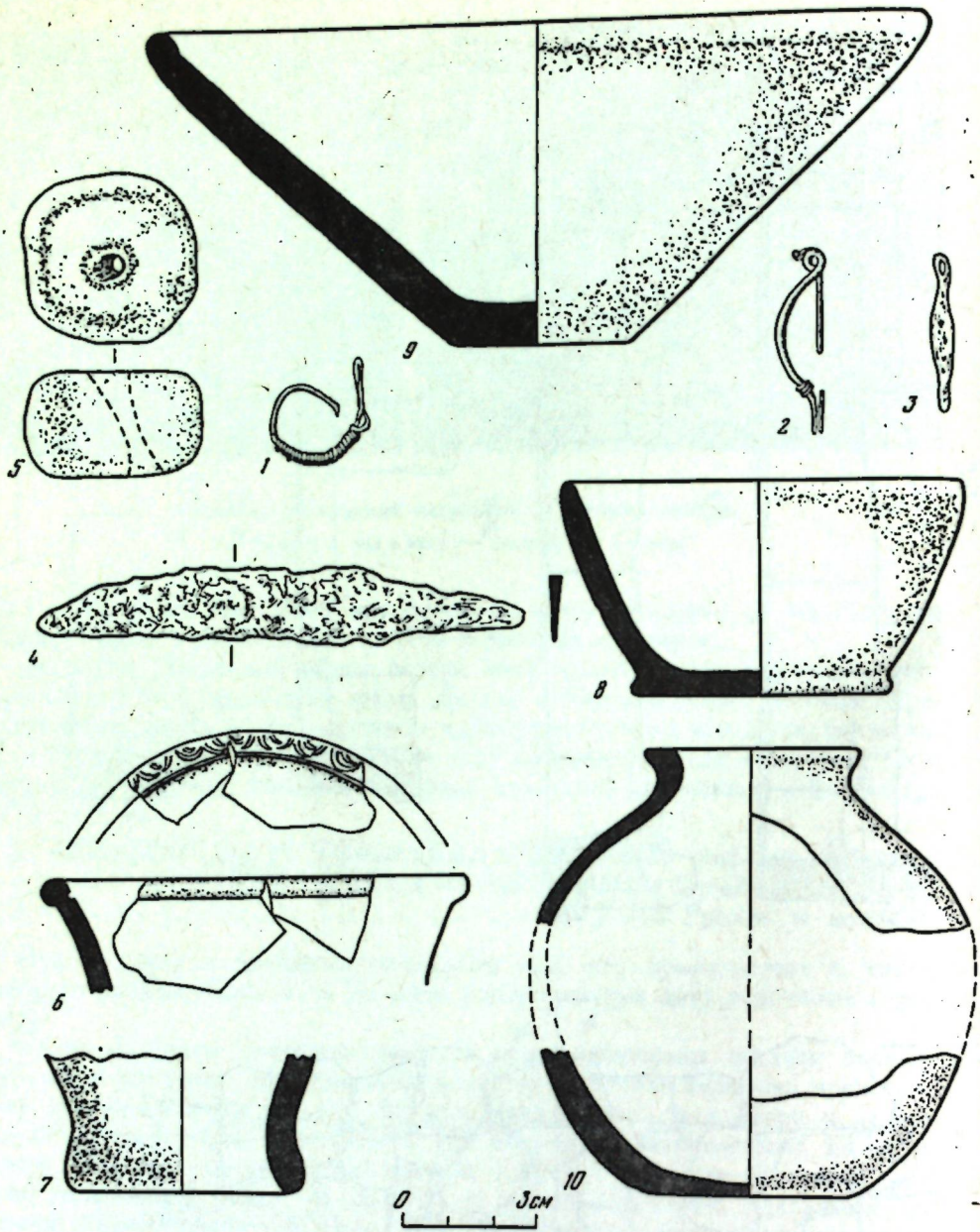

Рис. 3. Беляусский могильник. Предметы из склепов

1, 2, 4, 9 — склеп 3; 3, 5, 6-8, 10 — склеп 4; 1-3 — бронзовые серьга, фибула и подвеска; 4 — железный нож; 5 — известняковое пряслице; 6, 10 — сероглиняные круговые сосуды; 7-9 — лепные сосуды

равномерному (включая и дно) покрытию лаком оранжевого оттенка. Сходный набор бус, распространенных в I в. н. э., был и в беляусском склепе 2⁷. Ряд аналогий в могильниках Северного Причерноморья того времени имеют серьги⁸.

Склеп 4 (рис. 1, 2) по размерам лишь немного уступает склепу 3: площадь его камеры 3,33×2,20 м. В материк он впущен глубже остальных — на 0,80 м, тем не менее даже единственный ряд кладки стен камеры

⁷ О. Д. Дашевская. Два склепа Беляусского могильника, рис. 33, 3, 4.

⁸ В. П. Бабичиков. Некрополь Неаполя скифского. — Сб.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, табл. IV, 14; Е. К. Максимов. Памятники зарубинского типа в Субботове. — КСИА АН УССР, 9, 1959, рис. 6, 14, 16; И. Т. Кругликова. Указ. соч., рис. 5, 17, 22.

Рис. 4. Беляусский могильник. Предметы из склепов

1-4, 8, 9 — склеп 3; 5-7, 10 — склеп 4; 1 — тигатоме и сердошковые бусы; 2 — золотые бляшки; 3 — стеклянные бусы; 4, 5 — каменные подвески; 6 — светильник; 7-10 — краснолаковые сосуды

сохранился неполностью. Недостающих в кладке плит внутри камеры не обнаружено, они выбраны, что в этом могильнике, разграбленном гуннами⁹, наблюдается впервые. По всей вероятности, выборка камня отсюда произведена в позднейшее время.

Толщина плит нижнего ряда кладки, как и в других склепах, 0,20 м. По фасу они имеют почти квадратную форму (в среднем 0,60×0,65 м). За плитами снаружи, в котловане, вырытом для склепа, прослежена за-

⁹ О. Д. Дашевская. Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма. — Сб.: Древности Восточной Европы. М., 1969.

бутовка из мелкого камня. Порог вырублен из цельной плиты, высота его над полом 0,12 м. Западный косяк отсутствует, а восточный, сохранившийся на своем месте, оформлен в виде вертикально стоящей плиты с неглубоко вырезанным углом. Между косяком и ближайшим камнем южной стены вставлена еще одна узкая плита. Пол камеры выложен из плит неправильной формы, различного размера, длиной до 0,80 м. С юга в камеру вел короткий и сравнительно глубокий дромос, дно которого, находящееся на одном уровне с полом камеры, посыпано известняковой крошкой. Длина дромоса 1,57 м, ширина 0,93 м. По бокам его стоят мощные неотесанные плиты, по две с каждой стороны. Высота их достигает 0,83 м, ширина — 0,90 м, толщина — 0,18 м. В южном конце дромоса сделана в материке ступенька высотой 0,36 м.

Судя по крайне фрагментарным разрозненным останкам костяков, в склепе было похоронено не менее 16 человек. Погребальный инвентарь уцелел лишь частично. Из лепной керамики до нас дошли небольшая мисочка (рис. 3, 8), обломки двух горшков (рис. 3, 7) и двух светильников — ладьевидного и круглого со сливом. К античной керамике относятся реставрированные краснолаковые миска (рис. 4, 10) и кувшин с отбитой профилированной ручкой (рис. 4, 7), светильник с рельефным щитком (изображение фрагментировано; на дне заметны следы латинской надписи по сырой глине ... vs/...), волютами у основания рожка и треугольными выступами по краям последнего (рис. 4, 6), а также несколько краснолаковых и сероглиняных (рис. 3, 6, 10) сосудов различных форм, представленных обломками. Найдены железный нож, известняковое пряслице (рис. 3, 5), обломки бронзовых и железных фибул, колец, многочисленных бусины (одна из горного хрусталя, остальные — стеклянные мелкие, некоторые с позолотой), прямоугольная подвеска из полированного кремнисто-железистого известняка (рис. 4, 5) и узкая пластинчатая из бронзы (рис. 3, 3). Все эти предметы, из которых наиболее точно датируется античный светильник (первая половина I в. н. э.)¹⁰, не выходят за пределы I в. н. э.

Таким образом, раскопки четырех каменных склепов Беляусского могильника выявили почти стандартную архитектуру греческого характера, обряд многократных захоронений (от 8 до 22 покойников в склепе) и устойчивую дату погребального инвентаря — I в. н. э. Однако есть основания думать, что сами склепы построены раньше. Ближайшую аналогию им представляет склеп IV—III вв. до н. э. в кургане 12 у с. Ленино на Керченском полуострове¹¹, связанный с традициями боспорской погребальной архитектуры. Найденная в беляусском склепе 3 вторично использованная черепица конца IV в. до н. э. указывает на постройку склепа после этого времени, но скорее более раннюю, чем погребальный инвентарь. Набор погребального инвентаря в беляусских склепах имеет в общем типичный для многих некрополей Северного Причерноморья I в. н. э. смешанный характер. При этом обращает на себя внимание довольно большой процент лепной керамики. Можно полагать, что перед нами — усыпальницы, построенные греками в период херсонесского господства на данной территории и вторично использованные для позднескифских захоронений.

¹⁰ О. Ф. Вальдгауэр. Античные глиняные светильники. СПб., 1914; Т. И. Иофа. Краснолаковые светильники. — Сб.: Ольвия. Теменос и агора. М.—Л., 1964, стр. 281—282; Т. Shenilleky. Ancient Lamps. Budapest, 1969, стр. 67—71.

¹¹ Э. В. Яковенко. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма. — Сб.: Древности Восточного Крыма. Киев, 1970, стр. 119, рис. 8, 2; Э. В. Яковенко, Е. В. Черненко, В. Н. Корпусова. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма. — Там же, стр. 159—160, рис. 15.

А. И. САЛОВ

К ВОПРОСУ О ТОПОГРАФИИ ГОРГИППИИ

В результате разведки в 1949 г. на городище Горгиппии В. Д. Блаватский наметил примерные его границы и высказал некоторые соображения о местоположении некрополя¹. В 1966 г. И. Т. Кругликова дала топографическую схему важнейших находок и выделила центральную часть Горгиппии, ее ремесленные и жилые кварталы². С тех пор накоплен новый материал.

Суммируя данные отчетов о раскопках, публикаций и свои наблюдения, мы попытались уточнить размеры города и его некрополя (рис. 1).

1³. Проводя наблюдение за земляными работами при прорытии канализационной траншеи на ул. Кубанской в 1969 г. мы обнаружили, что в 20 м к западу от так называемых Русских ворот на глубине 3,2 м на материковой скале появились остатки античных строений.

В северном борте траншеи выявлены каменные кладки высотой по 0,6 м, впущенные в скалу и составлявшие угол фундамента здания. В основании кладок лежат массивные тесаные блоки, на которые положены необработанные камни; толщина стен 9,5 м. Кладки перекрыты античным культурным слоем, мощность которого достигает 1,5 м.

В южном борте траншеи, прямо против кладок, имеется углубление в скале до 0,6 м, длиной 3 м, заполненное горелым слоем с античными черепками. В 3 м к востоку от него — еще одно такое же, длиной 4 м. В западном борте этого котлована видны еще три камня от кладки.

2. Обнажение строительных остатков античного времени мы наблюдали в бортах траншеи на протяжении всей ул. Кубанской, затем на ул. Пушкинской вплоть до пересечения ее с ул. Черноморской. Западнее ул. Тираспольской количество кладок сильно сократилось. Последняя из них — из рваного дикарного камня, положенного в два ряда на глиняном растворе, находится в нескольких метрах от ул. Черноморской. Высота ее 0,4 м, подошва находится на глубине 2,3 м от современной поверхности. Она впущена в скалу на 0,5 м и перекрыта античным культурным слоем.

В 10 м к востоку от этой кладки в северной стене траншеи на глубине 1 м находится горловина пифоса, впущенного на 0,5 м в материк. Остатки пожара к востоку от ул. Черноморской в виде неярких красных полос и золы лежат на глубине 2,5 м, кладки стен здесь не сохранились.

3. В траншее, прорытой у восточного фасада дома на углу улиц Протапова и Черноморской, на глубине 1,5 м не зафиксировано никаких античных находок.

Г. А. Цветаева, раскапывая участок некрополя Горгиппии на ул. Протапова в 20 м восточнее ул. Ленина, выявила фундаменты зданий II—I вв. до н. э. По-видимому, эта территория входила тогда в черту города.

4. В ноябре 1970 г. в котловане на ул. Калинина (д. 27) мы подобрали много античных вещей: около сотни ножей, венчиков и ручек амфор и

¹ В. Д. Блаватский. Разведка в Анапе. — КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 246—257.

² И. Т. Кругликова. Раскопки Горгиппии. — КСИА, 108, 1966, стр. 82—88.

³ На рис. 1 цифры соответствуют порядковым номерам в тексте.

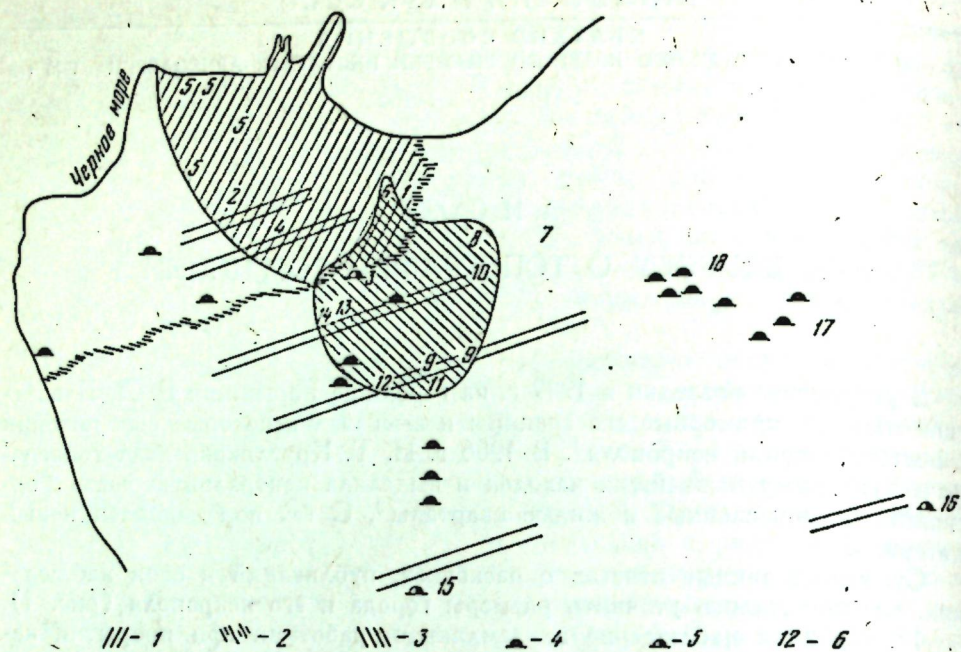

Рис. 1. План городища и некрополя Горгиппия

1 — городище Горгиппия; 2 — линия крепостного рва; 3 — некрополь грунтовой; 4 — курганы; 5 — разрушенные курганы; 6 — места находок

других сосудов III в. до н. э.—III в. н. э., обломки стеклянных сосудов, в том числе горлышко бальзамария, бронзовое колечко со щитком с врезанным изображением, несколько астрагалов и четыре монеты (две пантикапейские III в. до н. э., одна — Котиса II в. н. э.). Здесь же в восточном борте котлована обнажена разрушенная ковшом экскаватора античная стена. В. И. Пругло, исследовавшая этот участок в 1971 г., датировала стену III в. до н. э.

5. При строительстве грязелечебницы на углу ул. Черноморской и проспекта Революции в 1960 г. в траншее для фундамента здания найдены три водопроводные гончарные трубы размерами $42,5 \times 8,5 \times 4,5$ см⁴. Они лежали широкой стороной на северо-запад, т. е. в сторону Малой бухты. Вероятно, античный водопровод питался из ближайшего к городу источника, находящегося под горой в районе нынешнего Су-Псеха. Принцип подачи воды в город был самотечный. Сначала по магистральным трубам воду направляли на Высокий берег, а оттуда по водопроводной сети спускали в городские кварталы.

В сентябре 1970 г. вдоль террасы Высокого берега от северо-восточного угла двора Курзала до Кордонного переулка была прорыта траншея глубиной около 2 м. В отдельных ее местах среди современного мусора экскаватором задеты уцелевшие кусочки античного слоя.

В 20 м к востоку от забора Курзала на глубине 2 м прямо на материке перерезан ковшом каменный крытый водосток 30×20 см, ориентированный в северном направлении, к морю. Подобную конструкцию мы встречали на территории пансионата «Мотылек» в 1970 г. Здесь была вырыта траншея для канализации, и в 2 м от нее у Кубанской ул. был открыт водосток, сложенный из четырех камней так, что два, поставленных на ребро, составляли боковые стенки. Они стояли на нижней плите, служившей дном водостока, и были перекрыты сверху каменной плитой. Со-

оружие лежит на глубине 1,6 м в античном слое. В 60 м восточнее водостока у Курзала в южном борте траншеи стоял пифос.

По-видимому, западная граница Горгиппии проходила в районе пересечения улиц Пушкинской и Черноморской и выходила на линию Курзала.

6. При прорытии траншеи на ул. Кубанской в 1969 г. среди многочисленных кладок стен, фундаментов, мусорных ям, двух виноделен III в. н. э., на расстоянии от 75 до 110 м от Русских ворот зафиксировано 10 погребений. По уцелевшим трем могильным комплексам участок датируется V в. до н. э. — это древнейший участок горгиппийского некрополя⁵.

7. Наиболее удаленный в восточном направлении пункт грунтового могильника выявлен на месте столовой «Дружба». Здесь в 1955 г. при закладке фундамента на глубине 1,5 м найдено погребение с сожжением. В кувшине были остатки перегоревших костей и несколько сердоликовых бусин. Ближе к городищу, вплоть до летней эстрады, погребения не встречены. При строительстве эстрады на глубине около 1 м в 1957 г. была разрушена могила с черепичным покрытием. В 15—20 м к западу на глубине 1 м в 1969 г. найдена амфора I в. до н. э. (хранится в Анапском музее, инв. № 6641).

8. В 1973 г. при рытье траншеи в северо-западном углу улиц Протопова и Владимирской вскрыто четыре погребения. Первое из них представляет собой каменную гробницу из поставленных на ребро ракушечниковых плотно подогнанных плит, перекрытых горизонтально положенными плитами. Ориентировка могилы — северо-восток—юго-запад, длина по наружному обмеру 2,1 м, ширина внутри ящика 0,95 м. Гробница залита водой, и обследовать ее не удалось.

В 4 м к западу в той же траншее обнаружено погребение в саркофаге размерами $2,34 \times 0,96 \times 0,92$ м, высотой 0,64 м, выдолбленном в монолите ракушечника. Ориентировка — север—северо-запад — юг—юго-восток. На западной стенке крупными буквами красной краской написано ΠΡΑΣΕΙΜΟΣ. Крышка разбита и смещена, ящик засыпан землей. При расчистке попадались отдельные человеческие кости. На дне найдены обломки железного ножа с костяной ручкой, три астрагала, кусочки окисленной бронзы, пантикапейская монета III в. до н. э. Погребение разграблено.

В 3 м к востоку от саркофага была яма глубиной 0,6 м с остатками древесного тлена на дне.

В 1969 г. на участке против экрана летнего кинотеатра «Победа» канализационной траншеей разрушено несколько погребений. Рабочие с экскаватора видели здесь человеческие кости, а в одной из ям на борте траншеи И. Т. Кругликова нашла два средневековых сосуда. В 50 м к востоку от Русских ворот разрушено погребение II в. н. э., которое доследовала Т. М. Смирнова и нашла там несколько мелких украшений из золотой фольги.

Таким образом, есть основание считать, что участок между Русскими воротами и столовой «Дружба» представляет собой окраинный участок некрополя, за которым к северу начинаются плавни.

На юге границы некрополя достигают, вероятно, территории ткацкой фабрики на углу улиц Астраханской и Шевченко.

В марте 1970 г. при рытье котлована у восточной стены главного здания ткацкого цеха было найдено на глубине 0,8 м мраморное надгробие I—II вв. н. э. в виде стелы высотой 1,42 м, шириной (вверху) 0,35 м (книзу несколько уже) и толщиной 0,11 м. На лицевой стороне имеется рельефное изображение сидящей в кресле женщины, перед которой изображен стоящий мужчина, в фас. Рядом с ними — слуги с сосудами в руках. Под рельефом надпись: ΑΓΑΘΟΥ ΠΡΟΤΟΓΕΝΟΥ ΧΑΙΡΕ. У основания стелы — две волюты, соединенные венком из плюща с плодами (рис. 2, 4).

⁴ В. Д. Блаватский. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961, стр. 57.

⁵ А. И. Салов, Т. М. Смирнова. Новые находки в Анапе. — КСИА, 130, 1972, стр. 53 сл.

Рис. 2. Надгробия из случайных находок в Горгиппии
 1, 3 — Новороссийская ул., 19; 2 — Крымская ул., 92; 4 — угол улиц Шевченко и Астраханской;
 5 — восточная окраина Анапы

Стела по характеру рельефа очень близка к хранящемуся в Анапском музее надгробию I—II вв. н. э.⁶ Изображение занимает не более 1/3 высоты стелы, остальная ее часть чистая, отполированная. Могила, к которой относится стела, обследовать не удалось.

В 1955 г. на фабричном дворе при земляных работах найдены небольшой глиняный сосудик и сетчатый лекиф III в. до н. э., хранящийся в Анапском музее (инв. № 1159).

Южнее ткацкой фабрики территория некрополя, вероятно, уже не распространялась. В траншеях на улицах Самбурова и Тургенева культурный слой очень тонок (0,8 до 1 м) и в основном современный.

Центральная часть некрополя располагалась в районе кинотеатра «Родина», бани, хлебозавода.

Уточняют границы некрополя следующие случайные находки.

9. Во дворе дома 92 по ул. Крымской с глубины 2 м в 1969 г. извлечено ракушечниковое надгробие местной работы с грубо исполненным рельефом женщины (рис. 2, 2). Здесь же был найден небольшой глиняный сосудик (инв. № 2588).

На ул. Новороссийской (д. 19) в 1962 г. при рытье траншеи для водопровода на глубине 1,4 м найдены три ракушечниковых надгробия, хранящиеся в Анапском музее (инв. № 2703, 2704, 2705). Одно из них размерами 54×34×18 см представляет поясное рельеф мужчины в фас со сложенными на груди руками. Рельеф сильно стерт, и подробности не различаются. Второе надгробие — тоже поясное изображение мужчины в фас, с левой рукой на груди, держащего в правой руке сосуд у пояса. Изображение довольно грубое (рис. 2, 3). Размеры его 75×0,50×0,15 м. Третье надгробие представляет поясное изображение женщины с гранатом (рис. 2, 1).

10. На ул. Терской была восточная окраина некрополя. Там при рытье котлована для котельной быткомбината найдены два кувшинчика (инв. № АМ 7552). На ул. Владимирской траншея разрушила погребения с конем, где найден сарматский меч.

11. Наблюдение за траншеей на ул. Новороссийской в 1972 г. позволило наметить здесь крайние точки некрополя. В 100 м от ул. Астраханской зафиксировано три погребения, имевших деревянные перекрытия. Далее до ул. Ленина разрушено еще более 20 погребений. Некоторые из них относятся к III в. до н. э. — первым векам н. э.

12. Наблюдение показало, что западная окраина некрополя проходит в районе ул. Ленина.

13. В октябре 1971 г. — январе 1972 г. при рытье траншей на ул. Терской, западнее ул. Астраханской, экскаватором было разрушено свыше десятка могил. Особенный интерес представляют три погребения (12, 13 и 14).

Погребение 12 на перекрестке улиц Терской и Ленина на глубине 1,5—1,7 м. Костяк лежал на спине головой на восток. Уцелели только кости левой ноги и левой руки и темно-бурый тлен от дерева — вероятно, гроба. Могила впущена в материк на 0,4 м. В засыпанном могилу черноземе есть античные черепки.

Погребение 13 в 1,5 м к востоку от погребения 12. Могильная яма глубиной 1,8 м впущена в материк на 0,5 м. Костяк лежал на спине головой на юг. Руки вдоль туловища. Черепа и верхней части грудной клетки нет. Найдены две пастовые бусины — белая призматическая шестигранная и синяя с белым пояском. В грунте много следов сгнившего дерева.

Погребение 14 впущено в материк на 0,5 м. Разрушено экскаватором. В нескольких метрах от описанных погребений, на юго-восточном углу перекрестка улиц, в 50-х годах было найдено ракушечниковое надгробие с рельефом в виде фронтона здания. Оно потеряно.

⁶ А. И. Болтунова. Надписи Боспора. — ВДИ, 1959, № 4, стр. 96—99.

14. На упоминавшейся схеме, составленной И. Т. Кругликовой, обозначено место находки в 1890 г. ракушечникового саркофага примерно в середине квартала в направлении ул. Черноморской. Массивный саркофаг обнаружен на глубине 1,5 м. Он был ограблен. Сохранились только золотое кольцо с изображением змеи и пуговица. Кольцо было отправлено в один из петербургских музеев, а саркофаг через некоторое время поставлен в саду Курзала.

Дальше этого места некрополь вряд ли распространялся, так как в осмотренных нами нескольких траншеях строящегося рядом здания никаких находок не обнаружено.

Следует еще остановиться на некоторых находках из погребений, которые непосредственно к грунтовому некрополю не примыкают.

15. При закладке здания жилого дома на ул. Ленина (д. 68а), примерно в 1 км к югу от грунтового некрополя, был разрушен античный склеп. Удалось спасти несколько блоков, два из них хранятся в музее. В нескольких метрах от разрушенного склепа найден небольшой чернолаковый кувшинчик III—II вв. до н. э. с двухствольной ручкой (инв. № 6613). На расстоянии 200—300 м от склепа в 1969 г. найдена боспорская пелика III—II вв. до н. э. (инв. № 6868).

16. В 1970 г. на углу улиц Краснозеленых и Заводской при рытье траншеи рабочие обнаружили на глубине 0,7 м фрагментированную бронзовую гидрию и несколько кусков краснофигурного сосуда⁷.

17. В 1963 г. при рытье погреба на ул. Самбурава (д. 167) на глубине 2 м найдена чернолаковая гидрия III в. до н. э. (инв. № 733). Сосуд был заполнен землей, а рядом с ним находился небольшой плоский камень.

В опубликованных военных картах XIX в. встречается немало топографических подробностей, которых на местности сейчас уже нет. Так, в книге Н. И. Веселовского⁸ приводится карта, подготовленная русским военным командованием в 1828 г. в связи с предстоящим штурмом турецкой крепости Анапы. На ней показана группа курганов, подходящих к восточной части анапских укреплений.

Часть курганов обозначена несколько южнее, и надо думать, что разрушенный каменный склеп на ул. Ленина (д. 68а) относился к одному из них.

В 0,5 км к востоку от Крепостных ворот на карте обозначена еще цепь из семи-восьми курганов. Территориально они вполне совпадают с местами находок описанных гидрий.

18. Говоря о находках в курганном некрополе вблизи города, необходимо назвать надгробную скульптуру, поступившую недавно в музей (инв. № 7455). Она найдена осенью 1971 г. при обработке виноградника в 1 км к востоку от заправочной станции у шоссе Анапа-Анапская. В 300 м от дороги есть пять невысоких курганов, на одном из которых много мелкого ломаного камня и попадаются античные черепки.

Надгробие представляет собой поколенное изображение женщины в фас, сделанное из ракушечника. Размеры его 1,25 × 0,46 × 0,18 м. Лицо изображенной — широкое, скуластое, с косым разрезом глаз — к сожалению, сильно повреждено. Гладко причесанные волосы спереди выпущены из-под головного убора, имеющего вид капюшона. Платье с фигурным вырезом на груди расшито азиатским орнаментом, подпоясано выше талии. Графически намеченные складки сходятся у пояса. Руки опущены вдоль туловища и исполнены очень схематично. Низ стелы — цоколь высотой 0,45 м (рис. 2, 5). Надгробие исполнено в плоском рельефе, с боков грубо

⁷ См.: И. Т. Кругликова. Бронзовая гидрия из Анапы. — КСИА, 143, 1975, стр. 68, рис. 1.

⁸ Н. И. Веселовский. Военно-исторический очерк города Анапы. Пг., 1914, стр. 61, табл. V.

обработано, тыльная сторона без следов обработки. Оно относится к I—II вв. н. э.

Что касается грунтовой могилы III в. до н. э., раскопанной в 1949 г. В. Д. Блаватским⁹, то к грунтовому некрополю она не примыкает. От намечаемой границы она отстоит на 0,6—0,7 км и представляет собой, вероятно, единичное погребение. Местоположение ее совпадает с группой курганов, обозначенных на карте Н. И. Веселовского (район пересечения улиц Новороссийской и Гребенской).

К сказанному надо добавить, что в прорытой в 1970 г. траншее вдоль ул. Краснодарской не встречено ни одного погребения вплоть до ул. Шевченко и далее к югу.

Суммируя приведенные данные, можно очертить территорию города и некрополя Горгииппии в следующих границах (опуская сокращение и расширение их в отдельные периоды): крепостной ров у спуска к пляжу, Русские ворота, юго-восточный угол пансионата «Мотылек», парк до пересечения улиц Протопова и Ленина. Впрочем, обнаруженные здесь остатки зданий II в. до н. э. несколько удалены от основной массы городских кварталов и могли быть загородными сооружениями.

Отсюда граница идет на северо-запад восточнее мыса, отделяющего Малую бухту от Большой, и выходит на берег в курзальном парке.

Прибрежная линия, конечно, ушла в море, и можно говорить только о ее пересечении с восточной где-то у спуска к пляжу.

Очерченная территория городища достигает 20 га.

Границу некрополя можно проследить от павильона «Ветерок» на ул. Кубанской и мимо Русских ворот, летней эстрады на восток вдоль террасы плавней до столовой «Дружба» включительно. Отсюда граница идет к юго-западу и, захватывая часть нынешней Пионерской площади, подходит к скрещению улиц Шевченко и Астраханской. В районе ткацкой фабрики граница принимает северное направление, пересекает ул. Ленина, огибает Дом быта, а затем через пансионат «Мотылек» выходит к павильону «Ветерок». Здесь территорию некрополя V в. до н. э. перекрывает городище позднеантичного времени.

Что касается курганного некрополя, то по уцелевшим в 1828 г. курганам его можно локализовать так: а) южнее грунтового некрополя, в кварталах между улицами Астраханской и Черноморской (это, конечно, только меньшая часть некрополя на юге, в значительной части к 1828 г. разрушенного или сравненного с землей); б) восточнее грунтового некрополя — примерно в кварталах между улицами Владимирской — Краснозеленых — Терской — Заводской; в) западнее грунтового некрополя курганов, вероятно, было значительно меньше.

⁹ В. Д. Блаватский. Разведка в Анапе, стр. 246—257.

И. Б. БРАШИНСКИЙ

ЗАМЕТКИ О ТОРГОВЛЕ
ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА ДОНУ

Общепризнано, что варварское поселение, существовавшее в V—III вв. до н. э. на месте огромного Елизаветовского городища в дельте Дона, было крупнейшим центром греко-варварского торгового обмена на северо-восточной окраине греческой ойкумены¹. Раскопки этого поселения, систематически ведущиеся Южно-Донской экспедицией ЛОИА АН СССР совместно с Ростовским областным музеем краеведения и Азовским историко-краеведческим музеем, пополняют наши сведения о его торговле новыми материалами. Настоящие заметки имеют целью ввести в научный оборот некоторые материалы из раскопок последних лет, вносящие в наши представления о торговых связях и торговле Елизаветовского поселения существенно новые черты.

1

В 1971 г. на раскопе VI в центральной части Елизаветовского городища был исследован строительный комплекс, который на основании всего материала и особенно ямы-погребца для хранения значительного количества остродонных амфор (пять гераклейских амфор были обнаружены в нем *in situ*) может трактоваться как «торговый дом». Комплекс датируется по всей совокупности находок и по стратиграфическим данным IV в. до н. э. скорее всего временем около середины этого столетия.

На полу основного помещения этого здания были найдены две свинцовые гири². Гири прекрасной сохранности представляют собой почти правильные в плане квадратные плитки разной величины и веса; углы их несколько скруглены. Обе гири гладкие, без каких-либо изображений и надписей (рис. 1)³.

Меньшая из гирь (инв. № ЕГ-71/VI-508) имеет размеры 51,5×54×15—17,5 мм, вес ее 437 г; большая (инв. № ЕГ-71/VI-507) — 65×66×17—19,5 мм, вес ее 852 г. По сохранности (на гирях нет механических повреждений, каких-либо видимых изъянов коррозионного характера, стертости и т. п.) гири могли бы рассматриваться как полновесные. Правда, М. Лэнг (исследовательница соответствующего материала

¹ Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станции Елизаветовской по материалам экспедиции ГАИМК в 1928 г. — ИГАИМК, 104, 1935, стр. 182; Б. Н. Граков. Скифы. М., 1971, стр. 55; И. Б. Брашинский. Новые данные о греческом импорте на Нижнем Дону. — КСИА, 124, 1970, стр. 12; Он же. Греко-варварские экономические и культурные связи на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. — Краткие тезисы докладов к научной конференции «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир». Л., 1973, стр. 6 сл.; Он же. Елизаветовское поселение — центр греко-варварской торговли в дельте Дона в V—III вв. до н. э. — XII-e Conference internationale du comité «Eirene». Cluj, 2—7 octobre 1972. Résumés des communications. Cluj, 1972, стр. 17 сл.

² Краткую информацию о раскопках комплекса и находке гирь см.: И. Б. Брашинский, К. К. Марченко. Раскопки и разведки в дельте Дона. — АО 1971 г. М., 1972, стр. 138 сл.

³ Обе гири хранятся в Азовском историко-краеведческом музее.

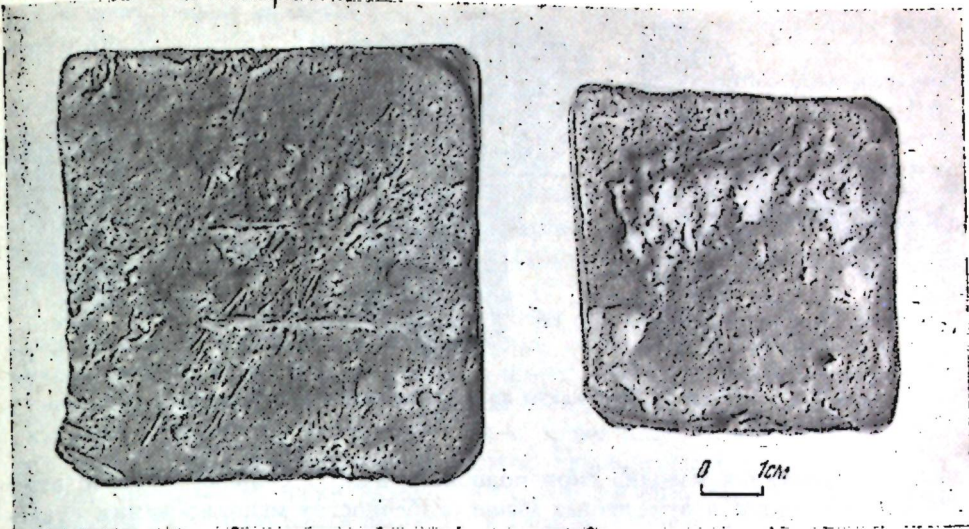

Рис. 1. Свинцовые гири из Елизаветовского поселения

афинской агоры) считает, что не исключена некоторая потеря веса в результате химического взаимодействия металла с окружающей средой в течение почти двух с половиной тысячелетий⁴.

Обе елизаветовские гири несомненно принадлежат к гилям аттической весовой системы. Меньшая из них (437 г) в точности соответствует одной легкой (послесолоновской) мине (μνᾶ), вес которой, выводимый из веса монетной драхмы в 4,2—4,4 г, принимается подавляющим большинством исследователей за 436 г⁵. Большая гиря очень близка по весу (852 г) двойной мине, или статеру (διμνοῦ, στατήρ)⁶. То, что статер был основной весовой единицей в Афинах засвидетельствовано не только находками фракционных гирь, основанных на весе статера, но и эпиграфическими документами⁷. Считается, что гири весом в двойную мину (называвшиеся также μνᾶ ἐμπορικὴ) применялись в основном в оптовой и во внешней торговле⁸. М. Лэнг полагает, что статеры использовались при торговых операциях (взвешивании) сырых материалов, в то время как мины — при покупке готовых изделий⁹.

Находки гирь весом в целую мину и тем более двойных мин-статеров довольно редки. Так, даже среди материалов афинской агоры имеются два статера и пять мин (синхронных нашим и соответствующего стандарта)¹⁰. В Северном Причерноморье зафиксированы лишь три находки аттических мин¹¹. Елизаветовский статер — первая в Причерноморье

⁴ M. Lang, M. Crosby. Weights, Measures and Tokens. — The Athenian Agora, X. Princeton, New Jersey, 1964, стр. 17 (там же см. библиографию).

⁵ Там же, стр. 1; H. J. Alberti. Mass und Gewicht. Berlin, 1957, стр. 39.

⁶ Необходимо, однако, иметь в виду, что, как можно судить по данным античных авторов, различались веса монетного и весового таланта: второй был тяжелее первого, на 3 мины, и, таким образом, одна весовая мина состояла не из 100, а из 105 драхм, на 3 мины, и, таким образом, одна весовая мина состояла не из 100, а из 105 драхм, что равно весу в 457,8 г. Весовой же статер 105-драхмового стандарта весил, следовательно, 882—924 г (M. Lang, M. Crosby. Указ. соч., стр. 4). Стандарт этот не был постоянным, он часто изменялся, имея тенденцию к постоянному облегчению. Это подтверждается обширными статистическими подсчетами, проведенными М. Лэнг (там же, стр. 14 сл.).

⁷ M. Lang, M. Crosby. Указ. соч., стр. 3.

⁸ Л. И. Чуистова. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье. — АИБ, II, 1962, стр. 7 сл.

⁹ M. Lang, M. Crosby. Указ. соч., стр. 3.

¹⁰ Там же, стр. 27, 32 сл. (LW 5, 6, 12, 16, 89—91).

¹¹ Л. И. Чуистова. Указ. соч., стр. 30 сл., № 71—73 (остальные — беспаспортные).

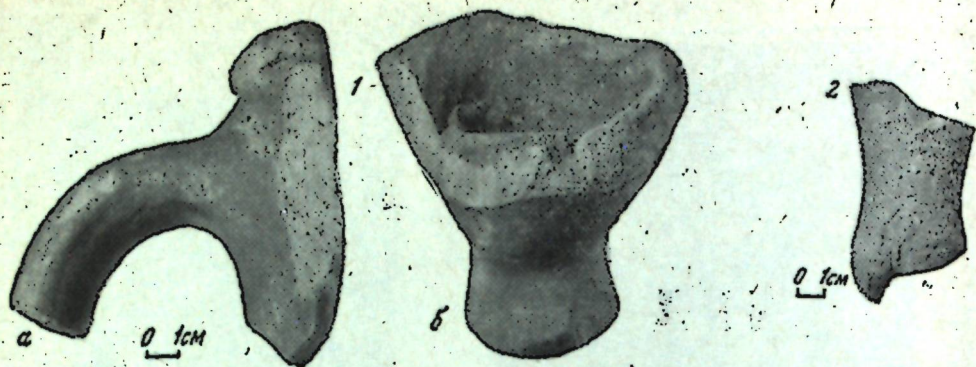

Рис. 2. Фрагменты колхидских амфор (1, 2)

документированная находка гири подобного веса¹². Особый интерес этой находки состоит и в отмеченных выше особенностях использования статов в торговле. Особо подчеркнем, что елизаветовские гири являются первыми находками подобного рода на варварском поселении.

Аттическая весовая система имела распространение на Боспоре в VI—IV вв. до н. э.¹³ Оттуда публикуемые гири скорее всего и попали на Елизаветовское поселение.

Отметим большое значение елизаветовских находок для изучения метрологии Северо-Восточного Причерноморья и прежде всего для исследования торговли Елизаветовского поселения. Мы не можем, разумеется, определить, какие товары взвешивались нашими гирями в елизаветовском «торговом доме», но сама механика торгового обмена в этом крупнейшем варварском торговом центре приобретает более конкретные черты.

2

За последние годы среди массового керамического материала Елизаветовского городища и могильника выделена продукция новых производственных центров, неизвестная ранее не только в дельте Дона, но и в других районах Северного Причерноморья. Таковы ранние амфоры Менды, коринфские амфоры IV в. до н. э. и т. д.¹⁴ Среди массового материала из раскопок 1971—1972 гг. удалось выделить амфоры еще одного, не засвидетельствованного ранее на Нижнем Дону центра. Это фрагменты профилированных частей амфор (рис. 2), отличающихся характерным составом теста, а также особенностями технических приемов формовки отдельных деталей. У этих амфор грубая коричневая глина с обильными включениями кварцевого песка и черных частиц авгита (пироксена), столь характерными и для синопской грубой керамики. Черепок очень тяжелый. По морфологическим особенностям эти амфоры весьма сходны с синопскими и изготовлялись, несомненно, под непосредственным влиянием синопской керамической тары¹⁵. У основного типа рассматриваемых амфор¹⁶ цилиндрическая ножка, немного расширяющаяся к подошве, ручки массивные, овальные, с плавным изгибом; венчик небольшой, валикообразный¹⁷. Очень характерной де-

¹² Единственный упоминаемый Л. И. Чунтовой статов весом 890 г (№ 79), хранящийся в Эрмитаже, является беспаспортным.

¹³ Н. А. Грач. Свинцовые гири из Нимфея [в печати].

¹⁴ И. Б. Брашинский. Новые данные о греческом импорте на Нижнем Дону, стр. 12 сл.

¹⁵ И. Б. Брашинский. Синопа и Колхида. — Сб.: Вопросы древней истории. Тбилиси, 1973, стр. 126.

¹⁶ Фрагменты № ЕГ-71/VI-543, 553. Хранятся в Азовском музее.

¹⁷ И. Б. Зесст. Керамическая тара Боспора. — МИА, № 83, 1960, стр. 108, табл. XXVI, 59.

тастью этих амфор является спиралевидный завиток на внутренней поверхности дна¹⁸.

И. Б. Зесст предположительно связывала рассматриваемые амфоры, названные ею «амфорами из коричневой глины», с производством одного из южнопонтийских центров¹⁹. Но недавно грузинские археологи убедительно доказали принадлежность амфор из «коричневой глины» колхидским центрам²⁰. Наиболее ранние колхидские амфоры относятся к третьей четверти IV в. до н. э.²¹ Именно этим временем на основании твердых стратиграфических данных датируются и елизаветовские фрагменты.

Другой тип колхидской амфоры, также датирующийся IV в. до н. э., представлен в елизаветовских находках обломком необычной для этой группы ножки (рис. 2, 2)²², которая имеет некоторые черты сходства как с «колпачковыми», так и с гераклеийскими ножками. На подошве у нее глубокая вьемка, на внутренней же стороне дна — тот же характерный для всей группы спиралевидный завиток. Подобный тип ножки до сих пор не был известен и среди находок из самой Грузии, где рассматриваемые амфоры в античную эпоху составляли господствующую группу.

Елизаветовские находки являются наиболее ранними из зафиксированных за пределами Колхиды колхидских амфор.

Экономические связи Колхиды с Боспором хорошо засвидетельствованы разнообразными материалами с VI в. до н. э.²³ Значение новых елизаветовских находок состоит в том, что они, во-первых, расширяют ареал колхидского импорта в Северо-Восточном Причерноморье, распространяя его на дельту Дона, и, во-вторых, указывают на то, что импорт этот уже в IV в. до н. э. включал товары, перевозившиеся в остродонных амфорах. Эти находки важны и для более конкретного представления об импорте Елизаветовского поселения, который предстает перед нами все более разнообразным и широким.

¹⁸ И. Б. Зесст. Керамическая тара Боспора, стр. 126, рис. 11; 12.

¹⁹ Там же, стр. 108.

²⁰ О. Д. Лордкипанидзе. Античный мир и древняя Колхида. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.), стр. 173 (русс. резюме); А. Ю. Кахидзе. Керамическая тара из Пичнарского городища античного времени. — Сб.: Памятники Юго-Западной Грузии, II. Тбилиси, 1971 (на груз. яз.), стр. 65 (русс. резюме); Р. В. Путуридзе. Колхидские амфоры эллинистического и позднеантичного времени. — Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971, стр. 197.

²¹ О. Д. Лордкипанидзе, Р. В. Путуридзе, В. А. Толордава, А. М. Чкониа. Археологические раскопки в Вани в 1969 г. — Сб.: Вани, I. Тбилиси, 1972 (на груз. яз.), стр. 240 (русс. резюме); Р. В. Путуридзе. Указ. соч.

²² Инв. № ЕГ-72/VI-37. Хранится в Азовском музее.

²³ О. Д. Лордкипанидзе. Указ. соч., стр. 90 сл., 165; Д. Г. Капанадзе. К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья по нумизматическим данным. — ПИСП, стр. 139 сл.; И. Б. Брашинский. Экономические связи Колхиды с Северо-Восточным Причерноморьем в V—IV вв. до н. э. — XI республиканская юбилейная научная сессия, посвященная 50-летию создания СССР (тезисы докладов). Тбилиси, 1972, стр. 32 сл.

К. К. ШИЛИК

К ВОПРОСУ О ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЕ
НИЖНЕГО ГОРОДА ОЛЬВИИ

Место, которое выбрали для города основатели Ольвии, самой природой было разделено на две части: высокую, расположенную на лёссовом плато с отметками 40—45 м, и низкую, расположенную под береговым обрывом у лимана и отделенную от высокой части довольно крутыми склонами. Это разделение отмечали многие исследователи. П. И. Кеппен в неизданной книге «Ольвия. Древний город на реке Буге»¹, описывая городище, делит его территорию на «возвышенность», или «гору», и «низменность», или «подол». А. С. Уваров, осмотрев городище в 1848 г., также выделял эти две части, называя низкую «народной (главной) площадью», а высокую «акрополем»². Б. В. Фармаковский в отчете о работах в низкой части городища в 1909—1910 гг.³ применяет для обозначения этой части шесть различных словосочетаний, среди которых имеется и «нижний город», подобно «верхнему городу» — для обозначения высокой части городища. Из слов Б. В. Фармаковского, что «нижний город... был расположен амфитеатром», можно сделать вывод, что в территорию «нижнего города» он включал не только низкую часть городища, но и склоны. Позднее Б. В. Фармаковский отдает предпочтение другим названиям: «прибрежная часть» и «нагорная часть»⁴.

Однако уже в 30-х годах названия «нижний город» и «верхний город» становятся устойчивыми и употребляются почти всеми исследователями Ольвии. Наряду с ними в литературе появляется термин «склоны». Никто из авторов не останавливается специально на том, куда относятся склоны, но контекст показывает, что единого мнения нет: одни относят склоны к нижнему городу, другие не относят. Некоторые работы можно толковать по-разному⁵.

В послевоенные годы названия высокой и низкой частей городища постепенно становятся именами собственными и пишутся с заглавных букв. Никто из исследователей не сообщает, какие членения городища имеются при этом в виду: топографические или градостроительно-планировочные. Видимо, считают само собой разумеющимся, что именно топографические.

До недавнего времени вопрос о возможном несовпадении границ планировочного и топографического членений вообще не возникал, поскольку склоны, являющиеся переходом от Верхнего города к собственно Нижнему, практически не были исследованы. Не возникал по той же причине и вопрос о топографической границе между низкой частью городища и

¹ Ленинградское отделение Архива АН СССР, ф. 30, оп. 42. В несколько сокращенном виде эта глава была опубликована Н. Н. Мурзакевичем в примечаниях к статье «Митрополит Евгений и академик Кеппен» (ЗООИД, VIII, 1874, стр. 405—408).

² А. С. Уваров. Исследование о древностях Южной России и берегов Черного моря. СПб., 1851, стр. 36—40. Не очень вразумительное описание А. С. Уварова дает возможность понимать под «акрополем» как весь современный Верхний город, так и римскую цитадель; первое более вероятно.

³ ОАК за 1909—1910 гг. СПб., 1913, стр. 1—2.

⁴ Б. В. Фармаковский. Ольвия. М., 1915, стр. 21—22.

⁵ См., например: А. Н. Карасев. Оборонительные сооружения Ольвии. — КСИИМК, XXII, 1948, стр. 27; Л. М. Славин. Ольвия как город в VI—I вв. до н. э. — СА, XXVIII, 1958, стр. 279.

склонами. В постановке этих вопросов просто не было необходимости. Поставить эти вопросы и четко определить топографические границы всех сохранившихся частей Ольвии позволили работы 50-х и 60-х годов.

В 1958 г. трест УКРАИНТИЗ установил на городище постоянные геодезические реперы и составил подробный крупномасштабный (1:500) план, пользуясь которым можно провести восточную топографическую границу высокой части городища по бровке склонов с точностью до 1—2 м⁶. Гораздо сложнее с такой же точностью провести на этом плане западную топографическую границу низкой части городища, поскольку видимый переход к склонам происходит очень плавно.

Осенью 1964 г. была выполнена (при участии автора этой статьи) работа по геоакустическому обследованию затопленной части городища⁷, изучению геологического строения коренного берега и исследованию геоморфологии городища и его окрестностей⁸.

После обработки полученного обширного материала мы предложили реконструкцию топографии Ольвии античного времени⁹. Основные положения этой реконструкции сводились к следующему (рис. 1).

1. В новочерноморское время (3500—5000 лет тому назад) уровень моря превышал современный на 2 м, и линия берега в то время проходила по территории нынешнего Нижнего города значительно западнее современного уреза, а в районе Северной балки и Южного мыса — восточнее. Над ней возвышался крутой береговой обрыв (клиф), сложенный в нижней части понтическим известняком.

2. В античное время (фанагорийское — по геоморфологической терминологии) уровень моря был ниже современного на 7—9 м, соответственно берег был расположен восточнее современного на 300—500 м (в разных местах)¹⁰. Новочерноморский клиф к этому времени отмер: стал пологим и задерновался.

3. Между новочерноморской и фанагорийской береговыми линиями в античное время была расположена осушенная морская так называемая новочерноморская терраса, на территории которой появилась застройка Нижнего города, а мощность культурного слоя к концу существования Ольвии достигла здесь 8 м.

После гибели города началось новое повышение уровня моря. При этом большая часть застроенной новочерноморской террасы вместе с восточными оборонительными стенами города, часть плато у Южного мыса и часть склонов у Северной балки были разрушены волнами и заняты лиманом. Сохранившаяся к настоящему времени (не затопленная лиманом) часть новочерноморской террасы имеет форму сегмента размерами 82 × 540 м, вытянутого в меридиональном направлении. Западную границу этого сегмента, геоморфологическую по своей сути, можно считать также и топографической границей низкой части городища (восточную

⁶ Это не означает, что мы получим с такой же точностью и восточную планировочную границу Верхнего города. Обе границы (топографическая и планировочная) могут (но не обязательно должны) не совпасть, так как планировочная сетка Верхнего города может заходить и на склоны.

⁷ К. К. Шилик, Б. Г. Федоров. Геоакустическое исследование подводной Ольвии. — СА, 1968, № 4.

⁸ Б. Г. Федоров, К. К. Шилик. Погребенная новочерноморская терраса на берегу Бугского лимана. — Известия АН СССР, серия географическая, 1968, № 3.

⁹ К. К. Шилик. Палеогеография Ольвии по результатам геоакустического и геоморфологического исследований. — Тезисы пленума Ин-та арх. АН СССР 1965 г., секция антич. арх. М., 1966; Он же. Реконструкция топографии античной Ольвии. — КСИИМК, 124, 1970.

¹⁰ Следует подчеркнуть, что даже если считать античный уровень моря равным — 4 м, как это обычно в археологической литературе (В. Д. Блаватский. Подводные раскопки Фанагории в 1959 г. — СА, 1961, № 1, стр. 279; Он же. Подводные раскопки Фанагории в 1959 г. — СА, 1962, № 3, стр. 232, карта), а не — 7—9 м, как предлагаем мы, то практически это не повлияет на реконструкцию: античный урез приблизится к современному не более чем на 30—40 м.

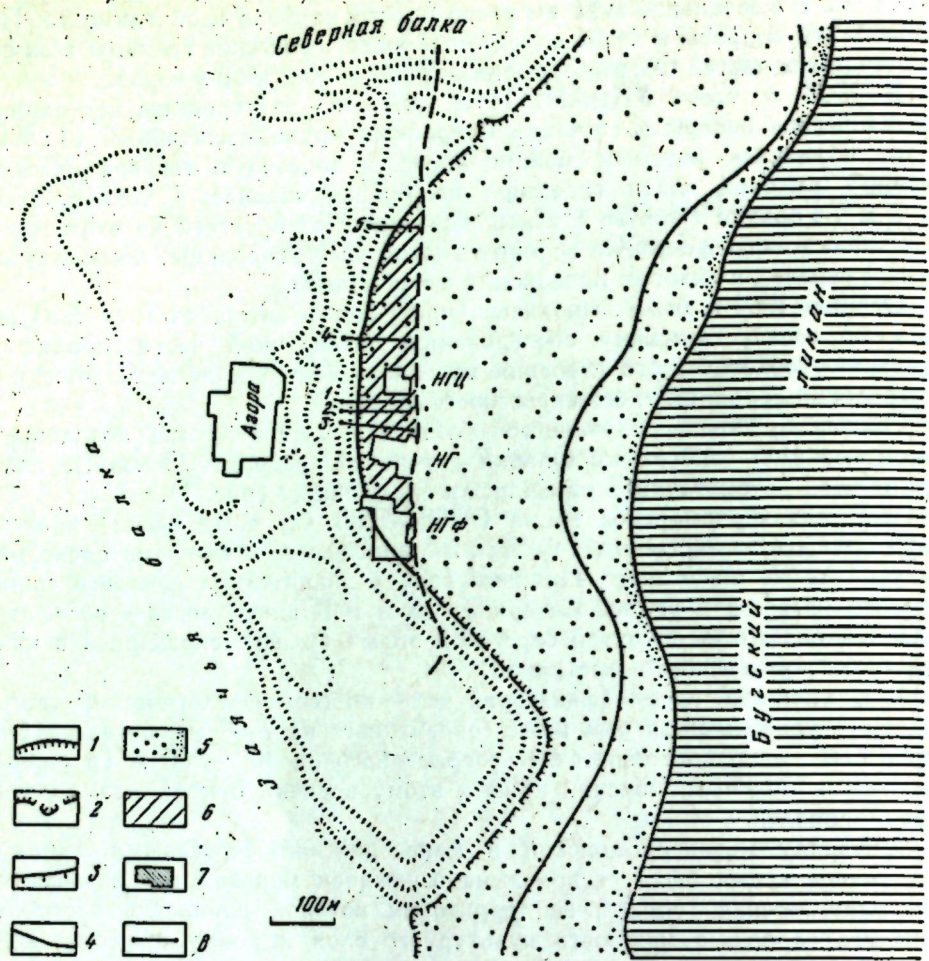

Рис. 1. Реконструкция топографии античной Ольвии

1 — сохранившийся новочерноморский береговой обрыв (он же — западная топографическая граница Нижнего города); 2 — то же (реконструкция); 3 — бровка террасы, обнажившейся в результате фанагорийской регрессии; 4 — береговая линия античного времени; 5 — поверхность осушенной в античное время новочерноморской террасы; 6 — сохранившаяся до нашего времени территория новочерноморской террасы (она же — территория Нижнего города по С. Д. Крыжицкому); 7 — раскопки; 8 — вектороразведочные профили

границу ее составляет берег лимана), поскольку именно отсюда, от уступа понтического известняка, начинается крутой склон — отмерший новочерноморский клиф. Сама же терраса имеет ровный пологий рельеф.

У этого предположения имеется, правда, один серьезный недостаток. Дело в том, что в северной части Нижнего города сохранились (на высоту 10—11 м) коренные породы, на которых располагается культурный слой мощностью до 2 м¹¹. Эту часть городища все исследователи единодушно относят к собственно Нижнему городу. К собственно Нижнему городу обычно относят всю сохранившуюся (не затопленную лиманом) территорию городища от Северной балки до участка НГФ. Проведение топографической границы низкой части городища по новочерноморской береговой линии установило бы резкое несовпадение общепринятой плани-

¹¹ Образование этой странной ступеньки в коренных породах можно объяснить только оползнем, происшедшим в новочерноморское время по границе раздела водоносного слоя куяльницкого песка и пластичного понтического мергеля. О древности оползня свидетельствует наличие в раскопе НГ, который находится на этой ступеньке, культурного слоя архаического времени *in situ* (по устному сообщению Е. И. Леви).

ровочной и топографической границ, так как означало бы отнесение одного и того же участка к склонам по топографическому делению и к собственно Нижнему городу по делению планировочному.

Выход предложил С. Д. Крыжицкий, который в 60-х годах изучал Ольвию в градостроительном аспекте. Основываясь на работе автора данной статьи и Б. Г. Федорова¹², он предложил называть Нижним городом только сохранившуюся территорию новочерноморской террасы (рис. 1), а всю остальную территорию, расположенную на склонах между Нижним и Верхним городами, условно называть Террасным городом, поскольку «Нижний город был охвачен с трех сторон террасированными склонами»¹³.

Суть предложения С. Д. Крыжицкого — совместить градостроительно-планировочную границу с топографической — нам представляется удачной, так как при этом сокращается и упрощается терминология. Кроме того, предложение вполне резонно и по соображениям геометрического покрытия. Дело в том, что Верхний и Нижний города, судя по раскопанным кварталам, имеют планировку, близкую к прямоугольной, а сравнительно крутые склоны имеют в плане полуовальную форму. Для такого рельефа применима только радиально-кольцевая планировка. Так что теоретически склоны должны быть самостоятельным планировочным районом города.

Однако имеются и трудности, которые вызывает все тот же северный участок низкой части городища. Конечно, этот спорный участок формально можно рассматривать как одну из террас Террасного города, но дело в том, что вопрос о планировочной границе между собственно Нижним городом и склонами может быть решен только раскопками у западной и особенно у северной границ новочерноморской террасы. Причем после раскопок вполне может оказаться, что спорная северная часть в планировочном отношении примыкает к застройке новочерноморской террасы, а не к застройке остальных склонов. Это тем более вероятно, что пример такого несовпадения границ уже имеется: юго-западный угол дома НГФ-1 (1911 г.) расположен не на новочерноморской террасе, как вся остальная часть дома, а на уступе понтического известняка, т. е. уже на территории «Террасного города».

Нельзя назвать удачным и сам термин «Террасный город», поскольку Нижний город расположен на новочерноморской террасе, а Террасный город — на склонах. Это может способствовать терминологической путанице. Кроме того, поскольку склоны до сих пор практически не раскапывались, мы не знаем, были ли они в действительности террасированы, не говоря уже о том, что мы не знаем даже, были ли они вообще застроены. И, наоборот, хорошо известно, что на участке И, который безусловно относится к Верхнему городу, применялось террасирование¹⁴. Нам кажется, что старое название «склоны» вполне жизнеспособно и его можно оставить и, может быть, даже писать с заглавной буквы по аналогии с названиями «Нижний» и «Верхний» город.

Определение западных границ новочерноморской террасы, покрытой ныне мощными культурными напластованиями, было важной и необходимой задачей реконструкции ольвийской топографии. Эта задача была решена следующим образом. Современный клиф Нижнего города (в границах, предложенных С. Д. Крыжицким) сверху донизу целиком сложен культурным слоем, уходящим под современные пляжевые отложения. К северу и к югу от Нижнего города клиф сложен коренными породами, на которые налегает культурный слой. В местах вертикального контакта коренных пород с культурным слоем на севере и на юге Нижнего города

¹² К. К. Шилик, Б. Г. Федоров. Указ. соч.

¹³ С. Д. Крыжицкий. Жилые ансамбли древней Ольвии. Киев, 1971, стр. 99, 137 и 138.

¹⁴ Л. М. Славин. Отчет о раскопках Ольвии в 1935 и 1936 гг. — Сб.: Ольвия, I. Киев, 1940, стр. 11 и 12.

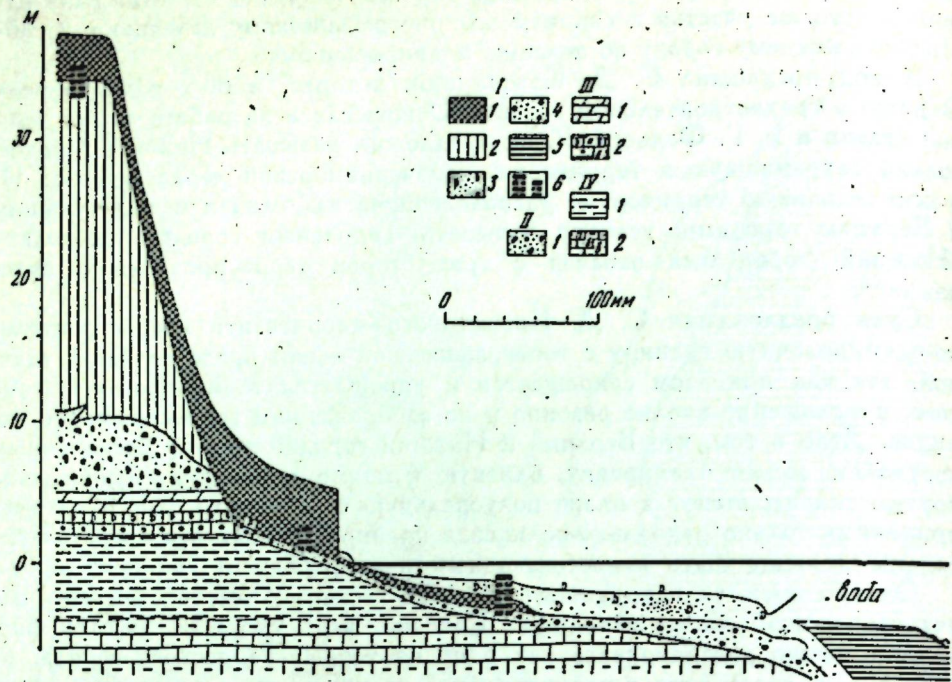

Рис. 2. Схематический геологический разрез ольвийского берега в центральной части городища

I — голоцен и плейстоцен: 1 — культурный слой, 2 — лёсс, лёссовидные суглинки и глины, 3 — ракушечный песок современных подводных террас, 4 — кварцевый песок новочерноморской террасы с оолитами, 5 — ил, 6 — строительные остатки; II — куляницкий век: 1 — песок, гравий; III — понтический век: 1 — мергель, 2 — известняки (а — ракушник, б — оолитовый); IV — меотический век: 1 — верхние глины, 2 — низ меотиса (а — глины, б — пески, в — известняки)

высота современного клифа достигает примерно 10 м. Точнее определить высоту в начале работ было невозможно, так как оба контакта в то время были замаскированы небольшими оползнями. По 10-метровой горизонтали и была реконструирована вся новочерноморская береговая линия.

В 1968 г. для проверки правильности этого положения реконструкции была применена электроразведка методом дипольного профилирования. Электроразведочные работы выполнил сотрудник Института археологии АН УССР В. П. Дудкин. Физической предпосылкой успешного проведения этой работы было геологическое строение новочерноморского клифа, сложенного ступенчатыми пластами с различной электропроводностью. На геологическом разрезе центральной части городища (рис. 2), выполненном по результатам работ 1964 г., видно, что самой нижней ступенькой новочерноморского клифа является обрез водоносного (нижнего) пласта понтического известняка мощностью около 1,5 м, из подошвы которого вода стекает в песок новочерноморской террасы и по меотической глине под всем Нижним городом течет в лиман. Верхняя сухая часть известняковой ступеньки имеет высокое электрическое сопротивление. На известняке лежит слой понтического же глинистого мергеля, который является хорошим водоупором и верх которого имеет низкое электросопротивление. На мергель налегает еще один (верхний) водоносный слой — пласт песка куляницкого яруса. Верх этого пласта имеет высокое сопротивление.

Всего было выполнено пять профилей, идущих в широтном направлении (рис. 1). Три профиля располагались между участками НГ и НГЦ, один — в 50 м к северу от НГЦ и один — в 150 м к северу от НГЦ. Все пять графиков электрического сопротивления, полученных на разведоч-

ных профилях, имели одинаковый характер. Интерпретация полученных графиков В. П. Дудкиным показала, что все пять профилей поочередно «подсекли» с востока на запад сначала «уступ» с высоким электрическим сопротивлением, а затем такой же «клиновидный пласт».

Не вызывает сомнения, что «уступ» — это обрез понтического известняка, а «клиновидный пласт» — скорее всего выклинивающийся пласт куляницкого песка. После нанесения графиков на план Ольвии, выполненный УКРАИНТИЗОМ, оказалось, что граница «пласта» проходит примерно по горизонтали 11—11,5 м, а «уступ» на всех профилях расположен в 7—8 м к востоку от 10-метровой горизонтали, по которой в свое время была реконструирована новочерноморская береговая линия. Положение «уступа» точно соответствует 9-метровой горизонтали.

В 1970 и 1971 гг. мы провели работу по расчистке обоих контактов культурного слоя с коренными породами, в процессе которой было уточнено положение контактов. Оказалось, что над южным контактом проходит 9-метровая горизонталь, а над северным — горизонталь 8,5 м. Можно сказать, что результаты расчистки контактов и электроразведки полностью совпали и подтвердили правильность методического подхода к реконструкции западной границы сохранившейся части новочерноморской террасы в Ольвии. После всех этих работ западную границу новочерноморской террасы можно с достаточным основанием провести по горизонтали 9 м. Разумеется, 9-метровая горизонталь не повторяет с абсолютной точностью новочерноморскую береговую линию. Ее точное положение может быть установлено только в процессе раскопок.

Тем не менее предложенная граница, даже если считать ее не западной границей Нижнего города, а лишь топографической границей низкой части городища, может служить хорошим ориентиром при дальнейших раскопках в Нижнем городе, указывая, где можно ожидать искусственных террас, подпорных стенок и лестниц, ведущих в Верхний город.

Кроме того, вся территория новочерноморской террасы является своеобразным местным водоносным пластом, который питал водой многочисленные колодцы Нижнего города. Раскопанные дома Нижнего города обязательно имели по одному или даже по два грунтовых колодца. Следует ожидать, что в пределах предложенной границы в каждом доме обязательно будет не менее одного грунтового колодца. И еще одно соображение: поскольку граница, предполагаемая нами, одновременно является началом водоносного слоя понтического известняка, лежащего выше основной территории новочерноморской террасы на 3—3,5 м, можно с уверенностью сказать, что именно от этого места начинаются все водопроводы, берущие воду от нижнего водоносного слоя (водопроводы, питающиеся от верхнего песчаного водоносного слоя, берут начало в районе горизонтали 11 м). Эти сведения могут облегчить дальнейшее исследование водопроводной сети Нижнего города.

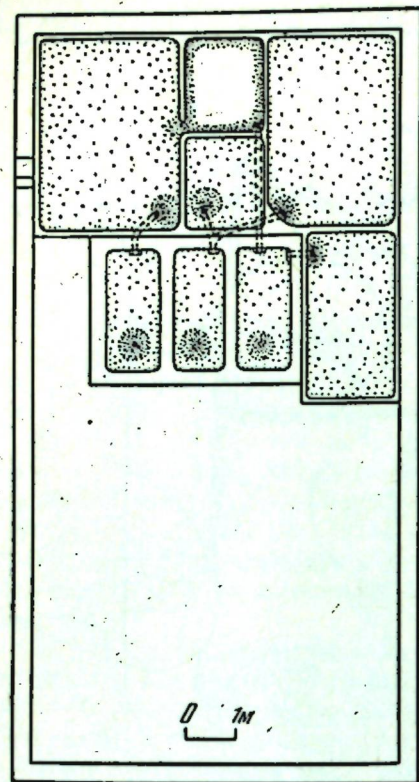

Рис. 2. Фанагорийская винодельня. Реконструкция

северо-восточную часть здания. В начале возвели каменный фундамент толщиной 0,30—0,40 м¹¹. Фундамент под площадкой пресса был более мощным — 0,40—0,60 м. Камни фундамента скреплены цемяночным раствором. Поверх камней нанесен толстый (0,04—0,06 м) слой грубо отмученной цемянки. В этот слой были включены фрагменты керамики, которые, по-видимому, служили двойной цели: во-первых, для укрепления самого покрытия, особенно бортиков; во-вторых, для выравнивания поверхности. Затем был уложен слой цемянки толщиной 0,01—0,02 м, более тонкого качества. Поверхность его покрыта красной краской, предохраняющей цемянку от разъедания кислотами, содержащимися в виноградном соке¹². Впоследствии цемяночные покрытия неоднократно подновлялись. Количество их колебалось от четырех до семи при толщине каждого покрытия 0,01—0,02 м.

На площадке рычажно-винтового пресса прослежены только три слоя цемянки, что, вероятно, объясняется более прочной ее конструкцией. Площадки имели округлые углы и такие же округлые бортики. Бортики большей частью разрушены. Только на северо-западной площадке, около остатков западной стены винодельни, обнаружен небольшой отрезок бортика, видимо сохранившийся на полную высоту. Его высота составляет 0,22 м при толщине 0,07 м (четыре слоя цемянки с фрагментами керамики в нижнем слое). Очевидно, такую высоту имели все внешние бортики, тогда как бортики между площадками могли быть более низкими.

Юго-восточная давящая площадка длиной 3,20 м и шириной 1,96 м имела наклон к северо-западному углу, где, возможно, находился слив в цистерну, разрушенный ямой «з». Размеры площадки и общий наклон поверхности свидетельствуют об ее использовании в качестве давящей, а не подсобной. Аналогичного назначения боковая площадка открыта в винодельне, раскопанной в Тиритаке¹³. Восточная стена цистерны, примыкавшая к площадке, ныне наполовину разрушенная, вероятно, в древности возвышалась над ее поверхностью и служила бортиком площадки.

С севера к ней примыкала северо-восточная давящая площадка (3,00 × 2,60 м). Северный край ее разрушен морем, но можно предположить, что первоначальная длина площадки достигала 3,50 м. Поверхность площадки имеет склон к юго-западному углу, где находится треугольный в плане камень с прорезанным в нем сливом. Сам слив представляет собой круглый канал диаметром 0,10 м, обмазанный изнутри цемянкой. Он уходит под юго-восточный угол центральной давящей площадки и проходит на глубине 0,30 м от ее поверхности. Сток идет в юго-западном направ-

лении на расстояние 1,10 м, а затем, соединяясь со стоком, ведущим с центральной давящей площадки, и поворачивая на юг, оканчивается каменным сливом (рис. 2) в центральную цистерну.

Западнее северо-восточной давящей площадки размещаются площадки центральная и рычажно-винтового пресса. Обеим им, очевидно, при сооружении были приданы одинаковые размеры — 1,70 × 1,60 м. В настоящее время площадка пресса стала несколько меньше, так как северный ее край разрушен морем. Центральная площадка наклонена к юго-западному углу по направлению к неглубокому углублению диаметром 0,60 м и глубиной 0,15 м. Детальное устройство и назначение данной конструкции, как и самой площадки, не совсем понятно, поскольку весь юго-западный угол разрушен ямой «л». По всей видимости, углубление служило для собирания остатков сока с площадки. В дальнейшем сок отсюда шел по каналу, соединявшемуся с каналом, ведущим с северо-восточной площадки в центральную цистерну. Сама центральная площадка могла служить для выдавливания сока, а также для складывания мезги перед ее обработкой с помощью пресса. Во втором случае остатки сока из мезги собирались в углублении и затем поступали в цистерны.

Почти все пространство площадки рычажно-винтового пресса занимала огромная известняковая плита, служившая основанием пресса. По краям трех хорошо сохранившихся сторон плиты на ширину 0,10—0,15 м были уложены мелкие камни, предназначенные для укрепления краев площадки. По-видимому, так же был оформлен и северный край площадки. Поверхность этих камней лежит несколько ниже поверхности плиты, и по краям площадки проходят углубления для стекания сока. Подобное устройство имела площадка рычажно-винтового пресса винодельни, раскопанной В. Д. Блаватским на городище Пятиколодезное¹⁴. В юго-западном углу бортик площадки имеет проем с небольшим углублением, по которому сок стекал на северо-западную площадку. Очевидно, в дальнейшем, проходя вдоль ее восточного края, он попадал в западную цистерну. Хотя юго-восточный угол площадки разрушен ямой «ж», однако здесь также удалось проследить сток, ведущий в восточную цистерну. В южном борте ямы «ж» на глубине 0,10 м от поверхности центральной площадки обнаружен канал длиной 0,50 м, идущий в направлении к восточной цистерне. Причем данный слив шел выше стока, ведущего с северо-восточной площадки. Два стока с площадки пресса показывают, что по мере надобности сок, выжатый из мезги, можно было пустить либо в восточную, либо в западную цистерну¹⁵.

В северо-западном углу винодельни расположена еще одна давящая площадка. Сейчас ее размеры 2,80 × 2,58 м; первоначальная длина была 3,00—3,20 м. Поверхность площадки наклонена в южном направлении и в целом лежит выше поверхности центральной площадки. В юго-восточном углу, по-видимому, был слив в западную цистерну. Однако конструкцию устья его восстановить невозможно — это место разрушено ямой «л». От этого угла сток шел в юго-западном направлении к западной цистерне, где он оканчивался каменным сливом (рис. 2). Слив был или вторичного использования, или несколько переделан с учетом конструкции данной винодельни. Дело в том, что ранее изогнутый сливной проход был выпрямлен путем замазывания одной стороны его раствором цемянки.

Давящие площадки были отделены друг от друга пазами шириной 0,06 м и глубиной 0,07 м. Такие пазы, по определению В. Ф. Гайдукевича, присущи всем боспорским винодельням первых веков нашей эры¹⁶. По обе

¹¹ Любопытно, что камни фундамента были поставлены на ребро.

¹² В. Ф. Гайдукевич (Указ. соч., стр. 189—190) установил, что для этой цели использовал гематит.

¹³ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 416 сл.

¹⁴ В. Д. Блаватский. Четвертый год работы в Синдике. — КСИИМК, 70, 1957, стр. 128.

¹⁵ Такие устройства имели винодельни М-1, Т-7 (см.: В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 415 сл., 426 сл.); Кеп-1, Кеп-3, Бат-1—2 (Н. И. Соколовский. Указ. соч., стр. 80, 82 сл., стр. 88).

¹⁶ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 411.

стороны пазов цемянковые обмазки площадок полого поднимались вверх. При расчистке пазов на всем их протяжении зафиксированы обуглившиеся куски дерева. Они представляют собой не что иное, как остатки толстых деревянных плах, вставлявшихся в пазы и служивших основанием высоких перегородок между площадками. Эти плахи обмазаны цемянкой, причем в самый нижний слой, так же как и в наружные бортики, вставлялись фрагменты керамики.

Южнее давяльных площадок размещались цистерны прямоугольной формы с округлыми углами. Для сооружения их вырыли прямоугольную яму, борта и днище которой были обложены в два ряда рваным камнем на цемянчном растворе. Затем при помощи больших плит известняка эта большая яма была поделена на три цистерны. По-видимому, у строителей под руками не было необходимых по длине каменных плит, каждая из которых могла бы служить цельной стенкой цистерны. Поэтому им пришлось воспользоваться для каждой перегородки двумя плитами меньших размеров. Чтобы плиты плотнее соединялись друг с другом и для придания им большей устойчивости, швы в точках соприкосновения были сделаны не прямо впритык, а под углами. Южные части перегородок выбраны ямой «н». Цистерны имеют одинаковые размеры — 2,30 × 1,14 м. Днища цистерн понижались в южном направлении. Их глубина у северного края составляла 0,60 м, а у южного — 0,80 м. В южных частях днищ были углубления диаметром 0,60 м и глубиной 0,12 м, служившие отстойниками. На стенках цистерн прослежены три слоя цемянковых обмазок.

К югу от давяльных площадок и цистерн обнаружены остатки пола на прослойке строительного мусора. Пол из тонкого глиняного подстила, на который насыпан слой мелких кусков цемянки, по всей вероятности, покрывал все помещение винодельни к югу от площадок и цистерн. Однако его южная часть оборвана поздними ямами и перекопами.

Южная часть здания винодельни оставалась недоследованной. Северная граница сооружения, проходившая, по-видимому, на 0,10—0,20 м севернее края плиты рычажно-винтового пресса, смыта морем. Восточная и западная стены почти полностью разрушены поздними перекопами. От западной стены остались только два камня внутреннего панциря. Однако можно представить себе общие размеры сооружения. Сравнивая устройство боспорских виноделен, следует отметить, что обычно они состояли по крайней мере из двух помещений: в одном размещались площадки и цистерны, а в другое, смежное, выходила балка рычажно-винтового пресса с каменной гирей на конце. Как правило, помещение с площадками и цистернами занимало половину всей площади здания или даже немного больше. В раскопанной нами фанагорийской винодельне площадь производственного помещения достигает почти 50 кв. м. Поэтому можно предполагать, что вся площадь винодельни равнялась приблизительно 100 кв. м, не считая помещения для хранения готовой продукции.

Судя по деталям конструкции и глубине залегания остатков винодельни, она относится к первым векам нашей эры¹⁷. Особое значение для датировки винодельни приобретает небольшой полукруглый очаг с красноглиняным кувшинчиком внутри, обнаруженный под фундаментами юго-восточной давяльной площадки, в северном обрезе ямы «н». Верхняя часть кувшинчика покрыта красной обмазкой¹⁸. Керамика подобного типа из многих городов Боспора, в том числе и из Фанагории, отнесена

¹⁷ Выше уже отмечалось, что наличие пазов между площадками для установки деревянных плах считается характерной особенностью сооружений подобного рода первых веков нашей эры. К I—II вв. н. э. относятся появления типа виноделен с тремя цистернами и тремя площадками (В. Ф. Гайдлукевич. Указ. соч., стр. 414). Стратиграфическими исследованиями установлено залегание слоя II—III вв. н. э. на глубине 3,40 м (М. М. Кобылина. Новые данные..., стр. 21 сл.). Остатки публикуемой винодельни лежат ниже этого слоя.

¹⁸ В. С. Долгоруков. Исследования береговой части Фанагории..., стр. 55, рис. 1.

И. Д. Марченко к III в. до н. э.—I в. н. э.¹⁹ Любопытно горло кувшинчика в виде гофрированной трубки. Такие встречены пока только в Фанагории вместе с материалами I в. н. э.²⁰ Следовательно, очаг и здание, где лежат в самой верхней части того же слоя и частично заходят в перекрывающий их слой II—III вв. н. э. Таким образом, время существования винодельческого комплекса относится к концу I—II в. н. э.

Гибель винодельни связана с пожаром, следы которого в виде тонкого горелого слоя заметны на поверхности давяльных площадок и на днищах цистерн. Этот слой содержит обгоревшие и рухнувшие вниз остатки кровли: обломки пережженных деревянных балок, стеблей тростника, камня или соломы. Пожаром были уничтожены и деревянные плахи, служившие перегородками между давяльными площадками. Некоторые пазы, куда они вставлялись, были полностью заполнены обуглившимися остатками дерева. Поскольку в других местах Фанагории при раскопках слоев конца I—начала II в. н. э. не обнаружены следы общего разрушения города²¹, по-видимому, пожар имел местный характер.

В заключение следует отметить, что описанный комплекс имеет некоторые специфические отличия. В первую очередь к ним относится сложная система сливов сусла в цистерны. Большинство виноделен азиатского Боспора обладают устройством, позволяющим суслу, выжатому на одной из площадок, течь в ту или иную цистерну. Но из виноделен, раскопанных на Керченском полуострове, лишь две имели такие конструкции. Можно думать, что в городах азиатской части Боспора производили больше различных сортов вина, чем в городах Крымского полуострова. Вероятно, это было связано с разнообразием выращиваемых на азиатской стороне сортов винограда. Открытие еще одной фанагорийской винодельни I—II вв. н. э. подчеркивает, что Фанагория занимала не последнее место в разведении винограда и производстве вина.

¹⁹ И. Д. Марченко. Группа расписной эллинистической керамики Пантикапея. — Сообщения ГМИИ им. А. С. Пушкина, III, 1966, стр. 27 сл.

²⁰ В ГМИИ хранятся два сосуда подобной формы (один — инв. № Ф-1183, инв. № другого установить не удалось).

²¹ М. М. Кобылина. Фанагория.

С. Ю. САПРЫКИН

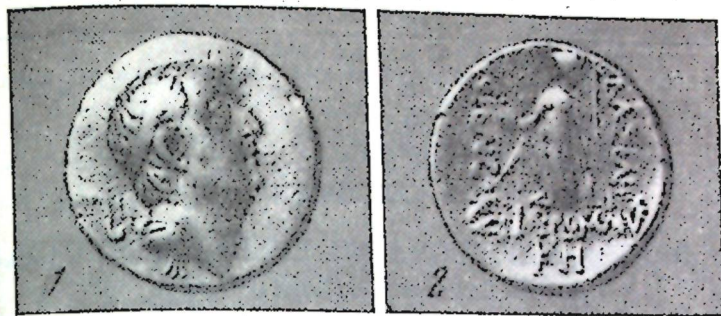
КАППАДОКИЙСКАЯ МОНЕТА I В. ДО Н. Э.
ИЗ ХЕРСОНЕССКОЙ УСАДЬБЫ

В 1974 г. Херсонесской экспедицией МГУ, МОПИ им. Н. К. Крупской и Херсонесского историко-археологического музея, проводившей раскопки на территории усадьбы клера 9, в помещении 3 была найдена драхма, имеющая на лицевой стороне изображение головы царя в диадеме вправо, а на оборотной — фигуру стоящей Афины, которая левой рукой держит копье и щит, а правой, вытянутой немного вперед, — фигурку крылатой Ники. Под Никой — неясная монограмма, напоминающая букву А. Справа от Афины надпись: ΒΑΣΙΛΕΥΣ; слева: ΑΡΙΟΒΑΡΣΑΝΟΥ; внизу: ΦΙΛΟΡΩΜΑΙΟΥ. Еще ниже буквы даты ΚΗ—28 год царствования. Монета имеет в диаметре 16 мм (рис.).

Как можно заключить из надписи, монета чеканена в Каппадокии царем Ариобарзаном I (95—62 гг. до н. э.)¹.

Находка этой монеты в Херсонесе представляет большой интерес. До сих пор в Северном Причерноморье каппадокийские монеты I в. до н. э. не встречались. В Херсонесе найдено пять монет Кесарии Каппадокийской римского времени². На территории СССР лишь в Закавказье дважды зарегистрированы находки монет каппадокийских царей. Наибольшее их количество (восемь) обнаружено в составе клада из с. Сарнакунк Армянской ССР. Шесть из этих монет принадлежат чеканке царя Ариобарзана I. Одна из них является прямой аналогией нашему экземпляру³. Две другие относятся к правлению царей Ариарата IV Евсебия (220—163 гг. до н. э.) и Ариарата V Евсебия (163—130 гг. до н. э.)⁴.

Каким образом могла попасть драхма каппадокийского царя Ариобарзана I в Херсонес? Можно допустить, что она оказалась в Северном Причерноморье в результате каких-либо торговых операций Херсонеса с городами Малой Азии или Восточного Причерноморья. В пользу этого предположения, казалось бы, говорят находки в Херсонесе монет Синопы, Амиса, Диоскуриады и других городов⁵, через которые могла осуществляться связь с Каппадокией. Однако, если бы между Херсонесом и городами Колхиды имелись интенсивные торговые связи, благодаря которым каппадокийская монета могла попасть в Херсонес, то и в самой Колхиде должны были бы в свою очередь распространяться херсонесские монеты. Но в Восточном Причерноморье пока найдена лишь одна херсонесская монета. Это медная монета II в. до н. э. из раскопок в Пицунде⁶.

Каппадокийская монета (1, 2)

Таким образом, вряд ли можно объяснить появление серебряной монеты царя Ариобарзана I в Херсонесе регулярной торговлей с Восточным Причерноморьем. Херсонесская находка не дает оснований предполагать прямые связи Херсонеса с городами Малой Азии, несмотря на обширную торговлю их со странами Северного Причерноморья при Митридате VI⁷.

Весьма примечательно, что наибольшее количество монет Диоскуриады (25), найденных в Северном Причерноморье, происходит из Херсонеса⁸. Это, по-видимому, объясняется политической ситуацией, сложившейся в Восточном Средиземноморье и Причерноморье в то время. Усиление Понтийского царства в конце II—первой половине I в. до н. э. втянуло государство Северного Причерноморья в орбиту агрессивной политики Митридата Евпатора. Херсонес, ставший подвластным Митридату государством, призван был принять активное участие в борьбе понтийского царя с Римом⁹. Большинство монет городов Южного Причерноморья, Малой Азии и Колхиды в Херсонесе относится ко времени военной экспедиции Диофанта (111—105 гг. до н. э.)¹⁰. Распространение этих монет можно связать с пребыванием в городе солдат Митридата Евпатора.

Митридат вел агрессивную политику в Малой Азии, пытаясь создать блок восточных царей против Рима, из-за чего у него были столкновения с царем Каппадокии Ариобарзаном I, известным своей проримской ориентацией¹¹. В 66 г. до н. э. после поражения от войск Помпея, лишившись владений в Малой Азии, Митридат стал рассматривать Северное Причерноморье как плацдарм для борьбы с Римом. Вот почему в подвластных государствах он держал значительные контингенты войск. Один из отрядов армии, с которой Митридат воевал в Малой Азии, а затем отступил через Кавказ на Боспор, по-видимому, находился в Херсонесе¹². Как известно, в составе войск понтийского царя было значительное количество каппадокийцев, тибаренов, колхов и др., объединенных в одном царстве Митридата¹³. Вот почему монета, чеканенная в Каппадокии, могла попасть в пределы Северного Причерноморья. Это подтверждается и находками каппадокийских монет на Кавказе, через который пролегал маршрут отступления войск Митридата. Свидетельства Аппиана и Страбона о том, что в первой половине I в. до н. э. Херсонес оказался втянутым в борьбу Митридата с Римом¹⁴, подтверждают находку монеты.

⁷ М. И. Максимова. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.—Л., 1956, стр. 225.

⁸ А. М. Гилевич. Указ. соч., стр. 18.

⁹ В. Ф. Гайдукевич. История античных городов Северного Причерноморья. — АГСП, стр. 88.

¹⁰ А. М. Гилевич. Указ. соч., стр. 20.

¹¹ А. Г. Бокшанин. Парфия и Рим, ч. 2. М., 1966, стр. 27 и 35.

¹² Я. А. Манандян. Маршруты понтийского похода Помпея и путь отступления Митридата в Колхиду. — ВДИ, 1940, № 3-4, стр. 89; А. М. Гилевич. Указ. соч., стр. 18.

¹³ М. П. Инадзе. Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси, 1968, стр. 231.

¹⁴ Appian. Mithr., 101—103, 107, 108; Strabo, VII, IV, 3.

¹ W. Wroth. Catalogue of the Greek Coins of Galatia, Cappadokia, Siria. London, 1899, стр. 39—40, табл. VII, 7.

² А. М. Гилевич. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса. — ИИС, 3, 1968, стр. 22.

³ Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. VI. Баку, 1954, № 1536; Х. А. Мушегян. Монетные клады Армении. Ереван, 1973, стр. 156, № 134—139.

⁴ Е. А. Пахомов. Указ. соч., № 1535, 1536; Х. А. Мушегян. Указ. соч., стр. 155, № 132, 133.

⁵ А. М. Гилевич. Указ. соч., стр. 18—19.

⁶ Д. Г. Капанадзе. К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным. — ПИСП, стр. 144.

Э. А. СИМОНОВИЧ

ПОДРАЖАНИЯ АМУЛЕТАМ ИЗ ЕГИПЕТСКОГО ФАЯНСА
В НИЖНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

На юге европейской части СССР неоднократно находили изображения египетских священных жуков-скарабеев¹. Известны также подражания этим изображениям, явно пытающиеся воспроизвести прототипы, сделанные в Египте. Семь из них найдены в Николаевском нижнеднепровском могильнике поздних скифов (I в. до н. э.—III в. н. э.; особенно I в. н. э.)². В земляном склепе 151, содержащем останки трех взрослых человек, на шею женщины из погребения 1 среди различных по форме и материалу бус найдены шесть удлиненно полусферических пастовых (глухое стекло) бусин, напоминавших египетские фаянсовые скарабеи. На них были нанесены линии, показывающие места схождения крыльев и выделяющие переднюю часть — головку насекомого — так, как это сделано на египетских скарабеях. Среди этих бусин были зеленые (рис. 1, 1, 7; 2, 1, 7; размеры 11,5×11 и 13×11 мм), красные со следами зеленоватой патины (рис. 1, 2, 4; 2, 2, 4; 12×12 и 12×10 мм) и желтые (рис. 1, 5, 8; 2, 5, 8; 12×11 и 13×12 мм). В земляном склепе 150 на шею девочки-подростка среди богатого набора бус находилось коричневатое-желтое с прожилками изображение жука-скарабея, изготовленное из стекловидной пасты (рис. 1, 6; 2, 6; 11×10 мм). Выпуклую поверхность этого предмета покрывала несколько более сложная система бороздок, исполненных, как и в предыдущих случаях, по горячему стеклу. Краснолаковая полусферическая мисочка, бронзовые ромбический наглазник, колечко, височное кольцо, перстенок; браслет с заходящими концами, лучковая фибула и зеркальце из той же могилы датируют ее I в. н. э.

Подражания египетским скарабеям встречены в Беляуском могильнике (одно), Танаисе (два), Пантикапее (одно), Херсонесе (три); могильнике у совхоза № 10 (два), Тузлинском некрополе (одно)³.

Упомянем еще об одном изделии, изготовленном в виде насекомого. Это резная пластинка из кости в виде мухи, найденная в могиле 149 Николаевского могильника. Поверхность схематично изображенного насекомого сплошь покрывала ямки, посредине было проделано отверстие (рис. 1, 3; 2, 3; 27×15 мм). Очевидно, амулет был нанизан вместе с другими бусинами, в том числе мелкими глазчатыми, обнаруженными возле голов двух детей. Младенцы лежали друг на друге в подбое, закрытом

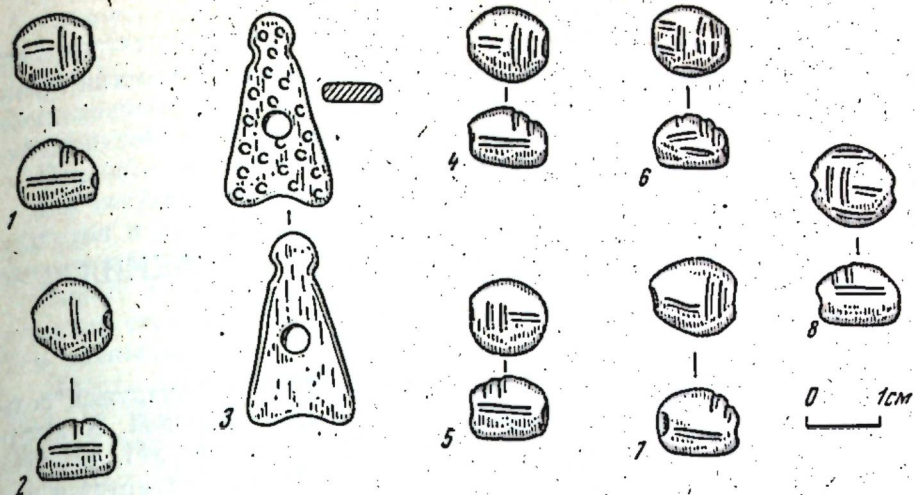

Рис. 1. Скарабеи (1, 2, 4—8) и костяная подвеска-амулет в виде мухи (3) из Николаевского могильника (прорисовка)

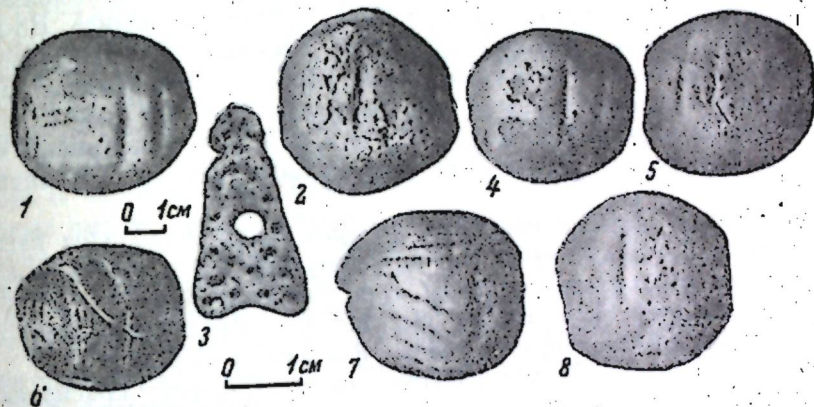

Рис. 2. Скарабеи (1, 2, 4—8) и подвеска (3) из Николаевского могильника

камнями, головами на северо-восток. Здесь же нашли рельефное изображение бычьей головы из тонкой серебряной пластинки⁴.

Публикуемые материалы имеют значение для понимания идеологических представлений позднескифского населения. По наблюдениям М. И. Вязьмитиной, позднескифское население часто использовало амулеты в ожерельях⁵. Но, вероятно, подлинные египетские изделия ценились довольно дорого, и находки их в позднескифских могильниках редки. Им мы обязаны появлением воспроизведенных скарабеев в Николаевском могильнике.

¹ Б. А. Тураев. Описание египетских памятников в русских музеях и собраниях. — ЗВРАО, XI, 1898; XII, 1899; В. Touraev. Objets égyptiens et égyptisants trouvés dans la Russie méridionale. — RA, XVIII, 1911; Б. Б. Пиотровский. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза. — СА, 1958, № 1; Э. А. Симонович. Египетские вещи в могильнике Неаполя скифского. — СА, 1961, № 1; Е. М. Алексеева. Предметы из египетского фаянса VI в. до н. э.—IV в. н. э. в Северном Причерноморье. — КСИА, 130, 1972.

² М. Ebert. Ausgrabungen bei dem Gorodok Nikolajevka am Dnjepg Gouv. Cherson. — PZ, V, 1-2, 1913; Э. А. Симонович. Погребения I—III вв. н. э. Николаевского могильника на Нижнем Днепре. — АО 1966 г. М., 1967; Он же. Раскопки Николаевского могильника на Нижнем Днепре. — КСИА, 119, 1969; Он же. Могильник поблизу городка Миколаївка на Нижньому Дніпрі. — АДУ 1969. Київ, 1972, стр. 107. Сообщение Е. М. Алексеевой.

⁴ К. И. Зайцева. Ольвийские культовые свинцовые изделия. — Сб.: Культура и искусство античного мира. Л., 1971, стр. 84—106.

⁵ М. И. Вязьмитина. Золотобалковский могильник. Киев, 1972, стр. 142, 171.

Б. Г. ПЕТЕРС

КРАСНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА
ИЗ РАСКОПОК МИХАЙЛОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

При раскопках Михайловского поселения¹ в 1965 г. обнаружен большой набор столовой посуды, главным образом краснолаковой. Культурный слой, где найдена эта керамика (раскоп III, квадраты 541, 542, 543, 544, помещение XV, штыки 6—7, глубина 120—140 см), датируется временем в пределах со второй половины I до первой четверти II в. н. э. и в верхней части, где найден набор краснолаковой керамики, представляет единовременный комплекс, погибший в пожаре не ранее 93 г. н. э.²

Вся краснолаковая посуда обнаружена в виде большого количества мелких фрагментов, которые, однако, удалось собрать и склеить. Во время раскопок была сделана попытка проследить взаимное расположение различных сосудов: некоторые плоскодонные чашки лежали поверх тарелок на кольцевых поддонах — можно предположить, что они так и стояли. В двух случаях удалось определить, что в одной из плоскодонных чашек находился виноград, в другой — яблоки: сохранились их обуглившиеся остатки³.

Рядом стояли лощеные кастрюли, которые были наполнены кашей и мясом, судя по находкам внутри них обуглившихся зерен и костей животных. Здесь же обнаружены кувшины, трехручные лощеные кубки и многие другие предметы. Не вызывает сомнения, что перед нами следы прерванной трапезы, происходившей в конце I или начале II в. н. э.

В настоящей статье рассматриваются только открытые краснолаковые сосуды из упомянутого комплекса.

Глина керамики однообразна, тонка, хорошо отмучена, в изломе бледно-терракотового цвета⁴. Поверхность керамики покрыта лаком буровато-красного и ржавого цвета⁵. Интенсивность лакового покрытия не одинакова: внутри сосудов оно равномерно, с внешних сторон — часто неполно, с разной густотой лака и следами подтеков.

Многие сосуды отличаются небрежностью выделки, что характерно для массового производства. Плохо заглажены днища и наружные части керамических изделий, на них имеются тонкие и глубокие кольцевые следы, оставленные песчинками при вращении сосудов на гончарном круге. На поверхности сосудов нередко горизонтальные кольцевые утолщения, появившиеся в результате неравномерной обточки.

¹ Б. Г. Петерс. Раскопки Михайловского городища. — АО 1965 г. М., 1966, стр. 124—126.

² На глиняном полу помещения в прослойке пожарища вместе с краснолаковой керамикой обнаружены следующие медные монеты: асс Митридата III (39—45 гг. н. э.), дупондий Рескупорида II (68—92 гг. н. э.), сестерций Савромата I (93—123 гг. н. э.).

³ Б. Г. Петерс. Указ. соч., стр. 125.

⁴ Все определения цветов глины и лака в целях стандартизации проведены на шкале цветов (См.: А. С. Бондарцев. Шкала цветов. М.—Л., 1954). Определение особенностей лакового покрытия и состава глины производилось с помощью 10-кратной лупы.

⁵ А. С. Бондарцев. Указ. соч., стр. 7, 9, 16, 17 (В-1 и Ж-1). Наблюдаемые иногда изменения цвета лака и оттенков глины на фрагментах одного и того же сосуда зависят от различных тепловых воздействий, которым они подверглись в результате пожара, а также от неодинаковых условий, в которых они находились в течение продолжительного времени.

На внутренней стороне стенок и дна некоторых чашек и мисок есть орнаменты — грубо выполненные круги или насечки, а нередко то и другое вместе. Большинство сосудов — на кольцевых поддонах, но встречаются плоскодонные чашки и блюда, причем днища блюд имеют небольшой прогиб вовнутрь. Клейм на рассматриваемых сосудах нет.

Подобные керамические изделия связывают с малоазийскими центрами. Все сосуды объединены в типы согласно их формам, размерам, орнаментации и назначению, варианты в случае незначительных различий отмечаются буквами.

Тип 1. Тарелки с отвесным бортиком, с полого спускающимися к центру стенками, на кольцевом поддоне. Собрано 14 сосудов, из них 5 не полностью.

Высота тарелок типа 1А (рис., 1) и 1Б (рис., 2) от 36 до 40 мм, типа 1В (рис., 3) — 57—60 мм, диаметр венчика типа 1А и 1Б 155—162 мм, типа 1В — 177 мм, диаметр поддона типа 1А и 1Б 61—62 мм, типа 1В — 82 мм. Венчик прямой, часто его средняя часть слегка прогнута внутрь, верх венчика отогнут наружу, внизу венчика — валик. У некоторых сосудов дно орнаментировано широкими круговыми углублениями или одним кругом, поверх которого выполнены насечки (тип 1Б).

Эти сосуды близки по формам сосудам из Ольвии типа 21⁶, Мирмекия типа II⁷, Тиритаки типа 9а⁸, Танаиса⁹ и Илурата¹⁰.

Тип 2. Чашки со слегка наклоненным внутрь бортиком, с косыми, немного выпуклыми стенками, на кольцевом поддоне. Имеется 12 сосудов, из них 4 фрагментированы.

Высота чашек типа 2А (рис., 4) и типа 2Б (рис., 5) 82—83 мм, диаметр венчика 140 мм, диаметр поддона 55 мм. Венчик слегка наклонен внутрь и часто украшен кольцевыми вдавленными бороздками (тип 2А), которые иногда располагаются и на стенках сосуда (тип 2Б). Внутренние стенки нередко украшены расположенными по окружности насечками (тип 2А) или рядами насечек (тип 2Б).

Эти чашки близки по формам сосудам из Тиритаки¹¹ и Танаиса¹². Тип 3. Миски с округлыми стенками, с прямым, загнутым внутрь или отогнутым наружу венчиком, на кольцевом поддоне. Найдено 15 сосудов, из них 6 фрагментированы.

Высота мисок типа 3А (рис., 6) — 60 мм, типа 3Б — 52 мм, типа 3В (рис., 7) — 81 мм, диаметр венчика мисок типа 3А — 145 мм, типа 3Б — 152 мм, типа 3В — 210 мм, диаметр поддона соответственно 50, 53 и 71 мм. Венчики сосудов округло загнуты внутрь (тип 3А), прямые (тип 3В) или немного отогнуты наружу (тип 3Б).

Эти миски близки по форме сосудам типа 14 из Мирмекия¹³, типа 13 из Тиритаки¹⁴, сосудам из Илурата¹⁵ и из могильника у дер. Ново-Отрадное¹⁶.

⁶ Т. Книпович. Untersuchungen zur Keramik römischer Zeit aus den Griechenstädten an der Nordküste des Schwarzen Meeres. I. Die Keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Eremitage. — Materialien zur römisch-germanischen Keramik, IV, 1929, стр. 49 и сл.

⁷ Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. — МИА, № 25, 1952, стр. 301, рис. 3, 1.

⁸ Там же, стр. 314—315, рис. 11, 1, 2.

⁹ Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, стр. 133, рис. 5.

¹⁰ Л. Ф. Силантьева. Краснолаковая керамика Илурата. — МИА, № 85, 1958, стр. 290, рис. 5, 2, 3.

¹¹ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. — МИА, № 25, 1952, стр. 92, 93, рис. III, 2.

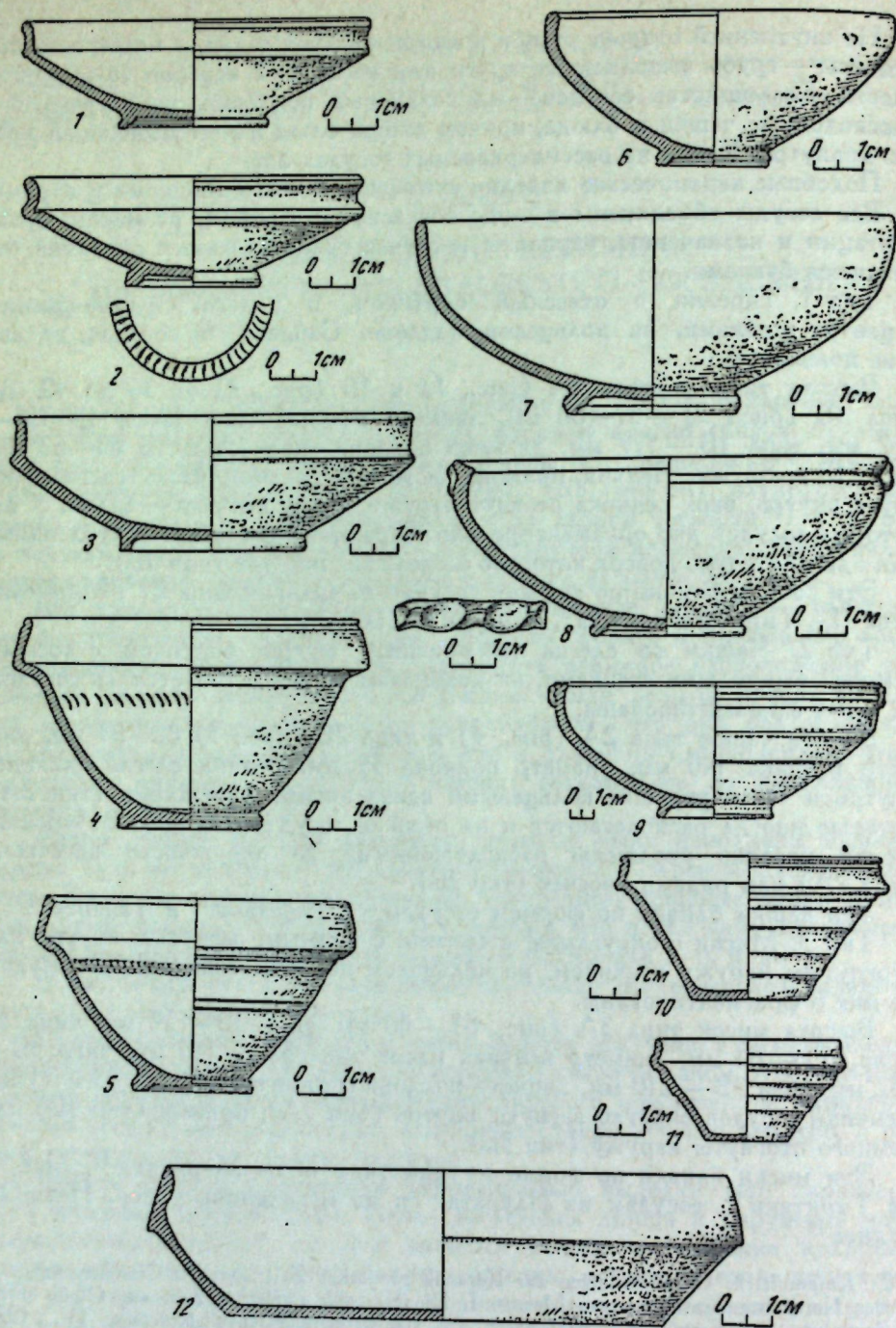
¹² Д. Б. Шелов. Указ. соч., стр. 133, рис. 2.

¹³ Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика... стр. 301, 303, 304, рис. 3, 6.

¹⁴ Там же, стр. 316, рис. 11, 4.

¹⁵ Л. Ф. Силантьева. Указ. соч., стр. 187, рис. 4, 1.

¹⁶ Т. М. Арсеньева. Могильник у дер. Ново-Отрадное. — МИА, № 155, 1970, стр. 135, табл. 16, 8.

Краснолаковая керамика из раскопок Михайловского поселения

1 — тарелка типа 1А; 2 — тарелка типа 1Б (с орнаментом в виде насечек на дне); 3 — тарелка типа 1В; 4 — чашки типа 2А (с орнаментом в виде насечек на внутренней части стенок); 5 — чашки типа 2Б (с двумя рядами орнамента на внутренней части стенок); 6 — миски типа 3А; 7 — миски типа 3В; 8 — миски типа 4А; 9 — миски типа 4Б; 10 — чашки типа 5А; 11 — чашки типа 5Б; 12 — блюдо типа 6

Тип 4. Миски с выпуклыми округлыми стенками, с кольцевыми бороздками под венчиком и двумя плоскими прилепными ручками, на кольцевом поддоне. Имеется 3 сосуда, из них 1 фрагментирован.

Высота мисок типа 4А (рис. 8) — 75 мм, типа 4Б (рис. 9) — 108 мм, диаметр венчика соответственно 190 и 275 мм, поддона — 65 и 97 мм. Верхняя часть венчика у мисок типа 4А скошена внутрь и образует выступ.

С наружной стороны венчика — кольцевая бороздка, на ее уровне укреплены две плоские наlepные ручки с тремя выступами (рис., 8). Венчик миски типа 4Б прямой, сверху имеет кольцевую канавку, под венчиком — две круговые бороздки. На уровне венчика — две плоские наlepные ручки, каждая из которых состоит из двух дугообразных лент, прикрепленных своими спинками к сосуду.

Тип 5. Чашки со слегка наклоненным внутрь бортиком, с суживающимися вниз слабо вогнутыми стенками, с плоским дном. В коллекции 19 сосудов, из них 7 фрагментированы.

Высота чашек типа 5А (рис., 10) — 64 мм, типа 5Б (рис., 11) — 40 мм, диаметр венчика соответственно 115—124 и 80 мм, диаметр дна 53 и 35 мм. Венчик чашек слегка наклонен внутрь, в нижней части венчика — валик. Дно плоское, слегка изогнутое к центру.

Эти сосуды по форме близки чашкам типа 12 из Мирмекия¹⁷ и типа 5а из Тиритаки¹⁸.

Тип 6. Краснолаковое блюдо с плоским дном (рис., 12).

Высота блюда 64 мм, диаметр венчика 246 мм, диаметр дна 190 мм. Венчик наклонен внутрь и в нижней части нависает над стенками, где между ними прослеживается глубокая круговая бороздка. Стенки от дна к венчику расширяются. Дно плоское, с небольшим прогибом в центре внутрь сосуда. Лаковое покрытие густое, темно-красного цвета, равномерно покрывает все части сосуда.

Сосуд близок по форме блюду Мирмекия¹⁹.

В заключение отметим, что краснолаковая керамика из помещения XV Михайловского поселения, датируемая концом I — началом II в. н. э., близка по форме и технике изготовления аналогичным изделиям этого времени из Илурата, Тиритаки, Мирмекия и Ольвии. Все рассмотренные здесь изделия импортные, большинство — пергамского круга; сосуды типа 3А, а также часть тарелок типа 1Б, имеющих более яркое и светлое лаковое покрытие и глину с блестками, вероятно, происходят с Самоса.

¹⁷ Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика..., стр. 301, 303, рис. 33.
¹⁸ Там же, стр. 312, 313, 322, рис. 10, 2; 15, 1, 2.
¹⁹ Там же, стр. 295, 297, рис. 1, 5.

Т. В. БЛАВАТСКАЯ

ФАНАГОРИЙСКАЯ НАДПИСЬ САВРОМАТА I

В 1971 г. у юго-западной границы городища Фанагории случайно был найден мраморный обломок с надписью¹.

Фрагмент (высота 0,14—0,203 м, длина 0,37—0,41 м, толщина 0,08 м) обломок с боков и снизу (рис.). Ровная верхняя сторона показывает, что плита была вставлена в кладку из прямоугольных блоков. Судя по достаточно вероятной разбивке букв в первой и второй строках (см. стр. 93), мраморная доска достигала в длину не менее 1,20—1,25 м. Ее лицевая сторона обработана очень тщательно, тыльная — лишь сглажена. Цвет мрамора белый, с голубоватым оттенком.

Надпись тщательно вырезана по линейкам, следы которых не заметны. Высота букв в первой и второй строках 0,025—0,020 м, в остальных — 0,020—0,018 м. Текст исполнен регулярным монументальным шрифтом, выработанным боспорскими мастерами в конце I в. н. э. Широкие, свободно размещенные буквы украшены короткими треугольными утолщениями. Единообразный шрифт имеет лишь немногие отступления: в третьей и четвертой строках омикрон несколько ниже остальных букв; фи имеет длинную вертикальную черту, достигающую 0,038 м; альфа и лямбда начертаны так, что конец правой наклонной линии сильно возвышается над пересечением с левой наклонной. Общий характер шрифта сближает новый текст с надписями времени правления Савромата I (93/4—123/4 гг. н. э.)².

Особенно сходны буквы новой фанагорийской надписи со шрифтом надгробия Каллисфении, жены Ульпия Антимаха (поставлено в 107 г. н. э. в Пантикапее)³. Но издаваемый текст начертан более парадно: буквы его, особенно сигма, мио и эпсилон, монументальнее и изысканнее⁴. Конечно, царский текст стремились исполнить более тщательно, чем надпись частного лица, но, возможно, что некоторую роль играла и одновременность надписей⁵.

Обе сравниваемые надписи исполнены на мраморе, дорогим привозном камне, доступном лишь богатым людям⁶, которые заказывали его обработку лучшим мастерам. Вероятно, в Пантикапее и Фанагории имелись

¹ Приношу большую благодарность проф. М. М. Кобылиной за разрешение издать надпись и предоставленные мне фотографии, а также эстамп с камня. Надпись поступила в Темрюкский музей.

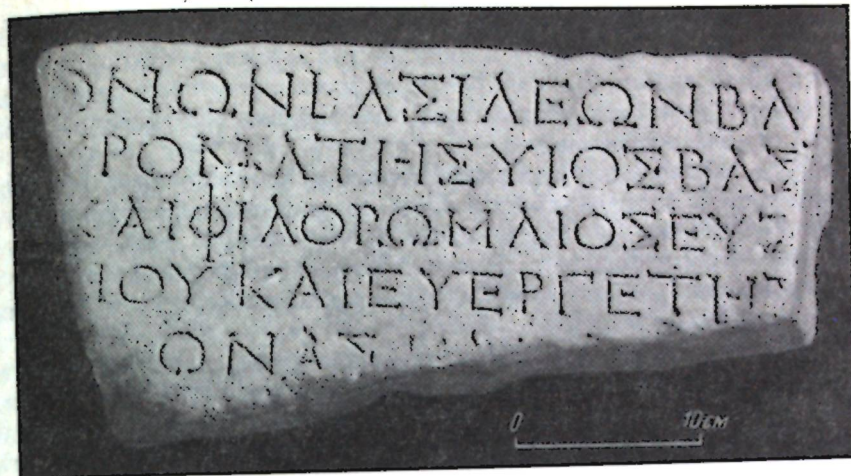
² А. И. Болтунова, Т. Н. Книпович. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре. — НЭ, III, 1962, стр. 22—23.

³ IOSPE, II, № 254=КБН, № 697. Фото этого текста см.: А. И. Болтунова, Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 22, рис. 10.

⁴ В надгробии Каллисфении многие слова отделены интервалами, в публикуемой же надписи промежутки заметны лишь в четвертой и, по-видимому, пятой строках.

⁵ А. И. Болтунова сравнивала шрифты надписей Каллисфении, Парфенокла (IOSPE, II, № 187) и публикуемой нами и пришла к заключению, что особенности шрифта последней «характерны для более позднего времени».

⁶ Все же мрамор боспорцы расходовали экономно: в Горгиппии в конце I—начале II в. н. э. манусисия IOSPE, II, № 401=КБН, № 1125 из 17 строк вырезана на плите размерами 0,37×0,29×0,04 м. Наместник Горгиппии в 110 г. н. э. возвестил о постройке им святилища Афродиты Навархиды текстом из 11 строк на мраморной

Фанагорийская надпись

мастерские, выполнявшие преимущественно заказы придворной знати, к которой принадлежала и семья Ульпиев⁷. В таких мастерских могли пользоваться общими приемами исполнения торжественных текстов.

Надпись начинается с известной формулы боспорского царского титула, поэтому можно определить, что число букв в каждой строке колеблется от 42 до 45. Это позволяет не только восстановить часть текста, но и про- извести разбивку его по строкам следующим образом:

[Ὁ ἐκ προγόνων βασιλέων βασιλεύς μέγας Τιβέριος Ἴου-
[ύλιος Σα]υρομάτης, υἱὸς βασιλέως Ῥησκουπόριδος, φι-
[λόκαισαρ] καὶ φιλορώμαιος, εὐσεβής, ἀρχιερεὺς τῶν Σεβ-
[αστῶν διὰ βίου καὶ εὐεργέτης [τῆς πατρίδος καὶ κτίστη]-
[ς Δ]ΩΝΑΣ κα [i- - - - -]

Перевод: Происходящий от предков царей великий царь Тиберий Юлий Савромат, сын царя Рескупорида, друг кесарей и друг римлян, благочестивый, пожизненный первосвященник Августов и благодетель отечества и основатель [отечества]...

Восстановление текста в пятой строке весьма затруднительно. В начале ее утрачено восемь или девять букв, в отбитой правой части могло уместиться 26—28 знаков. На левой стороне обломка, перед омегой, виден выступающий над строкой верхний конец альфы или лямбды. Более вероятно, что здесь стояла именно лямбда. В правой части строки, после сигмы, ясно заметен интервал, видимо отделявший следующее слово. Далее видна верхняя часть каппы, за ней — конец правой наклонной черты альфы или лямбды. От следующего знака уцелела лишь левая черточка утолщения вертикальной черты иоты или эты. Поэтому здесь можно предположить καὶ или κλη. При чтении καὶ предшествующие буквы могут быть истолкованы как конец слова τιλώνας (по предположению А. И. Болтуновой и Ю. Г. Виноградова), перед которым, судя по лакуне, можно ожидать τοὺς τε. При таком чтении в тексте должны быть упомянуты, кроме ворот, и другие сооружения, например стены или башни.

Независимо от предлагаемых дополнений, характер памятника не оставляет сомнений в том, что царь Савромат лично возвещал о возведе-

плите размерами 0,46×0,46 м (В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России. — ИАК, 23, 1907, стр. 46, № 32=КБН, № 1115). Надпись Савромата I начертана на блоке размерами 0,37×0,70×0,22 м (Т. В. Блаватская. Строительная надпись из Горгиппии. — ВДИ, 1951, № 2, стр. 117—119=КБН, № 1122).

⁷ Уже В. В. Латышев в комментарии к надписи IOSPE, II, № 26, отметил высокое положение этой фамилии.

нии им каких-то монументальных сооружений в Фанагории. Масивность мраморной плиты, вделанной в регулярную кладку, и торжественный, отличающийся особенной силой шрифт надписи позволяют предположить, что речь шла о важных сооружениях, служивших достойным предметом забот самого боспорского монарха⁸.

Надпись, видимо, принадлежит Савромату I, имя и титулы которого занимают первые четыре строчки. Судя по дошедшим надписям, титулы *ἀρχιερέως τῶν Σεβαστῶν διὰ βίου καὶ εὐεργέτης τῆς πατρίδος* имел только первый из царей, носивших имя Савромат. Указанное обстоятельство⁹ и данные палеографии делают бесспорным принадлежность публикуемого текста именно Савромату I.

Таким образом, рассматриваемая надпись является пятым известным документом, изданным от имени самого Савромата I¹⁰. Его титул здесь употреблен в самом полном варианте. Такая формула встречена лишь в документе 117 г. н. э. на постаменте статуи царя, поставленной синодом никейских юношей¹¹. Более ранние официальные документы Савромата I и его приближенных¹² показывают, что в первой половине правления этого царя обычно употребляли сравнительно краткий титул. Например, в надписи 105 г. н. э. (IOSPE, II, № 352) Савромат I приводит свое имя без имени отца и без титула «благодетель отечества». Также и в надписях семьи Ульпиев встречается краткий титул, хотя один из этих текстов написан в 97 г. н. э. на постаменте статуи самого царя (IOSPE, II, № 38), а другой является посвящением по поводу победы Савромата I над скифами (IOSPE, II, № 26). В танаисской строительной надписи, возможно раннего периода правления Савромата I (IOSPE, IV, № 446)¹³, также вырезан неполный титул: приведено отчество царя, но опущено наименование «пожизненный первосвященник Августов и благодетель отечества».

Более подробную формулу — «происходящий от предков царей великий царь Тиберий Юлий Савромат, друг цезаря и друг римлян, благочестивый, пожизненный первосвященник Августов и благодетель отечества» — содержит надпись о восстановлении стен Горгииппии¹⁴. Дата текста не сохранилась, но есть основания полагать, что перестройка укреплений происходила перед 110 г. н. э. Летом 110 г. н. э. наместник Горгииппии Фарнакион построил храм Афродите Навархиде¹⁵, вероятно, уже после того, как стены были восстановлены. Вряд ли случайно, что отец Фарнакиона и второй магистрат, ведавший перестройкой стен Горгииппии, носили одинаковое имя — Поф. Это совпадение позволяет полагать, что в обоих текстах упомянуто одно и то же лицо и что обет Фарнакиона богине был вызван опасениями за отца, поскольку царь сурово покарал первого эпителета¹⁶, коллегу Пофа.

⁸ Из почти полутора десятка хорошо сохранившихся строительных надписей Боспора лишь три были опубликованы царями: в Пантикапее — IOSPE, II, № 47; в Танаисе — IOSPE, IV, № 446; в Горгииппии — Т. В. Блаватская. Указ. соч., стр. 117—119.

⁹ Заметим также, что в известных надписях Савромата III имя его отца не упомянуто. IOSPE, II, № 352 = КБН, № 1045; КБН, № 42; IOSPE, IV, № 446 = КБН, № 1254; ВДИ, 1951, № 2, стр. 117. Возможно, сюда относится и фанагорийский фрагмент КБН, № 981.

¹¹ IOSPE, II, № 39; В. В. Латышев. История Боспорского царства. — ПОНТИКА, СПб., 1909, стр. 113.

¹² В надписях с эпонимным упоминанием царя титул Савромата I ставился обычно в сокращенном виде. См.: А. И. Болтунова. Надписи Боспора. — ВДИ, 1959, № 4, стр. 92—110, особенно стр. 103—104.

¹³ Раскопками выявлены большие фортификационные работы в Танаисе на рубеже I и II вв. н. э. (Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, стр. 269).

¹⁴ Т. В. Блаватская. Указ. соч., стр. 117.

¹⁵ В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России, стр. 46—47, № 32.

¹⁶ В надписи о стенах имя первого магистрата было тщательно выбито (Т. В. Блаватская. Указ. соч., стр. 119).

Итак, в новой фанагорийской надписи употреблена самая пространная формула царского титула, аналогичная формуле в надписи IOSPE, II, № 39. Это означает, что синод никейян именвал столь пышно¹⁷ Савромата I не из сервизализма заискивавших чужеземцев, но следуя официальному титулу царя. Это подтверждается и тем, что никейские юноши особо называли Савромата I «своим собственным ктисом».

Указанное обстоятельство открывает новые черты внутренней политики Савромата I. Как известно, это был период далеко зашедшего процесса иранизации¹⁸, более точно — сарматизации греко-меотского государства. Этот процесс сопровождался усилением царской власти, Рескупорид I (68—91/2 гг. н. э.) и его сын неуклонно стремились поднять царский авторитет как внутри страны, так и в сношениях с Римом¹⁹.

Примечательно, что, ведя войны со скифами (IOSPE, II, № 26) и, вероятно, с соседними племенами²⁰, Савромат I применял сам и поощрял эллинистские приемы возвеличения царей: в 93 г. н. э. он поставил статую своего отца в Пантикапее (КБН, № 42), в 97 г. н. э. статую самого Савромата I была поставлена в столице Марком Ульпием Примом (IOSPE, II, № 38). Видимо, почти одновременно статуя царя воздвиг в Гермонассе пантикапеец, сын Диофанта (IOSPE, II, № 358). Говорить о хронологической близости обоих текстов позволяет то, что в надписях IOSPE, II, № 26 и № 358 отсутствуют наименования царя «пожизненным первосвященником Августов и благодетелем отечества». В дальнейшем последовало обожествление Савромата I (IOSPE, IV, № 202). Тем самым этот царь, возможно под воздействием политики Августа, вернулся к традициям обожествления династов, известным при Аспурге²¹.

Активно прибегавший к приемам эллинистической государственной практики для укрепления власти монарха²², Савромат I, как показывает публикуемая надпись, обратил особое внимание на структуру своего титула. Официально введя пышную расширенную формулу, этот царь отодвинул на второй план мифологический эпитет «потомка Посейдона и Геракла», употреблявшийся, видимо, в ранний период его правления²³. В обращении к эллинистическим формам государственной идеологии Савромат I прямо следовал своему отцу, Рескупориду I, впервые употребившему эпитет «благодетель отечества»²⁴.

Понятие «отечество» появилось в титулатуре боспорских царей при Митридите II, названном *φιλόπατρις* (IOSPE, II, № 400, от 41 г. н. э.). Рескупорид I, не повторяя эпитета своего свергнутого римлянами дяди, считал необходимым вновь ввести «отечество» в свой титул, хотя и в ином словосочетании. Этот шаг царя, придававшего большое значение боспорцам-сарматам (недаром он назвал своего сына Савроматом), показывает, что обращение к традиционной эллинистической терминологии было необходимым внутриполитическим приемом правящих кругов. Видимо, эта политика отвечала интересам боспорцев как греческого, так и сарматского происхождения.

¹⁷ В. В. Латышев отметил особо почтительный стиль посвящения никейян (ПОНТИКА, стр. 113).

¹⁸ Иранизация всего уклада жизни Боспора первых веков нашей эры впервые отмечена М. И. Ростовцевым (М. И. Ростовцев. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918, стр. 155—186). О сарматизации Боспора см.: В. Д. Блаватский. Пантикапей. М., 1964, стр. 134—202.

¹⁹ О большом значении монетной реформы Рескупорида для престижа Боспора см.: А. Н. Зограф. Античные монеты. — МИА, № 16, 1951, стр. 201.

²⁰ А. Н. Зограф отметил, что выпуск монет первого десятилетия правления Савромата I, видимо, являются военной чеканкой (А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 202).

²¹ В. Д. Блаватский. Пантикапей, стр. 164.

²² Возможно, что в его политическом арсенале были и обычаи сарматского почитания царя.

²³ Судя по краткому титулу царя, упоминающая это происхождение надпись IOSPE, II, № 358 должна относиться к первым 10—15 годам царствования Савромата I.

²⁴ Позднее этот эпитет употреблял только Котис II.

Примечательно, что Савромат I усилил эпитет *εὐεργέτης τῆς πατρίδος* наименованием *κτίστης*. Надписи свидетельствуют, что царь уделял большое внимание старинным городам, являвшимся оплотом эллинизма. В 105 г. н. э. он восстановил портики храма Афродиты Апатуры в Гермонассе (IOSPE, II, № 352), что-то было им вновь построено в Танаисе (IOSPE, IV, № 446), заново были восстановлены укрепления Горгиппии (КБН, № 1122). Место находки публикуемого обломка — у наиболее уязвимой юго-западной границы Фанагории — позволяет предполагать, что надпись сообщала именно о строительстве городских укреплений. Вероятно, фортификационные работы в Фанагории производились во второй половине правления Савромата I, по завершению строительства в окраинных Танаисе и Горгиппии.

По примеру царя, его приближенные украшали города статуями и различными постройками. Политика благоприятствования городам не может быть объяснена одним только экономическим значением населения боспорских городов, которые были источником многих доходов казны. Как известно, с последней трети I и во II в. н. э. Боспорское государство достигло большого расцвета, ясно заметного и в облике его столицы²⁵ и в развитии меньших городов²⁶. Но внутренняя жизнь государства не исчерпывалась экономическими аспектами. Большой проблемой все время оставалось соединение различных этнических компонентов Боспора — его старинного греческого населения и вселявшихся контингентов варваров. Видимо, внимание Савромата I к городам указывает на то, что политика опоры на города считалась им наиболее целесообразной для консолидации страны. Отсюда то «эллинофильство», которым отличается деятельность Савромата I, хотя при нем сарматизация Боспора продолжала усиливаться.

Проэллинская направленность помогала Боспору и в международной жизни. Для соседних варварских царств Боспор выступал в роли античного государства, близкого союзника могущественного Рима. В сношениях с империей боспорцы могли требовать к себе большего внимания как отдаленный форпост античного мира.

Савромат I поощрял всесторонние контакты Боспора с эллинскими городами Малой Азии, как свидетельствуют надпись никеян (IOSPE, II, № 39) и латинское посвящение от имени Синопы — Колонии Юлии Счастливой (IOSPE, II, № 40 = КБН, № 46). Эти связи, возможно, явились результатом посещения Савроматом I городов Малой Азии. Возможно, что боспорский царь встречался там с представителями высшей римской администрации. Письма Плиния к Траяну²⁷ создают впечатление об оживленной переписке Савромата I с Плинием и даже об их личном знакомстве.

Отмеченные тенденции внутренней и внешней политики Савромата I должны были способствовать подъему эллинской культуры Боспора. Интересно сообщение Филострата Афинского (около 170—249 гг. н. э.) в рассказе о философе Антонии Полемоне, который жил около 85—145 гг. н. э. По словам Филострата, некий боспорский царь, приобретший всестороннее эллинское образование (... *πᾶσαν δὲ Ἑλληνικήν παιδείαν ἤμαρτον*), приехал в Смирну для ознакомления с Ионией и здесь пришел к Полемону с 10 талантами в качестве платы²⁸. Можно думать, что философ Полемон достиг известности в Смирне уже в возрасте 35—40 лет, так что описываемая встреча, вероятно, происходила после 120 г. н. э. Так как сомнительно, чтобы находившийся в преклонном возрасте Савромат I

²⁵ Во второй половине I в. н. э. наблюдается резкий подъем строительства в столице (В. Д. Блаватский. Пантикапей, стр. 154).

²⁶ Копы в конце I—II в. н. э. заметно расширились (Н. И. Сокольский. К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху. — Acta antiqua Philippopolitana. Studia archaeologica. Serdicae, 1963, стр. 11—25).

²⁷ Plin., Ep., 63, 64, 67.

²⁸ Philostr., VS, I, 25, IV (Πολέμων).

предпринял такое путешествие, то следует думать о его сыне Котисе II (123/4—132/3 гг. н. э.) или даже Реметалке (132/3—153/4 гг. н. э.). Вопрос о том, кто из названных династов ездил в Смирну, не столь важен. Главное то, что наследник боспорского престола в первой половине II в. н. э. получал в Пантикапее²⁹ такое образование, что его эрудиция вызывала восхищение даже в Смирне. Уловка философа Полемона, избегавшего разговора с царем до тех пор, пока тот не принес крупного гонорара, также красноречива: в Смирне хорошо знали, что боспорец не пожалеет денег для беседы со знаменитым философом. Приведенное свидетельство Филострата бросает яркий свет на отношение правящих кругов Боспора к эллинскому образованию и культуре. С помощью старинных античных институтов боспорское государство консолидировало страну и привлекало к активной гражданской жизни наиболее эллинизовавшихся сарматов.

В широком процессе слияния двух этнических элементов и их культур на стороне боспорцев-греков было много преимуществ. Сарматы Боспора очень интенсивно воспринимали эллинские традиции. Характерны тенденции тогдашнего боспорского зодчества: парадная архитектура Боспора полностью сохраняла свой эллинский характер, тогда как погребальная архитектура отходила от ордерных традиций.

Совершенно очевидно, что высокоразвитые античные формы боспорской культуры долго являлись мощным инструментом в системе управления, применяемой сарматской династией Боспора. Новая надпись Савромата I из Фанагории обнаруживает некоторые дополнительные черты этого явления.

²⁹ В начале II в. н. э. в Пантикапее круг читателей научных трудов был достаточно широк, как свидетельствует эпитафия Стратоника, сына Зенона (В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1913 г. — ИАК, 54, 1914, стр. 71—75).

Д. Б. ШЕЛОВ

СКУЛЬПТУРНОЕ НАДГРОБИЕ ИЗ ТАНАИСА

Летом 1970 г. при раскопках Танаиса Нижне-Донской археологической экспедицией была найдена интересная и редкая для Танаиса известняковая скульптура (рис.)¹

Скульптура имеет в высоту 36,6 см. Она высечена из прямоугольной плиты желто-серого пористого известняка толщиной 12,3 см. Вся обработка очень груба, задняя сторона скульптуры совсем не обработана. На боковых сторонах заметны следы инструмента шириной около 8 мм, которым производилась отделка скульптуры. Особенно четко видны эти следы на правом плече фигуры и на соответствующей боковой плоскости².

Скульптура представляет собой бюст или лучше сказать полуфигуру безбородого мужчины. Округлое лицо рельефно выделено выборкой материала вокруг, эта выборка образует прическу, обрамляющую лицо сверху и с боков. Глазницы углублены, в них оставлены рельефные овальные глазные яблоки и ямками обозначены зрачки. Кончик носа отбит, но ясно, что нос очень слабо выдавался из общей плоскости лица. Сколами подчеркнуты скулы, рот обозначен узкой, приподнятой у краев щелью. Выборкой материала на щеках и подбородке выделены толстые губы.

Почти круглая голова посажена непосредственно на туловище, шея почти не обозначена. Торс имеет вид грубо высеченного параллелепипеда, на передней стороне которого рельефом схематически выделены руки. Левая рука изображена согнутой в локте, она резко утончается от плеча к кисти. По-видимому, в левой руке находился какой-то предмет. Правая рука согнута лишь немного, она тянется сверху вниз вдоль обреза скульптуры. Никаких элементов одежды на торсе фигуры не обнаруживается.

Скульптура была в древности раскрашена. Следы красной краски заметны на губах и на груди. Остатки краски свидетельствуют о том, что поверхность скульптуры повреждена не очень сильно и что имеющиеся на поверхности неровности, выбоины и шероховатости являются скорее следствием пористой структуры самого камня и грубости его обработки, чем результатом позднейших повреждений.

Скульптура найдена при исследовании раскопа VI (начальник Д. В. Деопик) на западной окраине городища первых веков нашей эры. Она лежала в мешаном культурном слое, датированном II—первой половиной III в. н. э., недалеко от городской башни III. Пребывание скульптуры в этом слое дает terminus ante quem для ее хронологического определения — 40-е годы III в. н. э., время разгрома Танаиса племенами готского союза. Вряд ли скульптура могла быть изготовлена значительно ранее этого срока — иконографические особенности заставляют относить ее к первым векам н. э. Не говоря об общей грубости изображения и чрезвычайно плоскостном характере всей скульптуры, которые могут считаться не только хронологическими, но и локальными признаками, следует отметить обоб-

¹ Т. М. Арсеньева, Д. Б. Шелов. Работы в Танаисе. — АО 1970 г. М., 1971, стр. 118.

² При обсуждении нашего доклада о скульптуре в секторе античной археологии ИА АН СССР 29 мая 1974 г. В. Д. Блаватский высказал мнение, что это следы прямой скампели.

Надгробие из Танаиса (а, б)

щенную трактовку головы, характерную для боспорской скульптуры первых веков н. э. Обращает на себя внимание изображение прически в виде обрамляющего голову нимба, выполненного в более низком рельефе, чем плоскость лица. Такая манера изображения волос характерна для фасовых фигур мужчин на боспорских надгробных рельефах II в. н. э.³ Широкое округлое лицо танаисской статуи, резко очерченные глазницы, полные губы передают явно негреческий этнический тип и, возможно, свидетельствуют о попытке воспроизвести в скульптуре индивидуальный портрет. Это также обычно для многих надгробных боспорских рельефов первых столетий нашей эры⁴.

Описанная скульптура очень оригинальна. По общим очертаниям и пропорциям она весьма напоминает боспорские антропоморфные надгробия, для которых характерна та же конструктивная схема — дисковидная голова на туловище, оформленном в виде прямоугольной или трапециевидной плиты⁵. Такие надгробия, как известно, были распространены во всех центрах Северного Причерноморья, в частности и в танаисском некрополе III в. до н. э. — I в. н. э.⁶ Издаваемый памятник, конечно, не принадлежит к этим примитивным стелам — он должен рассматриваться как скульптурная полуфигура. Все же некоторые черты роднят его с группой антропоморфных надгробий — общие очертания, плоскостность всего изображения, суммарность и схематичность трактовки тела. В Херсонесе в римскую эпоху были памятники, представлявшие как бы

³ См., например: G. Kieseritzky, C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, табл. XXXIX, 574; XLVII, 669; LIII, 725 и др.; А. П. Иванова. Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961, рис. 78, 81, 84, 88.

⁴ А. П. Иванова. Скульптура и живопись Боспора, стр. 127 и сл.

⁵ А. П. Иванова. Боспорские антропоморфные надгробия. — СА, XIII, 1950, стр. 239 и сл.

⁶ Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса (раскопки 1955—1958 гг.). — МИА, № 98, 1961, стр. 88—89; Он же. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970, стр. 140—141.

переход от антропоморфных гладких надгробий к объемной скульптуре⁷. Чем-то подобным можно считать танаисскую скульптуру. Антропоморфные стелы расписывались красками⁸, что также сближает эти памятники⁹.

Но в целом рассматриваемая скульптура должна быть сопоставлена с боспорскими надгробными памятниками другого рода — со скульптурными статуями-полуфигурами. Эти надгробия обычно изображают фигуру умершего до колен¹⁰, хотя изредка встречаются и действительные полуфигуры. Их распространение на Боспоре с IV в. до н. э. в течение всей эллинистической эпохи было результатом сложного взаимодействия греческих и туземных художественных представлений и навыков¹¹. Н. И. Сокольский, уделавший много внимания этой группе скульптурных памятников Боспора, убедительно показал, что большинство их связано с азиатской стороной Боспора, принадлежит художественному творчеству населения азиатского Боспора, вероятно прежде всего синдов, и отражает местные этнические типы¹².

Статуи-полуфигуры были особенно распространены в эллинистическое время, но, по-видимому, некоторые из них могут быть датированы уже первыми веками н. э.¹³ Во всяком случае определенные художественные традиции, разработанные в синдской пластике эллинистического времени, продолжали жить и в боспорской скульптуре более позднего периода¹⁴.

В танаисской известняковой полуфигуре могут быть отмечены все те основные особенности, которые Н. И. Сокольский считал характерными для синдской скульптуры: схематичность и плоскостность изображения, строгая фронтальность его, стремление, с одной стороны, к передаче общего этнографического типа, а с другой — к известной портретной индивидуализации¹⁵. Но в издаваемой полуфигуре все это выглядит гораздо примитивнее и грубее, чем в памятниках синдской да и вообще боспорской скульптуры, что должно объясняться как значительно большей варваризацией Танаиса по сравнению с другими областями Боспора, так и более поздним временем изготовления танаисского надгробия.

Издаваемая скульптура представляет собой яркий памятник местной танаисской художественной культуры, самобытной и оригинальной. Отмеченное сходство ее с боспорскими полуфигурами отнюдь не означает прямого перенесения синдских художественных представлений и навыков на почву Танаиса. Скорее тут надо усматривать проявление некоторых общих закономерностей в развитии изобразительного искусства варварских племен, обитавших на северо-восточном порубежье античного мира и испыты-

вавших в большей или меньшей степени воздействие художественной культуры греков. Но нельзя забывать и о тесных и разнообразных связях Танаиса с боспорскими центрами, прежде всего именно с азиатским Боспором¹⁶, и о том, что в населении этого города были достаточно весомо представлены меотские элементы¹⁷.

Следует упомянуть и еще об одном источнике, к которому могли восходить художественные традиции танаисской скульптуры. Это надгробные антропоморфные изваяния, ставившиеся над курганами в скифское время¹⁸. Такая скифская стела, примитивно изображающая воина, была найдена непосредственно около Танаиса — в одном из курганов знаменитого Елизаветовского некрополя в дельте Дона¹⁹, три другие — также в сравнительно близком районе: в сальских степях и в курганном могильнике вблизи ст. Цимлянской²⁰. Кому бы ни приписывать три последних памятника — скифам или савроматам²¹, они несомненно входят в круг монументальной надгробной скульптуры, которую принято именовать скифской.

Конечно, провести прямую линию связи между этими стелами и находкой из Танаиса вряд ли возможно, но в числе отдаленных истоков художественной традиции танаисской скульптуры могут оказаться и они. В этом плане интересны прослеживаемые П. Н. Шульцем генетические связи между скифскими надгробными стелами, с одной стороны, и боспорскими полуфигурами — с другой, а также отмеченное им стремление к индивидуализации и портретизации в скифских изваяниях поздней поры²².

Таким образом, в издаваемой танаисской полуфигуре можно усмотреть сложное взаимодействие различных культурно-художественных традиций, в результате которого был создан очень своеобразный скульптурный памятник. Такое переплетение различных влияний характерно для всей культуры Танаиса, где меотские, сарматские, скифские этно-культурные элементы сочетались в самых разнообразных вариантах с элементами греческими или сильно эллинизированными. Но в данном случае мы не можем обнаружить никаких связей с памятниками сарматского круга. Характерные для сарматской скульптуры линейность, графичность, жесткость контуров, проявляющиеся как в надгробных рельефах, так и в антропоморфных стелах²³, совершенно отсутствуют в танаисском памятнике.

Приведенные параллели заставляют рассматривать описываемую скульптуру как надгробный памятник, несмотря на небольшие размеры (впрочем, соответствующие обычным размерам танаисских антропоморфных надгробий) и на то обстоятельство, что скульптура была найдена при раскопках городища. О надгробном характере скульптуры говорит и положение согнутой руки, в которой, вероятно, был ритуальный сосуд.

До сих пор надгробная скульптура в Танаисе не встречалась, если не считать упоминавшихся примитивных антропоморфных надгробий. Да и вообще Танаис удивительно беден памятниками изобразительного искусства. Новая находка поэтому представляет значительный интерес для характеристики художественной культуры этого центра в первые века н. э.

⁷ А. П. Иванова. Херсонесские скульптурные надгробия с портретными изображениями. — СА, VII, 1941, стр. 108, рис. 2; стр. 119, рис. 12; М. И. Максимова, М. А. Наливкина. Скульптура. — АГСП, стр. 321, рис. 37; Л. Г. Колесникова. Кому принадлежали антропоморфные надгробия Херсонеса? — СА, 1973, № 3, стр. 43, примеч. 63.

⁸ Л. Г. Колесникова. Указ. соч., стр. 43 и сл.

⁹ Упомянем еще довольно близкое по стилю известняковое скульптурное надгробие, найденное на дне Сухумской бухты и датированное издателем I—II вв. н. э. См.: М. М. Трапш. Древний Сухуми. Сухуми, 1969, стр. 354—356, рис. 51.

¹⁰ М. М. Кобылина. Обзор исследований скульптуры Боспора за 10 лет. — СА, 1972, № 2, стр. 224.

¹¹ А. П. Иванова. Скульптура и живопись Боспора, стр. 73 и сл.

¹² N. Socolski. La sculpture sinde. — Huitième congrès international d'archéologie classique. Rapports et communications. Paris, 1967, стр. 107 и сл.; Н. И. Сокольский. Новые памятники синдской скульптуры. — КСИА, 100, 1965, стр. 86 и сл.; Он же.

¹³ К вопросу о синдской скульптуре. — Сб.: Культура античного мира. М., 1966, стр. 243 и сл.; Он же. Синдская скульптура. — Сб.: Античное общество. М., 1967, стр. 193 и сл.; ср.: А. К. Коровина. Группа надгробных стел Таманского полуострова. — Сообщения ГМИИ, IV, 1968, стр. 100 и сл.

¹⁴ А. П. Иванова. Скульптура и живопись Боспора, стр. 90 и сл.; М. М. Кобылина. Указ. соч., стр. 224.

¹⁵ Н. И. Сокольский. К вопросу о синдской скульптуре, стр. 255—256; Он же. Синдская скульптура, стр. 203—204.

¹⁶ Н. И. Сокольский. К вопросу о синдской скульптуре, стр. 254.

¹⁶ Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э., стр. 159 и сл.

¹⁷ Там же, стр. 208 и сл.; И. С. Каменецкий. Население Нижнего Дона в I—III вв. н. э. Автореф. канд. дисс. М., 1965.

¹⁸ П. Н. Шульц. Скифские изваяния Причерноморья. — Сб.: Античное общество. М., 1967, стр. 225 и сл.

¹⁹ А. А. Миллер. Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом. — ИГАИМК, IV, 1925, стр. 100 и сл., табл. 1; М. И. Артамонов. Антропоморфные божества в рельегах скифов. — АСЭ, 2, 1961, стр. 81, рис. 25.

²⁰ А. А. Миллер. Указ. соч., стр. 106, рис. 5; И. И. Ляпушкин. Курганный могильник близ Карнауховского поселения. — МИА, № 62, 1958, стр. 317, рис. 3.

²¹ П. Н. Шульц. Скифские изваяния Причерноморья, стр. 226, примеч. 17.

²² Там же, стр. 234 и сл.

²³ П. Н. Шульц. Надгробный рельеф сарматского круга. — Сб.: Культура античного мира. М., 1966, стр. 278 и сл.; Он же. Антропоморфная стела сарматского круга, найденная на Арабатской стрелке. — ЗОАО, II, 1967, стр. 196 и сл.; М. Я. Чорев.

П. Н. Шульц. Новый рельеф сарматского круга. — СА, 1972, № 1, стр. 139, 141

М. М. КУБЛАНОВ

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ НЕКРОПОЛЯ ИЛУРАТА*

В 1970 г. продолжались планомерные раскопки некрополя Илурата, проводимые археологической экспедицией Музея истории религии и атеизма (Ленинград).

Одним из наиболее значительных сооружений явилась катакомба 19. Она относится к типу 2 погребальных сооружений некрополя¹, однако существенно выделяется из этой группы размерами и архитектурным решением.

Как и в других катакомбах, в камеру вел открытый дромос, состоящий из многоступенчатой лестницы и площадки перед входом. Лестница отчетливо делится на два участка. Верхний составляют первые десять ступеней, вырубленные грубо и небрежно (рис. 1, 1): строители явно не заботились об их внешнем облике, поскольку дромос после совершения захоронения засыпали землей. Нижний участок имел более парадный вид. По сохранившимся отдельным блокам и следам вырубок в скале нетрудно установить, что нижняя часть дромоса — площадка, ступени, вход в камеру — были выложены из хорошо притесанных и тщательно обработанных блоков известняка (рис. 1, 2). Общая длина дромоса 5,4 м, перепад высот 3,2 м.

Для устройства камеры в толще скального массива была вырублена огромная полость площадью более 21 кв. м (длина 4,9 м, ширина 4,3 м) при высоте 2,4—2,7 м. Строителям пришлось выбрать около 54 кубометров скальной породы. Вырубленная таким образом камера затем получила архитектурное оформление. Был выложен пол из больших плит известняка (под одной из плит оказался ограбленный тайник). С трех сторон, где скальный массив имел изъяны (пустоты или прожилки слабого, осыпающегося известняка), были выложены облицовочные стены, следы которых ясно видны по оставшимся пазам на полу и на противоположной входу стене. Потолок и стены были оштукатурены, что позволяет высказать догадку о росписи камеры, как это было в вырубном склепе 11². Напротив входа в стене устроена ниша (рис. 2).

Своеобразной особенностью, имеющей, несомненно, отношение к погребальному ритуалу, является множество (более 20) ямок разных диаметров (от 0,05 до 0,14 м) и глубины (от 0,03 до 0,07 м), выдолбленных в плитах пола. Некоторые сделаны небрежно, другие — более тщательно и имеют чашевидную форму. На стенках некоторых ямок заметны следы копоти и огня, каких-то органических остатков. Никакой системы в расположении этих ямок не наблюдается. Можно полагать, что они служили для ритуальных возлияний и воскурений и, следовательно, являлись элементом тризны, следы которой в некрополе Илурата выявлены и в других погребальных комплексах.

* Краткое изложение доклада, прочитанного на заседании группы античной археологии ЛОИА АН СССР 6 мая 1971 г.
¹ М. М. Кубланов. Раскопки некрополя Илурата в 1969 г. — КСИА, 130, 1972, стр. 88.
² М. М. Кубланов. Исследование некрополя Илурата. — КСИА, 128, 1971, стр. 84.

Рис. 1. Погребальные сооружения из раскопок 1970 г.

1 — верхний участок дромоса (катакомба 19); 2 — нижний участок дромоса (катакомба 19); 3 — вырубной склеп 22

Катакомба 19 была полностью ограблена еще в древности (ранее VII—VIII вв. н. э.). Тогда же, видимо, в основном были выбраны облицовочные блоки и плиты.

Находки в нижнем античном слое заполнения камеры незначительны: обломки узкогорлой амфоры, венчик лепного сосуда, фрагменты нескольких стеклянных сосудов, несколько бусин, обломки железного меча (?), бронзовая пряжка, бронзовая пластинка от шкатулки (?), бронзовые поделки, одна из которых, по-видимому, скрепа для ремней, обломок бронзовой иголки (рис. 3, 10), фрагменты бронзовой фибулы с верхней тетивой (рис. 3, 11), фрагмент сарматского зеркала с боковым ушком и рельефным изображением диска, от которого

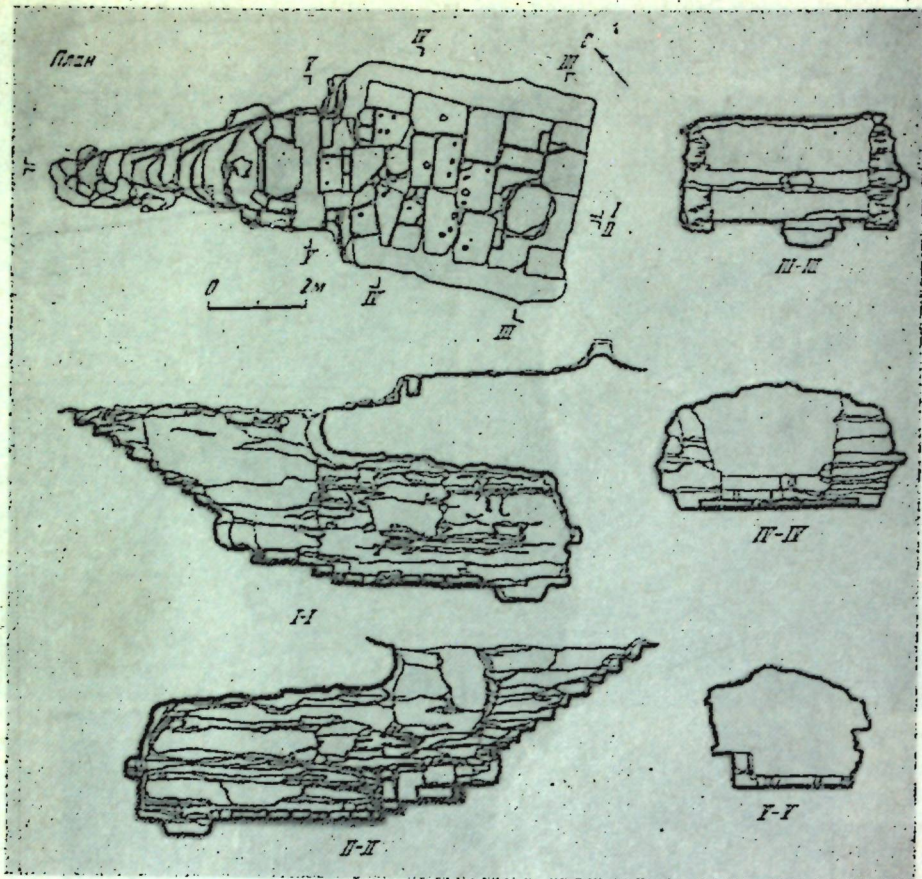

Рис. 2. Катакомба 19. План и разрезы

радиально расходятся лучи (рис. 3, 4), обломок венчика краснолаковой чашки с вертикальным бортиком и рудиментарной ручкой-налепом. Здесь же найдены фрагменты черепной крышки мужчины 40—50 лет. Перечисленные материалы идентичны находкам из открытых в 1969 г. рядовых могил (14—17, 20). Катакомба 19, таким образом, должна датироваться тем же временем — второй половиной II—первой половиной III в. н. э.

Идентичность некоторых элементов погребального инвентаря в катакомбе и в рядовых могилах, в особенности сходство рельефных изображений сарматских зеркал, а также своеобразие размещения этих могил, как бы обрамлявших³ центральное сооружение, побуждает поставить вопрос о родовых или социальных узах, возможно, связывавших людей, захороненных в этих, столь резко отличающихся погребальных сооружениях.

Примерно в 20 м к северо-западу от катакомбы 19 была выявлена частично обрушенная катакомба 21. Планировка ее обычна: небольшой открытый дромос, имеющий вид прямоугольника (длина 1,3 м, ширина 1,1 м), и вырубленная в толще скалы трапециевидная камера (со сторонами 1,5; 2,7; 2 и 2 м).

Специфическую особенность этого сооружения составляет сохранившаяся облицовка стен. Ни в одной из раскопанных нами катакомб ее не было. В катакомбе 19 были выявлены следы такой облицовки, но сама она не сохранилась. Здесь же облицовочные стены в значительной части целы.

³ О положении рядовых могил относительно курганной насыпи, перекрывавшей катакомбы см.: КСИА, 130, 1972, стр. 83.

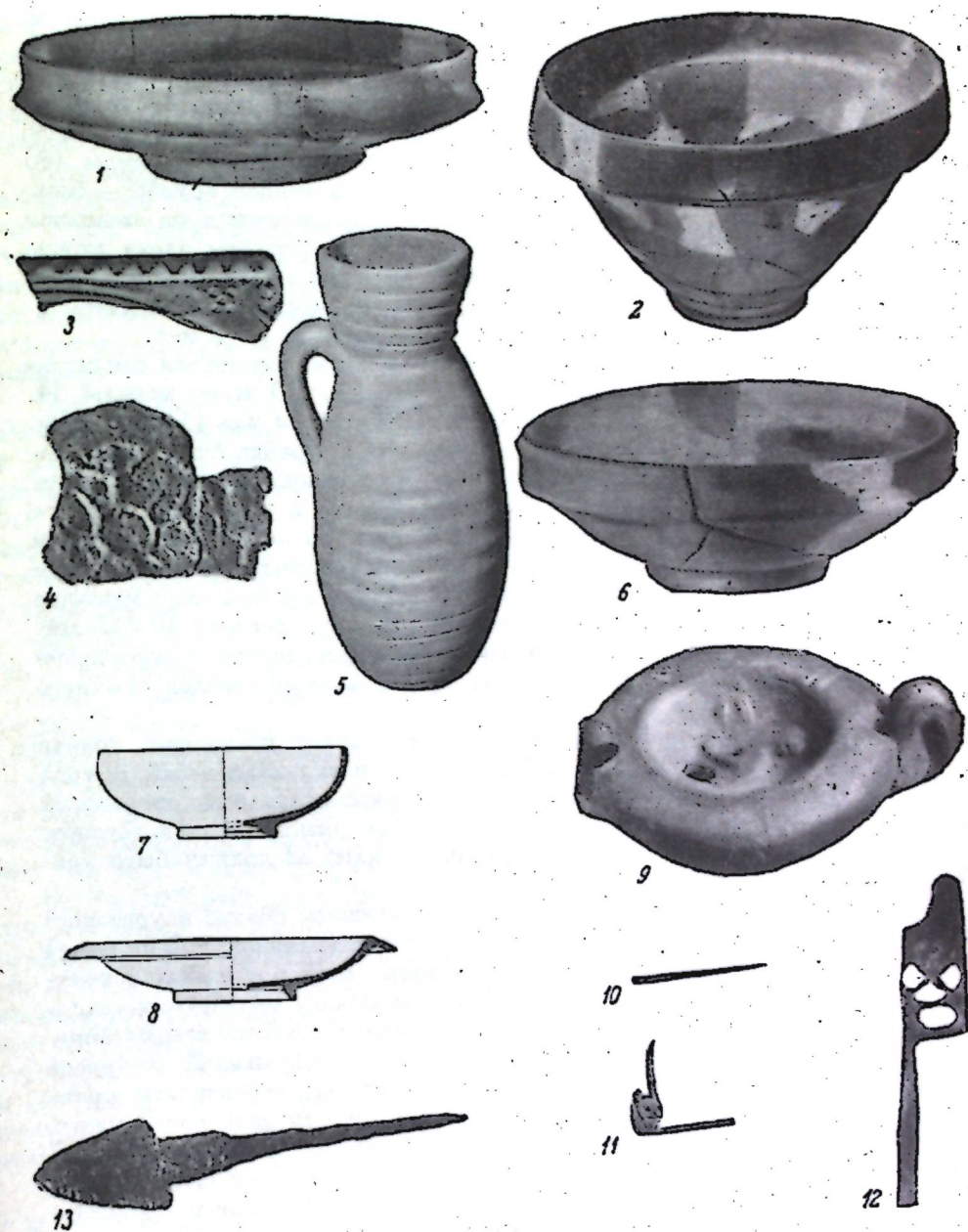

Рис. 3. Находки из раскопок 1970 г.

Из погребального кострища: 1, 6 — краснолаковые тарелки, 2 — краснолаковая чаша, 3, 8 — фрагменты краснолаковых блюдец, 7 — фрагментированная краснолаковая чаша, 12 — бронзовый ключик; из нижнего слоя катакомбы 19: 4 — фрагментированная краснолаковая чаша, 10 — обломок бронзовой иглы, 11 — обломок бронзовой фибулы; из нижнего слоя катакомбы 21: 5 — красноглиняный кувшинчик, 9 — красноглиняный светильник; из верхнего слоя катакомбы 19: 13 — железный наконечник стрелы

Они построены из довольно грубо обработанных разнокалиберных блоков известняка, притесанных друг к другу в ходе работ и сложенных на глине. Назначение этих стен то же, что и в катакомбе 19, — закрыть естественные изъёмы в полости камеры и уберечь ее от осыпей и обвалов.

Погребение и здесь было еще в древности ограблено. От него сохранились лишь фрагменты человеческого костяка и некоторые остатки погребального инвентаря: обломок бронзовой пряжки, несколько бусин, красноглиняный кувшинчик с поперечными желобками по тулову (рис. 3, 5), красноглиняный светильник с рельефным изображением пантеры (?) (рис. 3, 9). Представляет интерес и впервые найденное оружие — большой железный меч длиной около 1 м. По сохранившимся на железном остове рукояти двум выступающим заклепкам и остаткам тлена можно заключить, что рукоять была деревянной. Несколько фрагментов краснолаковой керамики, найденных в дромосе, а также красноглиняный светильник позволяют датировать катакомбу 21 III — началом IV в. н. э.

Новый вариант типа 3 погребальных сооружений некрополя представляет собой вырубной склеп 22, расположенный в 2,5 м от могилы 14. Сравнительно с другими сооружениями этой группы он мал (длина 2,25 м, ширина 2,15 м) и спланирован так, что при его постройке были использованы пустоты, образовавшиеся при предшествующей разработке здесь строительного камня. Особенно хорошо это заметно в устройстве дромоса (рис. 1, 3). Свод камеры не сохранился. Однако по обрушенным блокам можно заключить, что он был распорным (полуцилиндрическим). Склеп ограблен. Обнаруженные в камере костные останки принадлежат мужчине и женщине 50 лет, мужчине и женщине 30—40 лет и ребенку 10—12 лет. Керамический материал незначителен. Среди фрагментов можно выделить венчик узкогорлой амфоры и части краснолаковых тарелок обычного здесь типа.

Стратиграфические наблюдения на этом участке позволяют прийти к выводу, что в то время, когда насыпали курган над катакомбой 19, свод склепа 22 уже был обрушен и развалины частично оказались прикрытыми юго-западной полкой курганной насыпи. Это дает основание для установления относительной хронологии памятников: склеп 22 должен быть признан более ранним, чем катакомба 19.

Раскопки склепа снова поставили вопрос о внешнем облике илуратского некрополя. Известно, что никто из исследователей (начиная с Дюбрюкса) не усматривал здесь никаких курганов. Однако едва приметные всхолмления, раскопанные нами в 1968 и 1969 гг., оказались маленькими курганами (над склепом 18 и катакомбой 19), сложенными в основном из образовавшихся в ходе строительства погребальных сооружений выбросов скальной породы. Склеп 22 также должен был, по всей вероятности, иметь небольшую насыпь. Пята его свода почти достигает дневной поверхности, и, следовательно, сам полуцилиндрический свод выходил наружу, что требовало последующего возведения над ним насыпи. Просматривая под этим углом зрения и другие сооружения некрополя, мы можем предположить, что и над ними первоначально имелись маленькие курганы.

В условиях засухи, нарушившей в 1970 г. на некоторых участках слой гумуса, на поверхности почвы в 6 м от склепа 11 проступили зольные пятна, оказавшиеся остатками погребального кострища. Участок для него был выбран в скальной выемке, образовавшейся здесь при каменоломных работах. Таким образом, с трех сторон эта площадка была ограничена скалой, а посредине разгорожена перегородкой из двух блоков известняка.

Площадь зольника превышает 4 кв. м. Толщина слоя 0,5 м. Материал, извлеченный из зольника, чрезвычайно обилен. Он закопчен и носит на себе следы сильного огня, что особенно заметно по оплавленным и деформированным фрагментам стеклянных сосудов. О высокой температуре костра свидетельствует красноватая окраска скального массива в этом месте. Костных остатков в золе не обнаружено.

Предметы, которые бросали в погребальный костер, видимо, преднамеренно были разбиты. Здесь найдены: 16 фрагментированных краснолаковых тарелок (рис. 3, 1, 6), некоторые из них с клеймами; 17 краснолаковых чашек с вертикальным бортиком (рис. 3, 2), 6 из них с рудиментарными ручками-надепами по бортику; 4 краснолаковые чашки с округлым туловом (рис. 3, 7); 5 краснолаковых блюдов (рис. 3, 3, 8); неоплавленные фрагменты 9 стеклянных сосудов и множество обломков оплавленного стекла; 2 бронзовых ключика (рис. 3, 12) и др.

Поскольку зольник расположен неподалеку от склепа 11, можно думать, что он связан с захоронениями в этом склепе. Уместно напомнить, что склеп 11, несомненно, принадлежал знатному илуратцу, о чем свидетельствуют размеры погребального сооружения, находка среди остатков инвентаря золотой подвески от ожерелья, а также следы полихромной росписи стен. Обилие инвентаря, брошенного в погребальный костер при похоронах, хорошо соответствует этому представлению о богатстве покойного.

Погребальный костер у склепа 11 пополняет наши наблюдения о роли огня в погребальном обряде илуратцев. Отдельные уголки, найденные в рядовых могилах (14, 16), заполненный доверху чистой золой специально встроенный «сусек» в дромосе катакомбы 6, выдолбленные в плитах пола чашевидные ямки («курильницы») в катакомбе 19, упомянутый выше зольник у склепа 11 представляются нам следами ритуальных действий, в основе которых лежали общие для илуратцев взгляды на роль огня в таинственном акте перехода в загробный мир.

Другой элемент погребального обряда — захоронение животных или частей животных. Так, в катакомбе 9 на полу камеры была найдена целая челюсть лошади, положение которой (челюсть лежала в обрамлении нескольких плиток известняка), по-видимому, свидетельствует о некоем ритуальном характере ее помещения в эту катакомбу. Однако наиболее разительной является находка нетронутого скелета целой лошади (без следов упряжи) в дромосе катакомбы 5, раскопанной нами еще в 1947 г.⁴ Небольшая пробойна (диаметром 1—1,5 см) в черепе животного выше глазниц указывает на способ ее умерщвления.⁵

Все это подводит нас к вопросу о следах тризны в погребальных обрядах некрополя Илурата. В обыденном словоупотреблении под тризной понимается поминальный пир, возжигания хтоническим божествам (или умершему), возжигание погребального костра.⁶ Все эти элементы в некрополе Илурата выявлены. Однако А. И. Соболевский и другие исследователи подметили, что церковно-славянские тексты передают словом «тризна» (и его производными) греческие термины *στ'αδιον*, *παλιστρα*, *αθλον* и др.⁷, свидетельствующие, что одним из существенных элементов обряда похорон были игры и состязания. Для древнего мира это, по-видимому, всеобщее явление.⁸

⁴ М. М. Кубланов. Итоги археологических изысканий в районе дер. Ивановка (Керченский полуостров) в 1947 г. — Уч. зап. Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, 68, 1948, стр. 51.

⁵ В некрополе Илурата найден и целый костяк коровы в специально выгороженном в склепе 8 закутке, куда она, видимо, была помещена живой и где затем погибла. Однако поскольку этот склеп был частично разрушен, нам не удалось определить связь захоронения коровы с основным погребением.

⁶ Ср.: Е. Г. Касанаян. Обряд тризны в боспорских курганах. — СА, XIV, 1950, стр. 124.

⁷ А. И. Соболевский. Материалы и исследования в области славянской археологии. — Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 88, 1910, № 3, стр. 273. Ср. также: А. Котляревский. О погребальных обычаях языческих славян. СПб., 1868, стр. 131, 132; Н. Я. Марр. Термины из абхазо-русских этнических связей: «лошадь» и «тризна». Избр. произведений, т. I, стр. 146, 147, 151.

⁸ Ср.: E. Rohde. Psyche, I. Leipzig, 1898, стр. 151; A. Korte. Die Entstehung der Olympionienliste. — Hermes, 39, 1904, стр. 116; E. N. Gardiner. Athletics of the Ancient

Наряду с бегом, борьбой (в том числе и с оружием) и другими видами состязаний при погребении происходили и конские состязания. Лошадей в конце концов умерщвляли. В этнографической литературе сохранились сведения о таких конских ристаниях, сопровождавших еще в прошлом столетии поминальный обряд у осетин. Выделенных для такого обряда специальных лошадей преднамеренно загоняли до смерти⁹. Возможно, насильственно умерщвленная лошадь из катакомбы 5 играла такую же роль, и перечень элементов погребального обряда некрополя Илурата следует пополнить еще одним — конскими ристаниями.

Раскопками 1970 г. удалось прочно установить, что некоторые монументальные сооружения некрополя с VII—VIII вв. н. э. вторично использовались для захоронения новым населением этого района. Здесь господствовал обряд кремации, следы которой особенно выразительно представлены в верхнем горизонте заполнения камеры катакомбы 19. Находок здесь не оказалось за исключением обломков нижних частей круглодонных амфор, вероятно служивших урнами, и единственного железного наконечника стрелы (рис. 3, 13). Отсутствие инвентаря может объясняться тем, что здесь побывали кладонскатели.

Представляет интерес находка в верхнем горизонте катакомбы 21 четырех серебряных дирхемов, чеканенных в Крыму в 665 г. х. (1223 г. н. э.) при султани Менгу Тимуре¹⁰. Они найдены неподалеку от частично разрушенного человеческого костяка, засунутого в узкую щель в скале.

М. М. ГЕРАСИМОВА

НАСЕЛЕНИЕ АНТИЧНОЙ ФАНАГОРИИ
ПО ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Фанагорийский некрополь раскапывался уже в наше время неоднократно. Хронологические рамки некрополя очень широки, обряд погребения, положение костяка, ориентировка, инвентарь и другие характеристики погребений весьма разнообразны. Они отражают большую пестроту населения Фанагории, свидетельствуют об изменениях его состава.

Имеющиеся в нашем распоряжении черепа происходят из раскопок разных лет (табл. 1).

Таблица 1

Данные о происхождении черепов из фанагорийского некрополя

Автор и год раскопок	Датировка	Место хранения и инвентарный номер	Количество черепов
В. Д. Блаватский 1938—1939 гг.	III в. до н. э.— IV в. н. э.	Музей антропологии МГУ 8757—8759, 8887, 8888	—2 —3
М. М. Кобылина 1948—1951 гг.	I—III вв. н. э.	Музей антропологии МГУ 10345—10347, 10694—10696	—2 —4
М. М. Кобылина 1952 г.	?	Музей антропологии МГУ 10349—10351, 10353	—1 —3
А. К. Коровина 1960 г.	II—I вв. до н. э.	Институт этнографии	—4 —1
А. К. Коровина 1964—1965 гг.	III в. до н. э.— IV в. н. э.	Институт этнографии	—23 —13
			Детские — 2

Вся фанагорийская серия включает 58 черепов: 32 мужских (табл. 2), 24 женских и 2 детских. Серия характеризуется мезокранной черепной коробкой со средними величинами всех диаметров, средневысоким, среднешироким или узким лицом, средневысоким и узким средневыступающим носом. Мезокrania, сравнительная грацильность, сравнительная узколицесть и узконосость дают основание связывать серию со средиземноморской расой, с ее понтийским вариантом.

Обращает на себя внимание большая изменчивость таких признаков, как высота и ширина лица, и признаков, определяющих горизонтальную профилировку лица. О смешанности группы, кроме размаха изменчивости, свидетельствуют большие величины квадратического отклонения большинства признаков. Известно, что палеоантропологический материал почти всегда представляет собой большую механическую смесь, чем это свойственно материалу, отражающему структуру современных популяций, но в данном случае эта специфичность материала приобретает крайнюю форму. В суммарной фанагорийской серии наблюдается нарушение некоторых физиологических корреляций. Коэффициент корреляции между продольным и поперечным диаметрами имеет отрицательную величину —0,18, между продольным и скуловым диаметрами +0,19, между скуловым и поперечным —0,22. Можно предполагать, что изменение ха-

World. Oxford, 1930, стр. 20; М. М. Кубланов. Золотая бляшка из Чмырева кургана. — КСИИМК, 58, 1955, стр. 129.

⁹ Сборник сведений о Терской области, вып. I. Владикавказ, 1878, стр. 300.

¹⁰ Монеты определены научным сотрудником нумизматического отдела Эрмитажа К. В. Мытаревой.

Таблица 2

Суммарная мужская серия черепов из Фанагории

Признаки	N	Min—Max	\bar{x}	m_x	S	m_s
1. Продольный диаметр	31	172—197	184,3	±1,27	7,08	±0,90
8. Поперечный диаметр	31	131—153	139,7	±1,07	5,96	±0,76
17. Высотный диаметр	23	121—150	134,3	±1,58	7,57	±1,12
5. Длина основания черепа	26	89—109	100,4	±1,24	5,40	±0,88
9. Наименьшая ширина лба	31	91—105	97,3	±0,71	3,98	±0,51
10. Наибольшая ширина лба	31	106—128	117,0	±0,97	5,38	±0,68
11. Ширина основания	30	111—144	123,5	±1,30	7,11	±0,92
12. Ширина затылка	30	96—122	111,2	±1,21	6,62	±0,85
45. Скуловой диаметр	27	122—149	133,5	±1,21	6,29	±0,86
40. Длина основания лица	18	85—109	95,9	±1,26	5,35	±0,89
48. Верхняя высота лица	30	62—79	70,2	±0,84	4,53	±0,59
43. Верхняя ширина лица	25	99—116	105,6	±1,00	5,00	±0,71
46. Средняя ширина лица	21	93—113	97,3	±1,04	4,76	±0,74
55. Высота носа	28	47—60	52,4	±0,64	3,31	±0,44
54. Ширина носа	27	20,5—28,0	23,74	±0,35	1,85	±0,26
51. Ширина орбиты	28	37,7—47,0	42,39	±0,40	2,11	±0,28
52. Высота орбиты	29	30,3—39,2	34,87	±0,38	2,05	±0,27
Назосалярный угол	24	129—150	140,3	±1,04	5,09	±0,73
Зигмаксиллярный угол	22	120—143	128,4	±1,21	5,96	±0,86
Симотическая ширина	18	5,4—11,5	9,30	±0,45	1,90	±0,32
Симотическая высота	16	2,8—7,0	4,91	±0,32	1,28	±0,23
32. Угол лба	22	70—85	77,6	±0,78	3,64	±0,55
72. Лицевой угол	20	78—88	82,8	±0,76	3,41	±0,54
75. (1) Угол носа	13	17—43	27,6	±1,98	7,15	±1,40

рактика коррелятивной связи вызвано тем, что суммарная серия представляет собой собрание черепов, разделенных этнически и хронологически.

Основную группу в суммарной серии составляют черепа из грунтового могильника раскопок 1964—1965 гг. Было вскрыто 348 могил, но из-за плохой сохранности костяков автору настоящего сообщения удалось взять и реставрировать лишь 38 черепов, т. е. в работу поступил материал приблизительно из девятой части всех обнаруженных погребений. Отсюда понятны трудности интерпретации материала.

Характеристика серии из грунтового могильника 1964—1965 гг. почти тождественна характеристике суммарной серии. Небольшие различия наблюдаются в величине ширины основания черепа, ширины затылка, скулового диаметра, т. е. в некоторых широтных размерах, которые в суммарной серии несколько больше. Пределы вариации признаков в серии из грунтового могильника 1964—1965 гг. более сжаты, чем в суммарной серии. Коэффициент корреляции между продольным и поперечным диаметрами, как в суммарной серии, имеет отрицательную величину (—0,15).

По обряду погребения все могилы этого памятника автор раскопок А. К. Коровина делит на три хронологические группы. Каждая из групп характеризуется определенным обрядом, инвентарем и т. д., на основании чего А. К. Коровина делает вывод об изменении этнического состава населения на протяжении существования этого памятника¹. Для первого этапа, с III по начало I в. до н. э., характерен греческий обряд погребения (греческий инвентарь, монета во рту). По сравнению с эллинистическим периодом погребения I в. до н. э.—II в. н. э. дают картину изменений, которую А. К. Коровина объясняет влиянием другой этнической группы. Погребения с оружием, случаи погребения со скрещенными ногами, западная и северная ориентировка могут быть связаны с меотской или

¹ А. К. Коровина. Раскопки некрополя Фанагории в 1964 г. — КСИА, 109, 1967.

меото-сарматской средой. От этих погребений резко отличаются погребальным инвентарем погребения III—IV вв. н. э., в которых появляются кувшины с зооморфными ручками, лощеная керамика.

Интересно было бы выяснить, происходило ли изменение антропологических типов в течение выделенных отрезков времени. В табл. 3 сопоставляются эти три группы. С самого начала надо оговориться, что цифрам не следует придавать слишком большое значение из-за малочисленности выборки.

Таблица 3

Сравнение мужских черепов различных хронологических групп из грунтового могильника Фанагории (1964—1965 гг.)

Признаки	III—II вв. до н. э.	I в. до н. э.—II в. н. э.	III—IV вв. н. э.
1. Продольный диаметр	183,0	182,0	191,0
8. Поперечный диаметр	140,0	139,5	138,0
17. Высотный диаметр	134,2	128,5	140,0
9. Наименьшая ширина лба	95,0	97,4	100,2
10. Наибольшая ширина лба	117,8	117,0	117,4
11. Ширина основания черепа	122,0	122,7	120,4
12. Ширина затылка	112,0	109,9	112,4
45. Скуловой диаметр	135,2	129,3	133,5
48. Верхняя высота лица	69,5	68,0	72,2
55. Высота носа	51,6	50,1	52,2
54. Ширина носа	23,38	22,98	24,87
51. Ширина орбиты	41,33	41,33	43,37
52. Высота орбиты	34,10	32,70	35,52
8:1. Черепной указатель	76,43	76,78	72,00
48:45. Лицевой указатель	51,41	52,64	54,08
54:55. Носовой указатель	44,96	45,87	47,22
52:51. Орбитный указатель	83,23	80,68	81,58
Численность группы	6	8	5

Первая и вторая группы отличаются от третьей формой и величиной мозговой коробки. Черепа поздней группы долихокранны и характеризуются большими размерами продольного и высотного диаметров. В строении лица все три группы различаются достаточно определенно: наиболее широколицыми оказываются черепа ранние, наиболее узколицыми — черепа второго периода, к тому же они обладают наиболее низким лицом, более низкими орбитами и более узким носом. Если бы сопоставляемые группы были выделены по принципу морфологического сходства, то можно было бы отмеченные различия считать функциональными, связанными, например, с общей величиной черепа.

Сопоставление групп по историческому принципу с учетом хронологии позволяет с большим вниманием отнестись к отмеченным различиям. Особенности второй группы можно связать с антропологическими особенностями черепов из меотских могильников Прикубанья и из курганного могильника Танаиса. Мезодолихокранный европеоидный тип со сравнительно низким и узким лицом, подобный выделенному на материале фанагорийского грунтового некрополя, как один из компонентов выделяется и в некрополях Гермонассы и Горгиппии, в грунтовом некрополе Танаиса, в Усть-Лабинском и Моздокском могильниках². Особенности второй группы можно объяснить притоком меотского населения из Прикубанья.

Археология не позволяет отрицать сарматский этнический элемент в Фанагории (находка сарматских зеркал, одноручных лощеных кувши-

² М. М. Герасимова. Антропологическая характеристика черепов из грунтовых погребений Танаиса. — Сб.: Древности Нижнего Дона. М., 1965; Она же. К вопросу об этническом составе населения древнего Танаиса. — СЭ, 1971, № 4.

нов, деформированные черепа. Но в фанагорийской черепной серии связь между признаками, позволившими бы выделить сарматский пласт, проявляется недостаточно отчетливо. Хотя нарушение статистического характера связи между признаками свидетельствует о смешанности фанагорийской серии, комплекс признаков, характерный для сарматов, т. е. сочетание короткой черепной коробки с широким, несколько уплощенным лицом, здесь не выделяется. Видимо, приходится признать, что свидетельства о варваризации Азиатского Боспора говорят не столько о притоке сарматского населения, сколько об усилении связей с Прикубаньем, с его меотской или меото-сарматской средой.

В связи с усилением эллинизации погребального обряда, наблюдаемом в могилах III—II вв. до н. э. по сравнению с архаическим периодом, А. К. Коровина ставит вопрос о принадлежности этих погребений грекам³. Черепа из грунтового некрополя Фанагории по сравнению с черепами древних греков обладают более узкой и высокой черепной коробкой, большей высотой лица, более узким и высоким носом, более высокими орбитами. Черепа из фанагорийских могил III—II вв. до н. э. отличаются от древнегреческих синхронных более выраженной широколицестью, в то время как ширина черепной коробки у них меньше⁴. В этой связи вспоминаются некоторые надгробные памятники Таманского полуострова. Исполнение этих надгробий демонстрирует достаточно высокие художественные возможности населения Боспора в передаче портретности. Хотя их иконография испытывает определенное влияние греческого искусства, в передаче черт лица заметны отличия от греческих канонов. Здесь мы встречаем характерный тип с широким плоским лицом. Не исключена возможность, что это не манера исполнения, а передача физиономического своеобразия туземного населения Таманского полуострова.

Аналогии черепам третьей группы можно искать среди долихокраних узколицых типов, характерных для средневековых аланских могильников, таких как Дуба-Юрт или Верхне-Салтовский. Эти аналогии кажутся, на первый взгляд, несколько далекими. Но следует вспомнить, что уже в III в. н. э. на Боспоре была специальная коллегия аланских переводчиков.

Из вышесказанного следует:

1. Для выяснения антропологического типа аборигенного, т. е. синдского, населения явно недостаточно материала. Необходимы данные именно по ранним периодам, так как уже со II в. до н. э. здесь происходили значительные передвижения этнических масс.

2. Особенности строения черепов из грунтового некрополя Фанагории ставят под сомнение принадлежность их грекам. Учитывая немногочисленность греков-переселенцев по сравнению с местным населением, приток которого в город был практически неограничен, можно предполагать, что греки не оказали значительного воздействия на физический облик населения Азиатского Боспора.

3. Материал, который находится в нашем распоряжении, свидетельствует о преобладании групп меотского происхождения среди фанагорийского населения I в. до н. э.—II в. н. э.

4. Для более позднего времени могут быть прослежены скорее всего аланские связи.

5. Анализ индивидуальных данных показывает, что в фанагорийской серии есть отдельные черепа явно монголоидного облика, с уплощенным лицом и слабо выступающим носом. К сожалению, их датировка не всегда определена. Нельзя исключить возможность того, что в них проявляется гуинское влияние.

³ А. К. Коровина. Некрополи Синдики VI—II вв. до н. э. как источник для изучения взаимодействия греческих и варварских элементов в истории Азиатского Боспора. Автореф. канд. дисс. М., 1964.

⁴ J. Laurens Angel. Racial Analysis of Ancient Greeks. — American Journal of Physical Anthropology, 2, 1944.

ХРОНИКА

Т. М. АРСЕНЬЕВА

РАБОТА СЕКТОРА АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ В 1971—1974 ГГ.

Сотрудники сектора занимаются проблемой, связанной с историей и археологией античных государств Северного Причерноморья и их взаимоотношениями со Средиземноморьем и окружающим миром. В 1974 г. сектор античной археологии приступил к работе над томом «Античные города и государства Северного Причерноморья» для многотомного издания «Археология СССР». В связи с этой работой в плановые темы отдельных сотрудников были внесены некоторые коррективы.

За отчетный период в составе сектора произошли изменения. 19 августа 1973 г. умер заведующий сектором доктор исторических наук Н. И. Сокольский. С конца 1973 г. заведовать сектором стала старший научный сотрудник И. Т. Кругликова. Приступил к работе в секторе Ю. М. Десятчиков, аспирант 1971—1973 гг. Под руководством В. Д. Блаватского в секторе работали два аспиранта — И. Р. Пичикян и А. А. Масленников. В 1974 г. И. Т. Кругликова защитила докторскую диссертацию на тему «Сельское хозяйство Боспора», Ю. М. Десятчиков — кандидатскую диссертацию на тему «Процесс сарматизации Боспорского царства», а И. Р. Пичикян — «Ордерная архитектура Северного Причерноморья».

Сотрудники сектора принимали активное участие в работе теоретических семинаров Института археологии. Доктор исторических наук В. Д. Блаватский является заместителем председателя секции истории первобытного и рабовладельческого обществ при научном Совете по комплексной проблеме «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой» при Отделении истории АН СССР. На конференции 1973 г. (Москва), посвященной возникновению раннеклассовых обществ, В. Д. Блаватский прочел доклад «Черты военной демократии в дорийском обществе».

В течение отчетного периода сданы в печать следующие работы:

Сборник статей, посвященный 50-летию научной деятельности В. Д. Блаватского. История и культура античного мира.

В. Д. Блаватский. Природа и античное общество.

А. И. Болтунова. Очерки истории Колхиды и Иберии.

Н. И. Сокольский. Таманский толос и резиденция Хрисалиска.

Научно-популярная книга: Д. Б. Шелов. Причерноморье две тысячи лет тому назад.

Рукопись М. М. Кобылиной «Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века нашей эры» отправлена в Амстердам.

Завершено несколько многолетних плановых тем. Работы Г. А. Цветаевой «Экономические и культурные взаимоотношения Римской империи с городами Северного Причерноморья» и «Греческие граффити и расписная керамика из Горгииппии (из раскопок 1953—1973 гг.)», Б. Г. Петерса «Михайловское поселение», Т. М. Арсеньевой «Некрополь Танаиса (по раскопкам 1960—1973 гг.)» подготовлены к печати.

Сотрудники сектора написали около 150 статей и заметок по самым разнообразным вопросам, касающимся проблем античной археологии. Ряд статей был подготовлен и сдан в печать для зарубежных изданий.

Вышли из печати следующие работы, подготовленные сектором.

Н. И. Сокольский. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971.

М. М. Кобылина. Античная скульптура Северного Причерноморья (альбом). М., 1971.

Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972.

Д. Б. Шелов. Керамические клейма из Танаиса III—I веков до н. э. М., 1975.

Е. М. Алексеева. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ, Г1-12. М., 1975.

И. Т. Кругликова. Дильберджин. М., 1974.

И. Т. Кругликова. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.

И. Т. Кругликова. Синдская гавань—Горгииппия—Анапа. М., 1975. Терракотовые статуэтки. САИ, Г1-11, часть 3; 4, 1974, под редакцией и с авторским участием М. М. Кобылиной (вошли также статьи И. Т. Кругликовой, Т. М. Арсеньевой, Э. Я. Николаевой).

Античная цивилизация. М., 1973—научно-популярная книга, подготовленная к печати коллективом сотрудников сектора (А. И. Болтунова, И. Б. Зеест, М. М. Кобылина, И. Т. Кругликова, Н. А. Онайко, Д. Б. Шелов, Г. А. Цветаева) с участием и под редакцией В. Д. Блаватского.

Археологические памятники Нижнего Подонья. М., 1974, под редакцией М. Г. Мошковой и Д. Б. Шелова, со статьями сотрудников сектора Д. Б. Шелова, И. Т. Кругликовой, Т. М. Арсеньевой.

Научно-популярная книга Г. А. Цветаевой «Сокровища Причерноморских курганов» (М., 1968) переведена на эстонский язык («Курганы на берегу Черного моря»).

В последние годы сотрудники работают над следующими темами:

И. Т. Кругликова: Античные памятники Северного Афганистана, открытые Советско-Афганской экспедицией в 1969—1973 гг.

М. М. Кобылина: История и культура Фанагории по данным раскопок за 12 лет (с 1954 по 1973 гг. с перерывами); а также над главой для тома «Античные города и государства Северного Причерноморья» (Искусство Северного Причерноморья).

Д. Б. Шелов в связи с необходимостью работы над томом «Античные города и государства Северного Причерноморья» прервал работу над плановой темой «Причерноморье во II—I вв. до н. э.»

Н. А. Онайко в связи с большой экспедиционной работой прервала тему «Античные изделия из золота и серебра в Северном Причерноморье (VI—V вв. до н. э.)» и работает над темой «Ранний Торик (к истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху)».

Т. М. Арсеньева начала заниматься темой «Краснолаковая керамика Танаиса».

Б. Г. Петерс начал работу над темой «Костяные изделия античного времени из Северного Причерноморья».

У В. С. Долгорукова работа связана с афганской тематикой «Оборонительные сооружения Дильберджин», в связи с чем прервана работа над темой «Акрополи эллинических городов».

Е. М. Алексеева работает над темой «Массовые бронзовые украшения Северного Причерноморья (VI в. до н. э.—IV в. н. э.)».

Ю. М. Десятчиков подготавливает к печати монографию «Сираки и Боспор».

Э. Я. Николаева начала заниматься темой «Городище у пос. Ильичевка».

На заседаниях сектора были заслушаны доклады сотрудников по плановым темам и по различным проблемам истории и археологии Северного Причерноморья. Кроме того, были прочитаны доклады о всех полевых исследованиях. Выступали с докладами сотрудники других учреждений и зарубежные ученые.

Сотрудники сектора участвовали в организации и проведении научной конференции в Ленинграде, посвященной художественной культуре и археологии античного мира в связи со 100-летием со дня рождения Б. В. Фармаковского (январь 1971 г.)¹.

Подготовлен и сдан в печать сборник трудов конференции (ответственный редактор Н. И. Сокольский, один из редакторов Г. А. Цветаева). В сборник вошли статьи В. Д. Блаватского, М. М. Кобылиной, Н. И. Сокольского, И. Т. Кругликовой, Н. А. Онайко.

На III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии 1972 г. ИА АН СССР Н. А. Онайко прочла доклад «Звериный стиль и античный мир Северного Причерноморья в VII—IV вв. до н. э.»

В конференции Эрмитажа «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир» (1973 г.) принимали участие Д. Б. Шелов, А. И. Болтунова.

Многие сотрудники сектора выступали с докладами на ежегодных сессиях Отделения истории и пленумах ИА АН СССР.

В 1973 г. Н. И. Сокольский посетил ФРГ и прочел там ряд докладов о достижениях советской античной археологии.

На международной конференции «Эйрене» в 1972 г. в г. Клуж (Румыния) выступали с докладами Д. Б. Шелов («Социально-экономические, этнические и политические процессы в Северном Причерноморье во II в. н. э.»), Н. И. Сокольский («Новейшие работы в Керах») и М. М. Кобылина («Варваризация греческих типов терракот на Боспоре»).

На международной конференции «Эйрене» в 1974 г. в г. Дубровник (Югославия) выступали с докладами Д. Б. Шелов («Кочевники Волгодонских степей и античный мир во II—III вв. н. э.»), Н. А. Онайко («К истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху») и Е. М. Алексеева («Раскопки в Горгииппии»).

В работах VI Международного конгресса классических наук в Мадриде принимали участие Г. А. Цветаева и Т. М. Арсеньева. Т. М. Арсеньева сделала сообщение «Античный город Танаис и его окружение».

В 1971—1974 гг. И. Т. Кругликова руководила Советско-Афганской экспедицией. В работах экспедиции принимали участие В. С. Долгоруков и Ю. М. Десятчиков.

Сотрудники сектора проводили большие полевые исследования. В 1971—1974 гг. работали следующие экспедиции: Анапская (И. Т. Кругликова, Е. М. Алексеева, Г. А. Цветаева, Ю. М. Десятчиков); Таманская (Н. И. Сокольский, Э. Я. Николаева, Ю. М. Десятчиков); Нижнедонская (Д. Б. Шелов, Т. М. Арсеньева); Фанагорийская (М. М. Кобылина, В. С. Долгоруков); Новороссийско-Геленджикская (Н. А. Онайко); Михайловская (Б. Г. Петерс); Херсонесская (И. Т. Кругликова), Д. Б. Шелов руководил новостроечной Донской экспедицией².

¹ См.: Г. А. Цветаева, В. С. Долгоруков. Научная конференция памяти Б. В. Фармаковского. — СА, 1971, № 4, стр. 296 и сл.

² См.: АО 1971 г. М., 1972; АО 1972 г. М., 1973; АО 1973 г. М., 1974; АО 1974 г. М., 1975.

Е. Г. КАСТАНАЯН

ГРУППА АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ ЛОИА АН СССР
В 1971—1974 ГГ.

Как и предыдущие годы, работа группы была связана с исследованиями в области античной археологии Причерноморья и Средиземноморья. Часть сотрудников была занята написанием обобщающих работ по итогам археологического изучения городов и поселений Причерноморья, часть — вела работу по исследованию отдельных групп археологического материала. Кроме того, велись раскопки, охватывающие обширный район Северного Причерноморья, — на Боспоре, в Нижнем Побужье, в Херсонесе и его хоре, а также в Нижнем Подонье.

В группе разрабатывались следующие темы:

С. А. Беляев работал по теме «Краснолаковая керамика из античных городов Северного Причерноморья IV—VI вв. до н. э.».

И. Б. Брашинский закончил работу «Античный импорт на Нижнем Дону», основанную преимущественно на материалах раскопок Южно-Донской экспедиции под руководством автора. В работе намечаются направления и объем торговли между странами Средиземноморья и Северо-Восточного Причерноморья, выделяется ряд новых типов импортной керамики, найденных в Елизаветовском городище, и амфорных клейм. Кроме того, И. Б. Брашинский приступил к написанию обобщающего труда по итогам раскопок Елизаветовского городища и его курганного могильника на Нижнем Дону.

А. Н. Карасев приступил к работе «Ольвийский гимнасий». Смерть в 1972 г. оборвала это исследование до его завершения.

Е. Г. Кастанаян завершила работу «Тиритака», посвященную итогам археологических исследований этого города, проводимых Боспорской экспедицией под руководством В. Ф. Гайдукевича. В настоящее время подготавливают работу «Мирмекий» в том же плане.

Е. И. Леви работала над монографией «Ольвия эпохи эллинизма». Написаны главы, посвященные обзору источников, оборонительным сооружениям, исследованию жилых кварталов Ольвии и ее общественных сооружений в районе теменоса и агоры.

К. К. Марченко, будучи старшим лаборантом, защитил кандидатскую диссертацию на тему «Лепная керамика Березани и Ольвии конца VII—I вв. до н. э.». В 1974 г. он избран по конкурсу младшим научным сотрудником и начал совместно с И. Б. Брашинским работу «Елизаветовское городище».

В. И. Пругло переведена в 1972 г. на должность младшего научного сотрудника. Ею закончена работа «Терракоты Боспора», основанная на материалах Боспорской экспедиции. Работа утверждена к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Написала статью «О культе местного женского божества на Боспоре».

П. Н. Шульц заканчивал монографию «Скифские изваяния и сарматские антропоморфные стелы». Автором произведен тонкий стилистический анализ памятников, определены их даты и выделены характерные черты, разделяющие оба круга этих памятников. Им же начата работа «Художественное ремесло Неаполя скифского» и написана статья «Погребение

позднесарматского времени Неаполя скифского». В 1974 г. вышел на пенсию.

И. Г. Шургая закончила работу над монографией «Очерки истории культуры Александрии Египетской эпохи эллинизма».

А. Н. Щеглов закончил работу «Херсонесский некрополь у Песочной бухты». В работе выделяются две группы погребений, связанные с различным социальным статусом погребенных. В настоящее время А. Н. Щеглов работает над темой «Страбон о Херсонесе». Написаны главы, посвященные исследованию города и его земледельческой округи, а также природным условиям Маячного полуострова в древности.

Полевую работу группы вели следующие экспедиции:

Боспорская экспедиция в составе трех отрядов работала под руководством И. Г. Шургая. Порфмийский отряд (руководитель Е. Г. Кастанаян) закончил работы по раскопкам северо-западного квартала города Порфмий эллинистического времени. Кроме того, в плане охранных раскопок отряд проводил работы на городище Гераклий близ Керчи, в месте обвала нагорной части Змеиного мыса, где расположено городище. Были частично раскопаны оборонительная стена I в. н. э. и башня. Илуратский отряд (руководитель И. Г. Шургая) изучал центральную часть Илурата — крепости I—III вв. н. э. Раскрыт перекресток двух главных улиц, ведущих к городским воротам, и раскопаны два здания кварталов вблизи перекрестка. Отряд по изучению некрополя Илурата (руководитель М. М. Кубланов) раскрыл обширную ритуальную площадку со следами двукратной тризны, погребением собаки и лошади. Раскопаны также однокамерный склеп с уступчатым сводом и катакомба с вырубленной в скале лежанкой; на козырьке свода — изображение бородатого мужчины.

Ольвийская экспедиция (начальник Е. И. Леви) по-прежнему концентрировала работы на раскопках ольвийской агоры. Продолжалось исследование территории гимнасия второй половины IV—III в. до н. э. Доследовано здание начала III в. до н. э., в котором, возможно, находилась аптека: в подвале этого здания найдено большое количество глиняных флаконов для лекарств. Продолжалось исследование системы водоснабжения гимнасия конца IV—начала III в. до н. э. Выявлены ее основные компоненты — колодец, резервуары для горячей воды и водопровод из керамических труб. Исследовалось также общественное здание середины — второй половины VI в. до н. э. и ряд построек начала V в. до н. э. В 1974 г. начаты работы в хоре Ольвии.

Тарханкутская экспедиция (начальник А. Н. Щеглов) в составе четырех отрядов продолжала комплексные исследования раннеэллинистического поселения Панское I и его курганного могильника на территории херсонесской хоры в Северо-Западном Крыму (Тарханкутский полуостров). Раскопаны здание конца IV — первой половины III в. до н. э. и 13 курганов. Проводились палеогеографические исследования, геофизическая съемка памятника, а также археологические разведки.

Южно-Донская экспедиция (начальник И. Б. Брашинский) работала в составе двух отрядов. Один, основной, вел раскопки Елизаветовского городища. Изучалась оборонительная система городища IV в. до н. э. В центральной части были открыты остатки торгового склада второй половины IV в. до н. э. Рядом с этим зданием находилось скопление многих сотен амфор, преимущественно гераклеиских и фасосских. Каменное здание перекрывало обычное для городища здание каркасно-столбовой конструкции полуземляночного типа. От другого здания второй половины IV — начала III в. до н. э. раскрыты были три стены: две — каменные, третья — глинобитная каркасно-столбовой конструкции. Раскрыты также круглая землянка и, по-видимому, остатки производства роговых ритонов в виде скопления десятков стержней рогов крупного скота со следами первичной обработки.

Другой отряд обследовал остатки двух поселений в округе Елизаветовского городища — Дугино I и Дугино II. Определены границы поселений, их стратиграфия. Оба поселения синхронны Елизаветовскому городищу.

На заседаниях группы были заслушаны доклады сотрудников по их научно-исследовательским темам и по итогам полевых работ. Сотрудники группы выступали также с докладами о полевых исследованиях на Пленумах Института археологии АН СССР в Тбилиси и Ленинграде и Института археологии АН УССР в Одессе, а также на конференции Института археологии АН СССР и Эрмитажа в 1971 г., организованной в связи со 100-летием со дня рождения Б. В. Фармаковского и посвященной художественной культуре и археологии античного мира, конференции Эрмитажа «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир». Ряд заседаний группы был проведен совместно с Отделом истории искусства и археологии античного мира Эрмитажа.

На заседаниях группы прослушаны и обсуждены доклады сотрудников других учреждений, отечественных и зарубежных: Л. Г. Колесниковой (Севастополь) «Антропоморфные надгробия Херсонеса» и «К вопросу о датировке антропоморфных надгробий Херсонеса»; Ю. Г. Виноградова (Москва) «О политическом единстве Березани и Ольвии»; М. М. Кубланова (Ленинград) «Раскопки некрополя Илурата»; С. И. Капошиной (Ленинград) «Литейная форма из раскопок Ольвии 1969 г.»; А. П. Манцевича (Ленинград) «О раскопках Толстой могилы»; В. Фукса (Тюбинген, ФРГ) «Иконография сюжета „Бегство Энея из Трои“ в VI в. до н. э. до Ренессанса»; С. Д. Крыжицкого (Киев) «О подводных исследованиях в Ольвии и Тире в 1971 г.»; Н. И. Сокольского (Москва) «Раскопки в Кепях в 1970 г.», «Культ Афродиты в Кепях» и «О работах Таманской экспедиции»; М. М. Лесницкой (Ленинград) «Скульптура Асклепия из Ольвии (раскопки 1970 г.)»; Г. М. Николаенко (Севастополь) «Объемы амфор античного Херсонеса»; К. К. Шилика (Ленинград) «К вопросу о современных границах Нижнего города Ольвии» и «О локализации Геродотова Эксампия»; В. А. Коренцвит (Ленинград) «Святилище Илурата»; Н. В. Шебалина (Ленинград) «Некоторые надписи Северного Причерноморья»; К. Парласка (Нюрнберг, ФРГ) «Археология в Федеративной республике Германии»; А. П. Чубовой и Б. Н. Федорова «Эллинистические памятники херсонесской живописи»; Д. А. Мачинского (Ленинград) «О смысле изображений на некоторых произведениях греко-скифской торевтики»; Л. И. Лаврова (Ленинград) «Была ли рабовладельческая формация на Кавказе?»; Т. Ф. Скиркиной (Ленинград) «Курганы Ульского аула»; К. К. Шилика (Ленинград) «Реконструкция географических условий античных поселений Северо-Западного Причерноморья» (совместно с лабораторией археологической технологии); В. В. Лапина (Киев) «Генезис античной северопонтийской цивилизации»; М. В. Скржинской (Киев) «Сведения о народностях Восточной Европы у Плиния и Тацита»; В. И. Каца (Саратов) «Керамические клейма усадьбы 6 поселения Панское I»; Ю. Г. Виноградова (Москва) «Осада Ольвии Запароном и политическая история города в последней трети IV в. до н. э.»; О. Я. Савели (Севастополь) «О взаимоотношениях Херсонеса Таврического с варварами Юго-Западного Крыма в V—III вв. до н. э.»; А. И. Айбабина (Феодосия) «Античные погребения в Феодосии»; К. К. Шилика (Ленинград) «Водоснабжение Ольвии и ее окружи».

В 1971 г. в Берлине (ГДР) была опубликована работа покойного В. Ф. Гайдукевича «Боспорское царство» (переработанное и расширенное издание)¹.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП	— Античные города Северного Причерноморья. М.—Л., 1955
АДУ	— Археологічні дослідження на Україні. Київ
АИБ	— Археология и история Боспора. Симферополь, 1962
АИКСП	— Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968
АО	— Археологические открытия
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ	— Вестник древней истории
ГМИИ	— Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗОО	— Записки Одесского археологического общества
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ЗНРАО	— Записки нумизматического отделения Русского археологического общества
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИВАД	— Известия на Варненско археологическо дружество
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИРАИМК	— Известия Российской академии истории материальной культуры
КБН	— Корпус боспорских надписей
КС ОГУ и ОГАМ	— Краткие сообщения Одесского государственного университета и Одесского археологического музея
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАР	— Материалы по археологии России
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НнС	— Нумизматика и сфрагистика
НС	— Нумизматический сборник
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии
ПИСП	— Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СХМ	— Сообщения Херсонесского музея
СЭ	— Советская этнография
ТГИМ	— Труды Государственного исторического музея
УЗМАРГПИ	— Ученые записки Марийского государственного педагогического института
Уч. зап. МГПИ	— Ученые записки Московского государственного педагогического института
AM	— Archäologischer Mitteilungen
BCH	— Bulletin de correspondance hellénique
CIG	— Corpus inscriptionum Graecarum
CVA	— Corpus vasorum Antiquorum
JDA	— Jahrbuch des deutschen Archäologischen Instituts
IG	— Inscriptiones Graecae
IGRP	— Inscriptiones Graecae ad res Romanes pertinentes
IOSPE	— Inscriptiones orae Septentrionalis Ponti Euxini
MS	— Materiały starożytności. Wrocław—Warszawa—Kraków
OP	— Obzor prehistoricky. Praha
PA	— Przegląd archeologiczny. Warszawa
PZ	— Prähistorische Zeitschrift. Berlin—Leipzig
RA	— Revue archéologique
RGZM	— Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Mainz
SCIV	— Studii și cercetări de istorie veche. București

¹ V. F. Gaidukevič. Das Bosporianische Reich. Berlin, 1971.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

А. П. Чубова, Б. Н. Федоров. Вопросы реконструкции живописных надгробий Херсонеса	3
В. И. Кадеев. К вопросу о «царствовании» Девы в Херсонесе	9
Е. Н. Жеребцов. Новые данные к аграрной истории Херсонеса IV—I вв. до н. э.	14
А. А. Масленников. Этническая принадлежность погребений в каменных ящиках Восточного Крыма	19

Публикации

М. М. Лесницкая. Аттическая стела из Одесского археологического музея	23
А. А. Зедгенидзе. Исследование северо-западного участка античного театра в Херсонесе	28
Н. А. Онайко. Раскопки античного поселения в Геленджикской бухте	35
В. И. Цехмистренко. Синопское клеймо из Горгиппии	41
Е. М. Алексеева. Керамический комплекс первой половины III в. до н. э. из Горгиппии	44
И. Д. Марченко. Новые виды боспорской эллинистической керамики	51
О. Д. Дашевская. Каменные склепы Беляусского могильника	55
А. И. Салов. К вопросу о топографии Горгиппии	61
И. Б. Брашинский. Заметки о торговле Елизаветовского поселения на Дону	68
К. К. Шилик. К вопросу о западной границе Нижнего города Ольвии	72
В. С. Долгоруков. Фанагорийская винодельня I—II вв. н. э.	78
С. Ю. Сапрыкин. Каппадокийская монета I в. до н. э. из херсонесской усадьбы	84
Э. А. Сымонович. Подражания амулетам из египетского фаянса в Нижнем Поднепровье	86
Б. Г. Петерс. Краснолаковая керамика из раскопок Михайловского поселения	88
Т. В. Блаватская. Фанагорийская надпись Савромата I	92
Д. Б. Шелов. Скульптурное надгробие из Танаиса	98
М. М. Кубланов. Новые памятники некрополя Илурата	102
М. М. Герасимова. Население античной Фанагории по палеоантропологическим данным	109

Хроника

Т. М. Арсеньева. Работа сектора античной археологии в 1971—1974 гг.	113
Е. Г. Кастанаян. Группа античной археологии ЛОИА АН СССР в 1971—1974 гг.	116
Список сокращений	119